

Александр Кичигин

ДНЕВНИК ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СЫЩИКА

почти документальная повесть

Александр Кичигин

**Дневник провинциального
сыщика. Почти
документальная повесть**

«Издательские решения»

Кичигин А.

Дневник провинциального сыщика. Почти документальная повесть
/ А. Кичигин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854231-2

Действия повести развиваются в 90-х годах XX века в провинциальном городе Белгороде. Нестабильная экономическая и социально-политическая ситуация в стране порождает разгул общеуголовной преступности, борьбу с которой самоотверженно ведут белгородские оперативники. На протяжении всего повествования автор позволяет читателю погрузиться в атмосферу того непростого времени, заставляя на протяжении всего повествования как грустить, так и улыбаться вместе с его невыдуманными героями.

ISBN 978-5-44-854231-2

© Кичигин А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Часть 1. Уголовный розыск	20
1992. Крутой вираж	20
1988. Несколько слов о гражданской службе	22
1992. Принятие решения	25
1994. Мотив убийства	27
1992. Без меня меня женили	31
1989. Потерпевший	33
1994. Мотив убийства (продолжение)	37
2011. Обратная сторона реформы	41
1992. О некоторых методах допросов	44
1992. Полезные прогулки с Николаем Федоровичем	49
1994. День розыска	51
Праздник удался	56
На притоне	60
1993. Первое внедрение	64
1993. Новые люди	70
1994. Затянувшееся раскрытие убийства	75
1994. Особые правила	83
1994. В паре с Трофимовым	86
1994. Загадочное убийство	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дневник провинциального сыщика Почти документальная повесть

Александр Кичигин

© Александр Кичигин, 2017

ISBN 978-5-4485-4231-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

«Как-то в пятницу поздним зимним вечером полковник полиции Климов Федор Степанович, начальник кафедры одного из престижнейших вузов МВД, чтобы снять накопившуюся за неделю усталость, решил заехать в местный боулинг, пригласив для компании тройку своих старых друзей, с которыми не виделся уже около месяца. Двое из них, пенсионеры МВД Воронов Виталик и Велиев Глеб, уже несколько лет находились на заслуженном отдыхе, а самый молодой, Федин Олег, имея собственную строительную фирму и туристическое агентство, занимался предпринимательской деятельностью. Всех их связывали длительные дружеские отношения, совместная работа в прошлом на почве борьбы с преступностью и, конечно, общность взглядов и интересов.

К сожалению, всех собрать в этот вечер не удалось – Глеб с семьей уехал в очередной раз на отдых куда-то к берегам Италии, а Олег, как обычно, горбатился на работе допоздна, чтобы погасить многочисленные кредиты. Только Виталик отдыхал в своем загородном доме после посещения престижного спортзала с сауной, мечтая в тесном дружеском кругу расслабиться хорошим пивком с карибскими омарами. Именно поэтому он с радостью отозвался на предложение увидеться, хотя от боулинга отказался, сославшись на усталость, предложив встретиться в тесном, но уютном пабе по улице Мокроусова. Климову ничего не оставалось, как согласиться. Бросив ключи от новенького БМВ в ящик рабочего стола, он вышел на улицу и пешком направился в паб, который находился в метрах трехстах от работы. Виталик подъехал на такси минут через двадцать. К тому времени Климов уже успел выпить кружечку доброго чешского пива и в приподнятом настроении наблюдал за мажорной публикой, собравшейся сегодня в баре...»

Так начинался дневник Федора Степановича Климова, моего нового знакомого по несчастью, хотя по сей день благодарен случаю за эту встречу, назвать судьбоносной которую будет огромным преувеличением, а вот приятной и значимой – как раз в точку!

Предугадываю массу вопросов по поводу описанного выше, особенно удивленные глаза сотрудников правоохранительных органов, главный из которых: «Что за бред вы несете по поводу жизни полицейских?» А более придирчивый читатель еще и заметит: «Почему дневник написан от третьего лица?»

На первый из них я, пожалуй, отвечу сразу – эти строки не более, чем веселые фантазии друзей, имеющие отношение к 2011 году в преддверии реформы МВД, когда со следующего года полицейским было гарантировано безбедное существование. И потому далее Климов со свойственной ему иронией повествует: «Жаль только, что 2012 год, увы, еще не наступил... Не лучше ли вернуться на землю, в настоящее время...»

И рассказывает про настоящее, как все происходило на самом деле.

«Как-то в пятницу поздним зимним вечером полковник милиции Климов Федор Степанович, начальник кафедры одного из многочисленных вузов МВД, чтобы снять накопившуюся за неделю усталость, решил выпить пивка с тройкой старых друзей. Пенсионеры МВД Виталик и Глеб восприняли эту затею с радостью и согласились встретиться через часок в пивной забегаловке по улице 5 Августа, а предприниматель Олег, имеющий собственную строительную фирму и туристическое агентство, как всегда, оказался в районе берегов Италии на отдыхе с любовницей.

Ровно в назначенное время друзья встретились возле бара, тепло обнялись, словно братки на стрелке, и зашли в прокуренное и проспиртованное помещение, забитое почти до отказа сомнительной и полунищей публикой из ближайших окрестностей.

Как обычно, дежурившая за стойкой в этот день почти квадратная тетя Рая встретила друзей своей приветливо-ироничной улыбкой, разогнала на уютном столике в углу алкашей, смела с него грязной тряпкой рыбью чешую и хлебные крошки, после чего почтительно поставила на стол три кружки светло-пенистого разливного «Пикура»¹ и приветливо к ним помашила... Не успели они сделать и по глотку, как на столе появились бутерброды с красной рыбой и развесные крабовые палочки.

– На здоровье, ребятки! Что-нибудь еще?

– Спасибо, все как обычно.

Обычно друзья выпивали по три-четыре бокала, успев за это время рассказать друг другу все, что накопилось с прошлой встречи, вспомнить прошлое и помечтать о будущем... А накопилось много всего: ход милицейской реформы, очередной скачок цен, обострившаяся международная обстановка, расслоение и деградация населения и многое-многое другое.

– Что про пенсионеров слышно? – задал свой самый больной вопрос Виталик.

– Да говорят, что пенсии индексируют всем независимо от того, уволился ли ты из полиции или из милиции. Короче говоря, одинаково всем платить будут, – поделился слухами Федор.

– Ага, верь им, – усомнился Виталик, – говорили, что налог на машины уберут, а на бензин акцизы повысят. В итоге и бензин подорожал, и налог поднялся... Да еще как! Хоть «Ласточку» продавай...

– И еще: многие бегут сейчас на пенсию, чтобы до 55 лет потом не служить... Черт его знает...

– А ты?

– Мне же год еще до 50! Недотягиваю маленько... Да ладно, где наша не пропадала! И куда идти? Где нас ждут с распростертыми объятиями?

Виталик трудился на местном ЖБК² рабочим. Шпалы из бетона ваял. Поэтому из всех выделялся стройностью и накаченностью, хотя и являлся инвалидом второй группы по желудочным болезням (пиво, однако, употреблял как здоровый). Правда, и зарабатывал относительно прилично. Глеб же работал преподавателем ОБЖ в ПТУ за копейки, но рохлей не был, следил за собой, занимался спортом, а выпивал мало и редко. Увы, язва... Федор был самым старшим, выглядел не так спортивно, но молодцевато. Это от природы. Долгое время казался самым молодым и только в последнее время начал седесть, слегка тучнеть, но в душе продолжал оставаться задорным мальчишкой, способным на безобидные розыгрыши и даже мягкие безумства, чем славился с молодых лет.

– Да, развалили великую державу, – сокрушался Глеб, признанный интеллектурал и единственный человек, как казалось друзьям, разбирающийся в политике, – кавказцы заполонили все! И ведут себя, как хозяева...

Глеб испытал чеченскую войну на себе, прошел три долгих кавказских командировки с автоматом в руках и потому мог судить гораздо больше о происходящих событиях в стране, чем обыватели у телевизора. Все это страшно угнетало его, провоцировало язвенную болезнь и повергало в постоянное уныние. Хотя, как настоящий мужчина, да еще с немалой примесью восточной крови, он по-прежнему оставался человеком, на которого можно было в трудную минуту положиться полностью без остатка, доверить самое сокровенное и, конечно же, как говорится, пойти в разведку. К чеченцам он относился неоднозначно: чаще с явной неприязнью, но при этом, постоянно восхваляя их сплоченность и верность обычаям, позволяющим сохранять на протяжении многих веков свою исключительную живучесть. Федор же и Виталик

¹ «Пикур» – производное от «Пиво курское», самый распространенный недорогой и потому популярный сорт пива. (Здесь и далее мои примечания, значения которых мне в основном раскрывал Климов.)

² ЖБК – завод железобетонных конструкций.

к национальному вопросу подходили по-ленински, так как были воспитаны с детства в духе интернационализма. Они ведь сталкивались в жизни только с мирными мусульманами, проживающими в России, чаще рыночными торговцами, показательно доброжелательными и щедрыми. А Федор в советское время в Москве и вовсе в институте учился в окружении кавказцев, которые, как правило, были из зажиточных и интеллигентных семей, на деле показали себя мужественными парнями, верными друзьями и вообще соответствовали образу усредненного советского человека, коими, несомненно, являлись и наши герои. Поэтому для них не существовало «плохих и хороших» национальностей, а имели значение лишь личные качества конкретного человека.

– Реформа, конечно, нужна, – рассуждал Климов, – сколько дерьма в милицию затесалось, прямо удивляешься! Помните, в розыске какие ребята были? Дружней и порядочней коллектива не сыщешь! Я, когда пришел, сразу понял – повезло конкретно, в хорошие руки попал. А потом ОБНОН³, УБОП⁴ – оказывается, везде настоящие мужики-альтруисты, за идею служили беззаветно, ни у кого и мыслей ни о какой-то выгоде, да еще преступной, не возникало! Ну могли морду начистить кому-нибудь, и то ради дела, ну выпить лишнего, тихонько подураться – все мы люди... Но чтобы дела гнусные воротить! Да мы ж таких просто за пару дней выживали, вспомните! Лично я за реформу, если она снова даст возможность честно и плодотворно работать без кумовства и коррупции.

Глеб, проработавший большую часть службы в оперативных подразделениях, дослужившийся до начальника криминальной милиции одного из отделов города, недавно только ушедший на пенсию в сорокалетнем возрасте, был полностью солидарен с Климовым. Не задумываясь, убежал он от захлестнувшего вдруг милицию бюрократического маразма, формализма, возведенного в самоцель, пресловутого главенства «палочной»⁵ системы, которая постоянно отменялась, перерастая в «галочную», от трусоватых дураков-начальников и просто случайных людей, приблудившихся в органы из корыстных целей, осознав, что в это смутное время и здесь можно пожить, используя служебное положение.

Все честные и нормальные сотрудники понимали, что реформа необходима, но сомневались, сможет ли ее провести нынешнее руководство страны, настолько формальное и беззубое, попираемое олигархами и монополистами, клановостью и равнодушием обывателей, что поломать, а главное – построить новую систему в кратчайшие сроки казалось невозможным. Тем более, что за основу, как обычно, принимались модели западного и заокеанского образца. А ведь ни для кого не секрет тот факт, что в России, как ни в одной стране, очень популярна криминальная культура: едешь в маршрутке – обязательно звучит блатняк, переименованный почему-то в шансон. Им же забито и радио, и телевидение... Уголовный жаргон в своей речи применять считается стильным... Сообщить о преступлении – стукачество, хотя в Европе это норма, помогающая весьма эффективно бороться с преступностью. Разве теперь не понятно, что реформа МВД – это реформа не только МВД?

Впрочем, нельзя сказать, что старые друзья-оперативники уж очень скептически воспринимали предстоящую реформу – продолжительная работа сыщиками не только закалила их морально и физически, но и наложила неизгладимую печать оптимизма. Постоянные лишения и самоотдача, подкрепленные смекалкой и опытом, связанными с долей риска и приличной порцией адреналина, воспитали их людьми не только уверенными в своих силах, но и в том, что добро все равно в конце концов побеждает зло! Поэтому об окончательных результатах

³ ОБНОН – отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

⁴ УБОП – управление по борьбе с организованной преступностью.

⁵ «Палочная система» («палка») (разг.) – положительный отчетный результат в деятельности милиции, например, раскрытое преступление.

изменений в целом из них никто глобально не задумывался – главное, что какое-то движение началось, а значит, что-то сдвинулось с места и есть надежда на улучшения!»

Простите, уважаемые читатели, однако прежде чем продолжить дневник Федора Степановича Климова, который вас, несомненно, заинтересовал, хочу хоть и ненавязчиво, но все же рассказать немного и о себе, о нашем знакомстве с Климовым, а вернее о том, что явилось причиной опубликования этих, с позволения сказать, необычных записок, заодно ответив и на вопрос придирчивого читателя: «Почему дневник написан от третьего лица?»

Почти перед самым Новым годом меня угораздило попасть в больницу. И не просто в какое-нибудь лор-отделение с банальным гайморитом или даже не в хирургическое с пугающей неизбежностью операции. Непредсказуемость судьбы неожиданно забросила меня в доселе невиданное отделение травматологии, куда я вообще не планировал никогда в жизни попадать по причине обычной человеческой самонадеянности, считая, что подобные вещи могут случаться, но только не с нами...

Представьте уныние, граничащее с отчаянием, когда я неожиданно очнулся на больничной койке под белым потолком с загипсованными ногами и замотанной бинтами головой, при этом, как ни странно, досконально помня предшествующий этому эпизод с посадкой в такси, поездкой по ночному городу, характерный скрип тормозов с последующим глухим ударом и даже, как сквозь сон, чьи-то заботливо-деловые рекомендации:

– Осторожно мужчину на носилки кладите! Голову понижайте – видите, рана кровоточит...

И вот теперь больница, да еще в незнакомом городе, куда я был направлен редакцией два дня назад для освещения события, которое посетить уже не смогу по причине наступления его только завтра... А может, сегодня уже и есть завтра? Или послезавтра? Или и вовсе прошло уже несколько дней?

Под бинтами непроизвольно выступил холодный пот...

– Ну вот вы и пришли в себя, – послышался где-то сбоку незнакомый заботливый женский голос, – вы меня слышите? Как самочувствие?

– Не знаю, вроде жив еще... – пытаюсь по обыкновению острить, попробовал я улыбнуться.

– Будете жить и даже очень долго! – весело защебетал женский голосок, – сейчас я позову доктора, и он переведет вас из реанимации в общее отделение.

С доктором я познакомился несколько позже, уже в двухместной довольно приличной для провинциального города больничной палате, с запахом недавнего ремонта, после которого, скорее всего, в помещении еще никто не лежал. Палата словно ожидала VIP-больных, коим я вполне мог оказаться, как журналист известного столичного издания. Впрочем, когда меня везли по многочисленным коридорам, я успел обратить внимание, что и там все на высшем уровне.

«Белгород, – рассказывали мне многие, кому посчастливилось здесь побывать, – небольшой, но очень культурный город: красивый, чистый, добрый. Его еще называют европейским. А главное – в нем нет столичной суеты, и оттого очень приятно душевно отдыхать...».

«Вот теперь придется долго и нудно отдыхать вдали от работы, семьи и, хоть и суетного, но устоявшегося уклада жизни... на больничной койке», – в отчаянии только успел подумать я, как вошел доктор.

– Меня зовут Виктор Николаевич, – представился тихим душевным голосом на вид очень усталый мужчина лет пятидесяти пяти.

– Очень приятно, – попробовал я улыбнуться и даже безнадежно привстать, – Александр Иванович...

– Лежите, лежите! – в испуге замахал руками доктор. – Вы ведь только что перенесли серьезную операцию! Так, сейчас посмотрим... Ножки хорошие... Головокружения, тошноты нет?

– Нет...

– Я тоже думаю, что не должно быть – на голове лишь легкая ссадина...

– А с ногами что, Виктор Николаевич?

– Открытый перелом правого бедра, перелом левой лучевой кости голени со смещением. Пришлось вас сразу оперировать. Пластиночку специальную на кость наложили, саморезики... Ничего, все будет хорошо. Через полгода все лишнее уберем, а еще через полгода спляшете!

– Не очень-то радостные перспективы...

– Да бросьте вы! Операция прошла успешно, и вообще, спасибо, что так... Живы, в общем...

– Спасибо, доктор! Вы оперировали?

– Да. И месяца полтора настраивайтесь под моим присмотром здесь находиться, ничего не поделаешь... Медсестра Наташа вам вещи в палату принесла: сумочку, мобильный... Сможете с семьей связаться, может, и приедут...

– Конечно приедут. Спасибо вам большое! Буду настраиваться.

– Болей пока нет?

– Нет.

– Это пока обезболивающее действует. Дня три как минимум «Трамалчик» придется поколоть... Аллергия есть на лекарства, если да, то на какие?

– Да вроде нет...

– Ну и славненько. Сколько полных лет?

– Сорок три.

– Вы еще совсем молодой человек. Если слушаться будете – встанете раньше! Я пойду, а если что понадобится – вот кнопочка медсестру вызывать. Ну, сами понимаете, в туалет там или еще чего...

Оставшись наедине, я вновь почувствовал прилив безнадежного отчаяния, но, вспомнив о лежащем на тумбочке мобильнике, судорожно схватил его, легким нажатием заставил светиться и с радостью обнаружил, что в нем еще теплилась жизнь – немного зарядки оставалось. Очевидно, что телефон был выключен чей-то заботливой рукой, иначе представляю, как бы он разрывался в тихих больничных покоях...

Пропущенных звонков было немало – в основном из редакции, ведь, судя по дате, после аварии прошло два дня. Я представил, как коллеги сходили с ума от неизвестности, а о том, что происходило дома, и вовсе страшно было подумать! Масса эсэмэсок о пропущенных звонках, естественно, были и от жены. Бедная, что она сейчас переживает! Телефон издал прощальный электронный писк и потух...

И (о счастье!) не успел я расстроиться по очередному поводу, зажмурив от отчаяния глаза, как чья-то нежная рука осторожно легла на влажный от пота лоб. Медсестра?

– Саша, это я...

– Ты? – я не верил своим глазам. – Какими судьбами здесь?

– Приехала к тебе... На поезде...

Голос у жены звучал тихо, спокойно и даже, как мне показалось, привычно, по-домашнему. Хоть она и выглядела устало, особого расстройства на лице я не заметил. Напротив, мне показалось, что Рита была счастлива находиться здесь и видеть меня в этом беспомощном и жалком состоянии... Ну конечно, понял я, она ведь представляла себе по дороге самую страшную картину, а я жив, хоть и не совсем здоров, и даже могу разговаривать! Да и умеющий профессионально успокаивать врач Виктор Николаевич наверняка успел пообщаться с Ритой.

– А как же твоя работа? – спохватился я. – Ведь ты даже на час не могла ее...

– Оказывается, есть вещи поважнее, – опустила Рита глаза, – жаль, что раньше я этого не понимала.

Ощущение беспомощности вновь привело меня в отчаяние.

– Я и сам не понимал, а вот теперь...

– Ничего, все проходит... Главное, что ты жив и что мы сейчас вместе.

Столь забытую за годы совместной жизни в трудах и суете идиллию неожиданно прервал звук несмазанных колес больничной каталки в коридоре, после чего дверь распахнулась и в палату ввезли нового вынужденного постояльца. Им оказался мужчина примерно моих лет с перебинтованной ногой ниже колена, со страдальческой миной на лице, как у большинства находящихся в подобном заведении, пока, как я уже понял, им не сделают обезболивающий укол.

Нам с женой пришлось минут двадцать молча наблюдать, как ловкие медсестры во главе с Виктором Николаевичем, уложив травмированного в кровать, возились над каким-то хитрым приспособлением, предназначенным, как вскоре стало очевидно, для поддержания перебинтованной ноги в приподнятом положении.

– Ничего не поделаешь, придется вам пока на растяжке полежать, – по своему обыкновению успокаивал хирург вновь прибывшего, – а, если будете слушаться, через полгода спляшете...

– Полгодика?! – ужаснулся мужчина. – Доктор, я не могу полгода – через пять дней Новый год!

– А вы что, Дедом Морозом работаете? – не меняя интонации, пошутил доктор.

– Ну уж точно не Снегурочкой! – нашел в себе силы поддержать шутку мужчина, и я сразу же профессиональным чутьем понял, что моим соседом будет сильный и неунывающий человек.

– Переломчик у вас такой, что рана подзажить в течение определенного времени должна, а потом уже можно будет и операцию делать, – серьезно пояснил Виктор Николаевич.

– Да, вижу, что влип... – как бы обращаясь к себе, но чтобы слышали все присутствующие, огорчился доставленный.

– Родные знают, что вы здесь? – поинтересовался доктор.

– Наверняка. Мобильник разбился, но водитель, что меня привез, обещал позвонить домой... Впрочем, если можно продублировать, буду очень признателен – я ведь имею право на один звонок?

– Что за зоновские шутки? – усмехнулся Виктор Николаевич. – Наташенька, запишите номер телефона, пожалуйста.

Но, видимо, по части супружеских встреч этот вечер поистине благоволил – не успела медсестра достать листок и ручку, как в палату влетела с заплаканным лицом женщина в небрежно наброшенном на плечи белом халате, растерянно поздоровалась со всеми, после чего решительно устремилась к мужчине с подвешенной ногой.

– Ну, ну, никаких поминок! – бодро попытался отрезвить ее тот. – Не пришло время еще по мне слезы лить...

– Что с тобой? Как это случилось? – начала она забрасывать его традиционными в данной ситуации вопросами.

– Не поверишь – на ровном месте! Шел, упал...

– ... очнулся – гипс! Прекрати поясничать! Я чуть с ума не сошла...

– Света, ну когда я обманывал?! – возмутился больной. – Скажите, доктор! Иду по Щорса домой, телефон зазвонил. Я достал и как... упал, в общем... Телефон вдребезги! На улицах лед сплошной!

– Да ты пьян, похоже? – принялась Светлана. – От тебя за версту разит!

– А уж это позвольте опровергнуть, – заступился Виктор Николаевич, – спирт использовался мною чисто в медицинских целях, притом наружно. Ну, вы тут общайтесь пока. Если возникнут какие вопросы – я в ординаторской.

Когда медперсонал покинул палату, мужчина, чтобы успокоить жену, заставил ее обратить взор на меня:

– Посмотри, Света, разве у меня травма?! Подумаешь, ногу сломал... Вон у человека две в гипсе и еще голова... Кстати, я не успел представиться – Федор. Федор Климов.

– Александр Лебедев. Очень приятно. А это моя жена Маргарита.

Так мы и познакомились семьями. Узнав, что мы из Москвы, Климовы воодушевились, так как выяснилось, что оба заканчивали один и тот же столичный вуз, а сюда попали по распределению, давно в Москве не были, и потому тему для начальной беседы выдумывать не пришлось.

Минут через двадцать жены решили, что действительно пора побеседовать с доктором на предмет тяжести наших травм, перспектив на будущее выздоровление и вообще, что для этого нужно. Однако, как только они покинули палату, к Климову почти сразу же зашел еще один посетитель – мужчина высокого роста, спортивного телосложения, в очках и небрежно наброшенном на плечи белом халате мизерного размера, который, как будто специально для потехи, был выдан ему медперсоналом в гардеробной.

– Давно лежим? – почему-то весело улыбаясь, обратился он к обоим.

– О, привет, Виталик! – обрадовался Климов. – Оперативно, однако, слух разнесся о моем местонахождении...

– Как всегда, все под контролем, – присаживаясь на стул рядом с кроватью Климова, похвастался посетитель. – Вот решил навестить пострадавшего друга... Как же тебя угораздило? Впрочем, догадываюсь – шел, упал, очнулся... Не выпивал хоть?

– Если бы выпивал – ничего бы не случилось, сам знаешь...

– Да, пьяным в таких ситуациях везет, – с видом знатока, поправляя очки, согласился Виталик. – Помнишь, на Водстрое⁶ мужик в стельку пьяный балконную раму ставил и с восьмого этажа на нее же спланировал? Ты его в больнице опросил, к родным пришел разбираться, как это случилось, – а они чуть ли не с кулаками: «Что вы все ходите?! У нас похороны...»

– Ну да, а я им: «Как? Я ведь только что с ним разговаривал...» Они от радости чуть не ошалели, назад в квартиру затащили и давай угощать спиртными напитками. Насилу вырвался!

– Кстати, может, за пивком сгонять? – с ходу предложил Виталик.

– Ага, ты с пивком, а медсестра с судном замучается бегать...

– Тогда водочки?

– А вот от этого сейчас бы не отказался, честное слово! – серьезно заметил Климов. – Ты как, Саня, считаешь?

– Да нельзя, наверное, с лекарствами...

– Ерунда это все! Но в любом случае не стоит человека гонять...

– А чего гонять? – хитро ухмыльнулся Виталик, доставая из-за пазухи поллитровку. – Лекарство уже здесь. От стресса, так сказать... И врачи рекомендуют.

– Убери сейчас же! – неожиданно заволновался Климов. – Светка здесь! В любой момент зайти может. Уже и без выпивки наехала...

– Твоя Светка по сравнению с моей – ангел, – притворно обиделся Виталик, – друг с добрыми намерениями, можно сказать, зашел проведать друга, разволновался, а ему при этом и выпить не позволили его же водку?

⁶ Водстрой – название микрорайона города.

– Я так и понял, что ты в очередной раз место и повод искал, – засмеялся Климов, – ладно, разливай, только поскорее, пока наши жены не вернулись.

– Момент!

Виталик, словно фокусник, достал откуда-то из-под халата два пластиковых стакана, наполнил их почти до конца и, осторожно вставив нам в руки, подбодрил кратким, учитывая нестандартную ситуацию, тостом:

– Ну, будем...

– Неудобно лежа пить, – сделал неожиданное открытие Климов, – а закусить есть чем-нибудь?

– А как же! – Виталик снова, словно Хоттабыч, достал из-под халата огромное зеленое яблоко, засуетился по палате в поисках режущего инструмента, но Климов вовремя его осадил:

– Хватит носиться! Добегаемся, пока кто-нибудь точно не придет в самый неподходящий момент... По очереди кусать будем. Давай, Александр!

Еще минуту назад, не собираясь ни за что нарушать постельный режим, я был настолько вовлечен в это мальчишество взрослых мужиков, что не заметил, как лежа, моментально и с удовольствием проглотил стакан горьковато-теплой жидкости, смачно перебив вкус кислым яблоком.

– Не экономь – закусьвай, – советовал со своей кровати Климов, – яблоко большое. Тем более что мы еще сумки и пакеты жен не обследовали... Уж чего-чего, а закуски, уверен, там навалом!

– Да, – соглашался Виталик, намеряя дозу себе, – теперь главное – обжиться, привыкнуть... И не переживайте, приходиться я буду часто – квартал всего идти...

Едва Виталик успел спрятать пустую емкость за пазуху, как в палату вошли жены.

– Вот, решил навестить, – не растерявшись, с ходу доложил он, – поддержать, так сказать, болящих... Что врачи говорят, скоро на лыжи встанут?

– Вам все шуточки, – мягко упрекнула Света, – а, между прочим, травмы серьезные. Так что, Виталик, не скоро в пивной встретитесь, не надейся...

– Но один положительный момент все же имеется – длительный период трезвости, – согласился тот, – да и мне на пользу – с кем теперь бражничать?

– Ты имей в виду, – недоверчиво предупредила Света, – ему антибиотики сильные колют – со спиртным несовместимо!

– Что же я не понимаю, «мементо мори»... Придется пока довольствоваться капельницами, уколами да таблетками. Так и до токсикомании недалеко... Ну, мне пора. Не скучайте – завтра снова приду.

Перспективы наши, красочно обрисованные женами, действительно ничего радостного не предвещали – раны не смертельные, но лечение предстояло длительное и тяжелое. Главное неудобство – полное обездвиживание. Мне предстояло лежать месяца два, пока с обеих ног гипс не снимут с последующей разработкой! А Федору Климову, в связи с тем, что одна нога цела, было обещано на костылях передвигаться и в гипсе, но опять же – после операции, которую назначили почему-то только через десять дней.

– Ничего себе, – не на шутку расстроился он, – а раньше нельзя?

– Доктор сказал, что перелом открытый – рана должна зажить.

– И что мне вот так десять дней в подвешенном состоянии находиться? А Новый год?!

– Ничего не поделаешь... И Новый год можно хоть раз в жизни без куража отметить!

– Приедем к вам на Новый год, – успокоила Рита, – и шампанского выпьем. Главное, чтобы вели себя хорошо и выздоравливали...

– Во дают! – возмутился в свою очередь и я. – Не успели свободы передвижения лишиться, а они уже нам условия ставят, словно с детьми разговаривают... Материнский инстинкт проснулся?

То ли радуясь поддержке дорогих нам людей, то ли немного подогретые алкоголем, который на время отвел нас с Климовым от грустных мыслей, мы еще около часа вчетвером весело общались на различные темы, пока пришедшая с уколами медсестра Наташа вежливо не намекнула, что посетителям пора бы покинуть палату по причине позднего времени.

Рита должна была уехать вечером следующего дня, и потому Климовы решительно настаивали, чтобы ночевать она отправилась к ним.

И вот в тот момент, когда мы остались одни, страшная грусть и отчаяние от безнадежности положения с новой силой завладели мною. Я даже на какое-то время забыл о том, что со мной в палате находится такой же товарищ по несчастью, и, не сдержавшись, тихо, словно подбитый пес, заскулил.

– Что, хреново? – тихо отозвался Климов и, не дождавшись ответа по причине моего смущения, тут же горестно согласился. – У меня та же беда... Но ничего не поделаешь, Саня, будем держаться. «Это пройдет» – было написано на кольце Соломона, помнишь?

– Ну, да, а с внутренней стороны: «И это тоже пройдет.»⁷

– А Виталик, ну, который сегодня ко мне приходил, любит говорить: «Не такие штормы терпели!»

– А он что, моряк?

– Был когда-то морским офицером, а потом мы в уголовном розыске вместе служили.

– Я так и понял из разговоров, что вы какое-то отношение к правоохранительным органам имеете.

– Ну, это давно было. Он уже лет десять как на пенсии, а я только этим летом ушел.

– Да вы молодые еще! – изумился я.

– Мне пятьдесят, а Виталик на пару лет моложе. Только он по здоровью ушел, а я по выслуге лет.

– А я, если честно, думал, что мы ровесники.

– Просто я всегда моложе своих лет выглядел. Помню в начале девяностых иду по райотделу мимо дежурки с кобурой под мышкой – лет тридцать было, наверное. А дежурный мне потом рассказывает, как две посетительницы-старушки шепчутся: «И как таким пацанам оружие доверяют?» Иногда это помогало в работе, иногда – наоборот.

– И мне в молодости очень хотелось сыщиком стать, детективы любил... Но в полиции такой должности ведь не бывает? Как правильно, оперуполномоченный?

– В официальных документах – да, но и слово «сыщик» по-прежнему в ходу. А ты, как я понял, журналист, верно?

– Да, а как догадался?

– Ну, я же сыщик! Согласись, это тоже творческая профессия – а рыбак рыбака, как известно, видит издалика.

– Я слышал, что сыщик – это не профессия, а диагноз, правда?

– Ну вот, не успели в больницу попасть, как медицинскими терминами заговорили... Думаю, что то же можно сказать и о журналистах...

– Да, выходит, нет ничего удивительного в том, что мы понимаем друг друга с полуслова!

– Выходит, что так...

– И в каком звании уволился? Не ниже полковника, видимо?

⁷ Здесь имеется в виду притча о кольце царя Соломона. Однажды придворный мудрец подарил царю Соломону кольцо с надписью «Это пройдет». Дело в том, что Соломон мог иногда впадать в отчаяние и часто выходил из себя. «В эту минуту, – советовал мудрец, – посмотри на эту надпись, и она тебя отрезвит». Соломон последовал совету мудреца и обрел спокойствие. Но однажды, взглянув, как обычно, на кольцо, он не успокоился, а наоборот – еще больше вышел из себя. Он сорвал кольцо с пальца и хотел выбросить, но вдруг заметил, что и на внутренней стороне кольца имеется другая надпись: «И это тоже пройдет...».

– Угадал, Саша. Но каким образом?

– Так ведь палата наша явно на VIP-персон рассчитана. Ты вообще-то признавался врачам, кто есть на самом деле?

– А в нашем положении это обязательно? Ты был без сознания... А в карманчике книжечка специальная, в которой все сказано. У меня спросили место работы. Я соответственно ответил, что пенсионер. И книжечка подходящая также имеется. Вот тебе и вся дедукция... Но это не значит, что палата нам за особые заслуги досталась... В отделении ремонт недавно сделали, и эта оказалось свободна – нам просто повезло... Здесь ведь есть и одноместные – вот это уже тянет на VIP!

– А как же люди в коридорах вдоль стен? Я видел несколько человек...

– Ну да, трудно на данный факт не обратить внимание... Только у меня, пока везли, возможностей больше было приметить некоторые характерные детали... Это бомжи!

– Не может быть! – ужаснулся я. – И почему их в палаты не кладут? Это пахнет дискриминацией. Разве они не люди?

– Есть небольшая проблемка, – грустно пояснил Федор, – на каждом из них, как правило, обитают характерные насекомые, в простонародье – вши...

– А один из них почти возле нашей двери! – невольно заволновался я.

– Не переживай, – успокоил Климов, – мы можем чувствовать себя в полной безопасности, пока он не заберется к нам в кровать.

– А что, может и такое случиться?

– Это исключено – у него ампутированы обе ступни.

– Ты и это заметил?

– А чем было заниматься, когда меня возле двери в палату минут пять держали? Не в потолок же смотреть. Вот я и разглядывал своего будущего соседа по коридору. Думаю, бедняга их отморозил. К сожалению, в зимний сезон это случается нередко...

– Жаль мужика... А тебе приходилось с ними общаться, ну, по работе, например. Мне как-то не довелось...

– Да постоянно! Эти бедолаги, которые предпочитают вести скрытый образ жизни, часто оказывались невольными свидетелями различных преступлений. Главное, суметь их разговаривать...

– Мне кажется, за стакан водки или даже за флакон настойки боярышника они все, что было и не было, готовы рассказать!

– Не всегда, – задумчиво возразил Федор, – вот, например, был однажды случай...

И Климов ненавязчиво поведал мне историю одного преступления, в раскрытии которого некогда участвовал, да так, что я пролежал с открытым ртом весь его рассказ, боясь вздохнуть. И не мудрено – во-первых, это было крайне интересно, во-вторых, я все-таки журналист, а в-третьих, Климов оказался таким искусным рассказчиком, что я напрочь забыл, где нахожусь, включая моральные и физические страдания, пока он не закончил говорить.

– Да это целый сюжет для кинофильма! – искренне восхитился я. – Неужели все так и было на самом деле?

Климову моя восторженная реакция явно пришлась по душе, он даже попробовал повернуться в мою сторону, забыв о подвешенной ноге, застонал от боли, а когда снова пришел в себя, возразил:

– Ну, про кинофильм ты загнул, дружище! А вообще, в жизни часто случается такое, что ни в каком фильме показать нельзя! Хотя на самом деле было! Почему нельзя? Просто никто не поверит...

И Федор вновь рассказал страшную историю о том, как две несовершеннолетние девочки убили свою мать, разрезали на куски и по частям ночами выносили в обычной кастрюле топить в реке.

– Не может быть! – невольно вырвалось у меня. – За что убили? И почему по частям?..

– На танцы не разрешала ходить в ночной клуб. А по частям, потому что силенок не хватало целиком вынести... Да и спалиться боялись. Только все равно не повезло – нарвались на патруль, который заинтересовался, почему две девчушки в два часа ночи по городу с кастрюлями шастают. Мясо, говорят, испортилось... Проверили, а там такое мясо!..

– Да, – согласился я, – если такое в кино показать, зритель недоверчиво покрутит пальцем у виска и точно решит, что автор уже не может ничего нового придумать! Действительно, не верится, что такое может произойти...

– А я, в отличие от тебя, детективами никогда не увлекался. Иногда такое закрутят! А на самом деле все бывает просто и буднично...

И Климов в очередной раз поведал мне историю раскрытия одного убийства, которую я выслушал на одном дыхании.

– Вижу, что загрузил тебя на полную катушку, – неожиданно закончил он, – а уже первый час ночи, наверное, спать пора в этом заведении...

– По-моему, в этом заведении да в нашем положении спать можно сколько хочешь и когда хочешь. Если честно, я просто счастлив, что попал с тобой в одну палату. Мне, журналисту, как ни странно, никогда не приходилось писать на криминальные темы – все больше хозяйственная да пафосная тематика. Если у тебя таких историй много – я даже попрошусь, чтобы нас не выписывали, пока они все не закончатся! – пошутил я.

– Тогда действительно пора спать, – в тон мне ответил Федор, – а то закончатся до нашего выздоровления – что делать будешь? Впрочем, не переживай – с завтрашнего дня такое паломничество сюда начнется, что мои друзья тебя подобными историями еще достанут. Тем более, что друзей у меня много, и потрепаться ой как любят!

– Ну и славненько! – искренне обрадовался я.

Климов не соврал – начиная со следующего дня в нашу палату действительно началось паломничество.

Первыми, еще до завтрака, конечно, пришли жены. Моя – чтобы попрощаться, а Светлана – проведать. Они, как водится, принесли множество различных продуктов, при этом жена Климова в отношении мужа пояснила:

– Он казенного ничего не ест. Когда в армию провожала, думала, что все мести будет! Ничего подобного – каким уходил гурманом, таким и вернулся!

– Я вовсе не гурман, – возразил Федор, – просто ничего с вареным луком есть не могу, а в казенных столовых его везде кладут... Ну, и так еще кое-чего...

– Кое-чего! – передразнила Светлана. – Ни молока, ни масла...

– Неправда! В армии масло есть научился. Правда, его только и ел... Как выжил, до сих пор не понимаю...

В этот момент нам принесли завтрак, который Климов категорически отверг, а на немой вопрос нянечки, указав пальцем на дверь, предложил:

– Отдайте мою пайку тому мужику, который за стенкой в коридоре лежит. Уверен, что он не откажется.

Отказываться от второго завтрака божь действительно не собирался, более того, спустя несколько секунд в открытую дверь мы смогли услышать его благодарственные слова, выразившиеся в обращении к Богу дать нам здоровья.

В течение этого дня и всех последующих поток людей в нашу палату не прекращался. У Климова оказалось столько друзей, что некоторые депутаты желали бы иметь столько избирателей. И кто только не посетил нас за время нахождения здесь!

Большинство, конечно, составляли люди в погонах, либо которые их когда-то носили. В их число попадали не только сослуживцы полковника, но и представители других правоохрани-

нительных органов: наркоконтроля, ФСБ, таможни, которые, взаимодействуя с ним по работе, становились близкими друзьями в силу его притягательного характера, на что моментально купился и я.

Уникальная открытость этого человека и невероятная доброжелательность на грани альтруизма, не переставали удивлять меня на протяжении всего нашего вынужденного времяпрепровождения, а ведь эти качества я почему-то раньше считал не свойственными людям его профессии! Теперь же, беседуя с его друзьями, я вдруг начинал чувствовать и понимать, что это закрытое в силу ряда причин братство заслуживает самой высокой оценки в части не только интеллектуальной, но и общечеловеческой составляющей в силу их способности воспринимать чужую боль как свою. Несправедливо было бы не отметить и ряд недостатков, присущих этим людям, которые Климов шутливо называл «профессиональной деформацией». Впрочем, они не выходили за рамки общепринятых, поэтому факт их наличия теоретически должен был только радовать рядового гражданина, что он имеет дело не с тупоголовым роботом, а с таким же человеком, как и сам. Но об этом позже.

Следующей категорией друзей, жаждущих поддержать Климова, а заодно и меня, являлись люди сугубо гражданские, связанные как мирными общими интересами, так и сталкивающиеся когда-то по работе, например, в качестве потерпевших, а также родственники, соседи и одноклассники. Среди них выделялись успешные предприниматели и даже руководители крупных муниципальных предприятий, которых было сразу видно не только по манере держаться, но и по содержанию традиционных пакетов с деликатесами, поставляемых нам в огромном количестве. Именно по этой причине мы вскоре вынуждены были отказаться от больничной еды, которую с удовольствием употреблял бомж за дверью по имени Колян, как он себя называл, никогда не забывая благодарить.

Кстати, сложившееся у меня вначале впечатление о том, что Климов и его друзья имели пристрастие к чрезмерному употреблению спиртных напитков, к счастью, оказалось ложным. Когда уже знакомый нам Виталик принес на следующий день «детскую», как он называл двухсотпятидесятиграммовую бутылку водки, и предложил таким образом поднять настроение, Климов недовольно возразил:

– Виталь, это все-таки лечебное заведение, а не кабак. Да и вправду, мы ведь на лекарствах сидим.

– Один я тоже пить не буду, – сделал вид, что обиделся, Виталик.

– А ты Коляну налей, – посоветовал Федор, – для него это будет праздник.

– Точно!

Наполнив до краев пластиковый стакан, Виталик решительно скрылся за дверью, однако тут же послышался его растерянный голос:

– Да он спит – не будить же...

– Буди! – решительно посоветовал Климов. – Спать он хоть сутками здесь может, а вот выпить не каждую минуту предлагают...

Мы прислушались и буквально через минуту услышали радостно-удивленное восклицание Коляна, хруст яблока и традиционную благодарность:

– Спасибо, парни! Дай бог вам здоровья! Вовек не забуду!

– Словно в роли волшебника побывал, – зайдя в палату и прикрыв дверь, самодовольно доложил Виталик. – Бужу его – открывает глаза и не верит, что ему вместо лекарства целый стакан водки предлагают! Чуть не ошалел от счастья.

С тех пор спаивать несчастного бомжа за дверью стало у всех чуть ли не доброй традицией.

Некоторые посетители Климова приходили совсем ненадолго, перекидываясь парой-тройкой ободряющих слов, оставляли традиционный пакет и спешили по неотложным делам, но были и такие, в основном сослуживцы Федора – пенсионеры, которые засиживались

подолгу, вспоминая интересные эпизоды службы. В этот момент глаза у полковника горели молодым задорным огнем, и создавалось впечатление, что он напрочь забывал о своем недуге, а вместе с ним и я.

Больше всех в этом отношении, конечно, выделялся посещающий нас почти ежедневно Виталик. Конкурировать с ним отчасти могли разве что полковник наркоконтроля в отставке некто Головин, который еще лейтенантом служил с Климовым в уголовном розыске, и на редкость солидный внешне ныне руководитель крупного муниципального предприятия, а ранее старший оперуполномоченный по особо важным делам УБОПа Милицин Игорь, превращающийся моментально в рубаху-парня при воспоминаниях о былой службе. Чаше других навещали товарища также задорный, совсем еще молодой пенсионер, бывший напарник Климова по ОБНОУ, которого все называли не иначе, как Хохол, и адвокат по имени Лёня, старающийся всегда казаться серьезным, хотя и безуспешно – выдавали веселые и выразительные голубые глаза. А из гражданских – предприниматель Федин Олег, оказывающий содействие органам внутренних дел по причине старой дружбы с Федором.

Но все же интереснее рассказчика, чем сам Климов, среди всех его друзей однозначно не было! Когда мы оставались вдвоем, по моей просьбе, а иногда и просто, как говорится, к слову, Федор так красочно рисовал картины из своего оперского прошлого, что лучшего времяпрепровождения в нашей ситуации нечего было и желать.

Однажды я даже обронил по этому поводу:

– По твоим рассказам можно целую книгу написать! Ты пробовал когда-нибудь хотя бы дневник вести?

– Ну, пробовал когда-то в детстве, а что?

– Я бы на твоём месте немедленно сел за перо.

– За мемуары? – усмехнулся Федор. – То же мне, маршал Жуков! Знаешь, сколько в стране не вровень мне достойных сыщиков? И какие дела раскрывали! А это все так, разве что для поддержания разговора... Рассказы провинциального сыщика на больничной койке...

– Почему сразу мемуары? – в свою очередь возмутился я. – Я всего лишь говорил о личном дневнике. Кстати, как ты сказал? «Рассказы провинциального сыщика»? Неплохо звучит... А еще лучше – «Дневник провинциального сыщика». Жаль, конечно, что ты его не вел, хотя, конечно, начать никогда не поздно, тем более на заслуженном отдыхе...

– Некогда было, – оправдывался Климов, – да и вообще, нескромно как-то...

– А разве те великолепные люди, о которых ты рассказывал, полковник Перелыгин, например, или Герой России Бутов, не заслужили, чтобы молодые сотрудники о них узнали больше, чем написано в официальных документах? Ты ведь сам говорил, что в жизни они были очень скромными и в то же время на редкость достойными людьми, с которых нужно брать пример всем, кто встал на путь борьбы с преступностью! А разве твои друзья-сослуживцы, пусть не совершившие громких подвигов, но все же честно отдавшие лучшие свои годы на этой стезе, не достойны, чтобы у них хоть немного поучились те же курсанты, которых ты воспитывал в процессе обучения и которые с благодарностью помнят тебя, навещая сейчас в больнице, поздравляя с праздниками или просто встречая на улице, желают крепкого здоровья? Тут дело, в общем, даже не в тебе, дорогой друг, а, скорее, в вечном долге перед людьми приносить пользу до последних дней своих!

– Умеете вы, журналисты, пафосно выражаться, – не на шутку развеселился Климов, – вам только трибуну дай... Ну нет у меня такого таланта, как у тебя, – писать, что поделаешь? Хотя насчет «вечного долга» правильно заметил... И знаешь, я ведь стараюсь не рвать эту тонкую нить, которая связывает меня с прошлой работой, – в институте по-прежнему частый гость, участвую по мере сил в различных воспитательных мероприятиях, провожу беседы с будущими сотрудниками – меня даже выбрали членом Совета ветеранов института. А вот писать, увы, не дал Бог...

Спорить с Федором и на чем-то настаивать я тогда не стал, но, сначала втайне от него, а потом и в открытую, начал делать небольшие пометки в рабочем блокноте, чтобы не забыть те истории, а порой просто рассуждения бывшего сыщика⁸ Климова, с которым, считаю, неспроста судьба свела меня таким оригинальным способом.

После выздоровления мы не потеряли связь, ибо ничто так не сближает людей, как общее несчастье, но моя тяга к Федору объяснялась еще одной веской причиной – дневник, который должен был вести он, написал я. И, конечно, его нельзя назвать точной констатацией фактов, о которых мне на протяжении долгих дней и ночей рассказывал Климов, – разумеется, моя фантазия рвалась дальше, но, поверьте, основа повести о провинциальном сыщике все же документальна.

Примечательно то, что, когда через тройку лет, сильно волнуясь, я ознакомил Федора с первоначальным вариантом рукописи, он моментально проглотил ее, и был так приятно удивлен и даже счастлив, что я сделал выводы, о не зря проведенном времени. Это, конечно, не мемуары, и даже не дневник, а просто рассказ о каждодневном труде рядовых сотрудников милиции-полиции, со своими достоинствами и недостатками, присущими обычным людям. И, как и все честные труженики, поверьте, они достойны уважения!

Возможно, в силу своей скромности Климов высказал замечание о том, что главный герой не очень-то похож на реальный персонаж, то есть на него, а как-то идеализирован, причесан, и мне долго пришлось убеждать, что литературные герои довольно часто предпочитают жить своей жизнью, в большинстве отличной от своего оригинала.

Еще больше, чем с Климовым, я волнуюсь сейчас, когда представляю эту книгу широкому кругу читателей. Скажу сразу – это не детектив, надеюсь, что не беллетристика, хотя вначале так может показаться из-за обилия криминальных эпизодов, описанных в ней. Но в конечном итоге решать придется вам, дорогие читатели. На ваш суд я выношу труд, написанный в новом для меня, не журналистском, жанре.

⁸ В беседе с Климовым и его друзьями я еще раз убедился в старой истине о том что бывших сыщиков не бывает. Просто в данном случае речь идет всего лишь о временной дате.

Часть 1. Уголовный розыск

1992. Крутой вираж

Федор Климов, молодой, но уже достаточно опытный руководитель, инженер по образованию, главный механик Управления бытового обслуживания населения, шел по улице Островского родного города Белгорода вместе с женой, пятилетним сыном и дочерью трех лет к остановке троллейбуса после посещения знаменитого в городе детского кафе-мороженого «Белоснежка». Хотя и был конец апреля, солнце светило по-летнему.

– Значит, окончательно решил? – продолжила тему, начатую дома, а затем в кафе, жена Светлана.

– Да, – тихо, но достаточно уверенно констатировал Климовстарший.

– Но ведь у тебя даже образования нет специального для милиции...

– При чем тут милиция? Я иду инженером оперативной связи! Не все же в органах юристы... Сама видишь, бытовка⁹ разваливается – не сегодня завтра передадут все в частные руки, какой из меня частный предприниматель?

– А мне кажется, что опять у тебя детство выиграло... Сам говорил, что всегда мечтал... Федор обиженно засопел.

– Ну ладно, не буду...

Жизнь в очередной раз выносила на крутой вираж неспроста. События последних лет показали, что перестроилась страна еще не достаточно эффективно – первые шаги к процветающему капитализму хоть и повлекли за собой определенные изменения в виде стихийного рыночного хаоса, появления новых видов собственности, роста безработицы, резкого обогащения одних и обнищания других, но основной дележ бывшего государственного имущества только начинался... В этой связи было принято решение перестроить и даже ликвидировать многие, казалось бы, до этого непоколебимые структуры, в частности министерство, областные управления и более мелкие территориальные структуры бытового обслуживания населения, что в существующих условиях хозяйствования, скорее всего, было логично. Только вот люди, работающие в этой структуре, рискующие оказаться вмиг без работы и практически без средств к существованию, не понимающие до конца еще законов капитализма, находились в постоянной растерянности и замешательстве, переходящих в страх перед будущим. При социализме не было страха перед будущим, видимо, поэтому почти все милиционеры воспринимали реформу МВД 2011 года намного спокойней, чем бытовики тогда. Привыкли... Русский человек все выдержит, ко всему привыкнет, выживет, да еще как заживет! Это наш известный всем иммунитет и тяга к жизни, выработанные за вековую историю на зависть врагам.

Реформ Климов не боялся ни тогда, ни теперь. Тогда был молод, талантлив, востребован, понимал логический смысл происходящего, а теперь и вовсе терять нечего – почти пенсионер! Постарел, поумнел, эгоизму поубавилось. Только стало больше за державу обидно, да за людей страшно. Вдруг что-то не так сложится, не в то русло все потечет? Хоть народ-то у нас с особой закалкой и наученный горьким опытом, но ведь не чужой, чтобы очередные опыты ставить... В свое время поменяли экономическую формацию – но какой ценой! По сей день страну трясет, как в лихорадке! Впрочем, неисправимый оптимист, как и большинство

⁹ Бытовка (разг.) – система бытового обслуживания населения.

населения России, Федор, несмотря ни на что, продолжал верить, если не в светлое будущее капитализма, то в окончательную победу добра над злом, это уж точно! А работа в органах ему всегда казалась благородным и полезным делом, где, по крайней мере, результат налицо – борьба со злом, одним из проявлений которого, несомненно, была преступность, обнаглевшая от безнаказанности и разросшаяся до беспредельности в это смутное перестроечное время...

Так случилось, что семейство Климовых проходило мимо райотдела внутренних дел, куда Федор накануне сдал свои документы, поэтому он протянул руку и сказал жене:

– Вот здесь я и буду работать.

В этот момент входная дверь учреждения со скрипом распахнулась, оттуда крайне медленно и важно вышел небольшого роста полный и немолодой майор, остановился у входа и лениво начал осматривать прохожих. Бросалось в глаза, что его форменный китель уже не мог застегиваться на все пуговицы из-за выдающегося живота, поэтому держался на одной, да и то готовой в любой момент с треском покинуть своего хозяина. Света, иногда подтрунивавшая над слишком худосочной фигурой своего мужа, втайне жалея, что он выглядит не совсем солидно, шуточно заметила:

– Если ты тоже таким будешь, я согласна!

Документы свои для трудоустройства Федор отнес в милицию буквально накануне. Видя, как его прежняя работа просто трещит по швам – управление разваливается, людей сокращают, многие заводят частные лавочки, и все сильнее и сильнее подкатывает ощущение пустоты и очевидной своей ненужности, Федор начал решительно задумываться о смене рода деятельности, хотя как раз от него начальник управления бытового обслуживания, наскоро переименованного в территориальное коммерческое объединение, с целью продержаться подольше, не спешил избавляться. Как ни странно, Федор был на хорошем счету у начальства. А почему странно – это уже отдельная история.

1988. Несколько слов о гражданской службе

Начальник управления Павлов Егор Кондратьевич был на редкость своеобразный и противоречивый до непредсказуемости человек. Чтобы не тратить время на его характеристику, расскажу лишь один эпизод, связанный с буднями управления бытового обслуживания населения. Это случилось на второй день работы Климова, когда он перевелся из начальника цеха местной «Рембыттехники» в инженеры-технологи управления. Накануне все без исключения сотрудники буквально тряслись от страха перед предстоящей на следующий день планеркой, на которой собирались обычно директора подчиненных районных и городских подразделений и, конечно, аппарат управления. На вопрос Климова почему, отвечали уклончиво – узнаешь... Подобные совещания проходили раз в месяц и стоили больших нервов, особенно руководителям предприятий. Однако, не забегая вперед, расскажу все по порядку.

Утром следующего дня актовЫй зал был наполнен до отказа представительными людьми с портфелями, начищенных до блеска ботинках и одетых по самым строгим меркам в темные костюмы при галстуках. Они сдержанно и деловито общались между собой, иногда опасливо поглядывая то на трибуну, находящуюся слева от президиумного стола, то на дверь, откуда пора было уже давно появиться начальнику управления.

Егор Кондратьевич, маленький и подтянутый лысый человек с добрым лицом, почти взбежал на возвышение, занял место посередине стола, спешно разложил какие-то бумаги, поднял глаза на присутствующих и тихо произнес:

– Здравствуйте, товарищи.

После непродолжительной паузы, в полной тишине, пошелестев бумагами, он снова поднял глаза к залу и также тихо и доброжелательно произнес:

– Ну что, начнем наше совещание. Кто первый отчитается за прошедший период? Давай ты, что ли, Иван.

На трибуну вышел генеральный директор областного объединения «Рембыттехника» Иван Иванович Скоморохин, бывший начальник Климова, относительно молодой, обаятельный и весьма перспективный руководитель, умеющий не только заниматься «очковтирательством», как повсеместно было принято в то время на хозяйственной работе, но и действительно работать с полной отдачей, стараясь осваивать и внедрять все новое в производство.

Скоморохин, показушно улыбнувшись, набрал в легкие не меньше ведра воздуха и на одном дыхании начал свой доклад:

– Мы внедрили... выездное обслуживание в сельскую местность... перемотку мотор-компрессоров холодильников... прогрессивный метод диагностики пылесосов...

Его выступление, с первых фраз предполагавшее явно затяжной и оптимистичный характер, вызывало гордость у Климова за своего бывшего начальника, которого он считал очень грамотным производственником. Да и выражение лица начальника управления ничего страшного не предвещало, правда, до того момента, как он вдруг неожиданно громко ударил по столу кулаком, заставив тем самым затихнуть и пугливо съежиться не только выступающего, но и весь зал. Наступила пугающая гробовая тишина. Егор Кондратьевич, как показалось, сам словно застыдился своей резкости, и потому сначала тихо, а затем, постепенно повышая голос до крика, медленно произнес:

– Что ты мне тут лапшу на уши вешаешь?! Что вы там внедрили? Ты лучше расскажи, сколько у тебя жалоб!!! Да я... да я... да я их тебя сожрать заставлю!!!

С этими словами Егор Кондратьевич собрал со стола какие-то бумаги, смял их в маленький комочек и начал методично засовывать в рот бедному Скоморохину, который, к великому удивлению Федора, начал их пережевывать, выплевывать, вновь принимать из услужливых рук, даже нагнулся пониже, чтобы маленькому начальнику управления было удобней. При этом

никто не смеялся, не возмущался, а воспринимал все, похоже, как должное. Климов, внешне сохраняя выдержку, внутри себя ощутил страшное смятение, замешанное на испуге, возмущении, отчаянии и гадливости. «Ничего себе перевелся!» – в отчаянии подумал он. Тут же прикинул, как бы сам поступил на месте Скоморохина – летел бы Егор Кондратьевич через трибуну, как футбольный мяч! Ошибался Климов – никогда бы опытный психолог и выдавший виды начальник управления не посмел бы унижить человека, имеющего элементарное чувство собственного достоинства, и, как потом выяснилось, Федор в этом качестве был не единственным.

Впрочем, быстро отходчивый Егор Кондратьевич, покричав немного на остальных руководителей предприятий, чтобы не теряли чувство страха и ответственности, совершенно спокойно продолжил совещание в относительно нормальном русле.

Позже Климову поведали необычную историю Павлова, приведшую его с понижением в карьере на должность начальника управления. Будучи до этого председателем одного из райисполкомов, грамотный и предприимчивый Егор Кондратьевич слыл человеком крутого нрава, но имеющим самые высокие связи в партийных кругах местного масштаба. Говорят, что даже к председателю облисполкома открывал дверь ногой. Но однажды, объезжая поля вверенного ему района, он вдруг увидел на краю одного из них мирно расположившихся за поллитровкой и нехитрой деревенской закуской граждан. Трое мужиков тучного телосложения, примяв, как и положено, вокруг себя солидное количество сочных колосков пшеницы, периодически поднимая над головой граненые стаканы, вели с виду мирную беседу. Они добродушно улыбались, не забывая употреблять в качестве закуски деревенское сало со свежими огурчиками, радовались солнечной погоде и жизни вообще.

Когда Егор Кондратьевич, спускаясь по крутому косоугору, находился еще далековато, мужики подумали, что вот идет, судя по одежде, приличный человек, который присоединится к трапезе и, вероятнее всего, не откажется выпить в их честной компании, что, конечно, они уже готовы были ему предложить. Однако, когда он приблизился, его свирепая физиономия сразу же вызвала у культурно отдыхающих некоторые сомнения в добрых намерениях незнакомца. Впрочем, Егор Кондратьевич решил сразу раскрыть свое инкогнито во избежание нежелательных эксцессов, спокойно представился по должности, после чего возбужденно и в нецензурных выражениях, как любил и умел, попросил граждан немедленно убираться с колхозного поля, угрожая даже не милицией, а банальной физической расправой. В лицах и поведении двоих из присутствующих сразу же обозначилось внезапно возникшее желание действительно бежать туда, куда посылал их Павлов, однако третий почему-то на это никак не среагировал. Спокойно засунув в огромный рот такой же огромный бутерброд с салом, он не спеша прожевал, после чего посоветовал Егору Кондратьевичу самому посетить всем понятное, но доселе неизведанное место, куда тот только что всех отправил.

Скажу сразу, что мужик, конечно, глубоко недооценил незаурядную личность Павлова (клянусь – никакой иронии!), как не только грамотного и мудрого человека и опытного руководителя – на это у него не было времени, но и как дерзкого и удалого бойца. Короче, как потом утверждали многочисленные рассказчики, основываясь на показаниях шофера, Егор Кондратьевич физически отметелил всех троих невзирая на лица. А зря, как потом оказалось, тот флегматичный товарищ был первым лицом не то Краснодарского, не то Красноярского края. Приехал на родину, тихо, не светясь, встретился с друзьями детства. И тут такой инцидент! Конечно, Егор Кондратьевич загремел с кресла незамедлительно, но высокопоставленные знакомые пропасть не дали. Хоть и с понижением, не такой масштаб, но все же. Только вот, если обратиться к логике, сопротивление оказал, скорее всего, приезжий – вряд ли местные его приятели посмели бы вступать в драку с самим председателем райисполкома! Однако легенда всегда должна быть красивой, иначе это не легенда, а материал заурядного административного правонарушения.

Немало разного рода руководителей уже на службе в милиции придется повидать Кимову, да и сам он не останется в стороне от этой своеобразной касты. И поэтому хотя бы без схематичного описания этих достойных и кое-где не совсем достойных людей правдивого повествования событий, увы, не получится. Автору не раз придется вникать в их характеры и некоторые факты биографии субъективным взглядом Федора Степановича, к сожалению, основываясь на не всегда подтвержденных данных.

1992. Принятие решения

Работу Федору неожиданно предложил сосед по общежитию – молодой, но перспективный оперуполномоченный, уголовного розыска Игнат Андрейченко. Этот честный, открытый и заводной парень часто собирал в своей комнате коллег, таких же молодых и целеустремленных ребят, помешанных на работе, которые легко сходились с людьми типа Федора, выпивали, зная меру, остроумно веселились и потому казались самыми счастливыми людьми, нашедшими свое призвание. Конечно, Федор по-доброму завидовал их спаянности, бескорыстной дружбе и постоянной готовности идти в огонь и воду на пути к благороднейшей цели – защите людей от преступников. В его глазах словно оживали книжные герои – сильные и справедливые, с непревзойденным интеллектом и оружием в руках, противостоящие злу.

Иногда он брал у Игната потертый ПМ¹⁰ и, трепетно сжимая желтую пластиковую рукоятку, представлял себя в роли хитроумного и самоотверженного сыщика, справедливого, сильного, ловкого и великодушного, каким и должен быть в его понимании настоящий мужчина. Игнат часто беззлобно подтрунивал над ним в этот момент, а однажды вечером неожиданно предложил:

- Хочешь у нас работать?
- Кем? – удивился Федор.
- Инженером оперативной связи. Ты же в этом соображаешь?
- Ну, вроде да, – переваривал информацию Федор, немного растерявшись.
- Тогда приходи завтра с документами в РОВД¹¹, я уже с шефом переговорил. Хочет встретиться.

На следующий день с утра Федор примчался в РОВД, расположенное возле Центрального парка имени В. И. Ленина, и спросил в дежурной части Игната. Тот отвел его в свой кабинет, напоминающий скорее затрапезную контору с давно не мытыми кафельными полами, старыми растерзанными столами, на которых из под треснутых стекол скалились либо ухмылялись нарисованные или сфотографированные подозрительные личности, с полуразбитыми стульями, грязными обоями на стенах и обшарпанной дверью. На этих столах повсюду пачками в хаотичном порядке располагались исписанные корявыми почерками какие-то бумаги, стояли немытые чашки, примитивные канцелярские принадлежности и много другой всякой всячины. Стены украшали фотографии, рисунки и плакаты различного жанра – от людей в милицейской форме до изображений известных в криминалистике деятелей. Особо привлекала внимание распечатанная очень крупным шрифтом и приклеенная к стене надпись: «Вор должен сидеть в тюрьме. Жеглов», то ли предназначенная то ли для устрашения преступников, то ли являющаяся девизом владельцев кабинета, постоянно призывающая их к горькой, но справедливости.

Одного из молодых оперов Федор знал хорошо – он постоянно приходил в гости к Игнату в общежитие, а другим оказался уже немолодой человек, представившийся Николаем Федоровичем. Он посмотрел на Климова по-отечески добрыми глазами, как-то моментально расположив к себе, достал из кармана измятую пачку «Беломора», неторопливо закурил, после чего предложил Федору чувствовать себя как дома. Как назло, у Климова сигарет с собой не оказалось, и ему пришлось попросить папиросу у Николая Федоровича. Тот охотно поделился, и они где-то около получаса беседовали о коренных переменах в жизни страны, людей, обсудили последние новости, рост безработицы и преступности, высказали личное отношение ко

¹⁰ ПМ – пистолет системы Макарова.

¹¹ РОВД – районный отдел внутренних дел.

всему происходящему. Федор в основном старался слушать, так как привык уважать мнение старших, тем более что Николай Федорович производил впечатление человека умного и эрудированного, хотя и придерживался тогда уже не модных коммунистических взглядов.

Это была первая встреча Климова с самым авторитетным и заслуженным сыщиком области, уважаемым не только в милицйских кругах, но и в преступной среде, о котором ходили настоящие легенды. Еще не раз Климову придется общаться с этим замечательным человеком, курить его «Беломор», проигрывать в политических спорах, постоянно чувствовать надежную опору, а главное – учиться сыскному делу по-настоящему, чувствуя чужую боль как собственную, и потому отдавать себя полностью, без остатка благородному делу защиты законности и правопорядка.

Через некоторое время они вместе с Игнатом сидели в кабинете начальника РОВД, который, не сильно вникая в подробности, расспросил об образовании, предыдущем месте работы, семье, желании служить в милиции, после чего пояснил, чем Климов будет заниматься на службе. Он выразил уверенность, что Федор, несомненно, справится, имея за плечами специальное техническое образование и немалый опыт работы. Уверенности прибавил и Игнат, скромно поддакивающий рядом, поэтому Климов, несколько волнующийся от оказанного доверия, сразу же дал согласие.

– Ну и славненько, – обрадовался, как показалось Федору, начальник РОВД, – отведи его в кадры и пусть оформляется.

В кадрах приняли документы, заставили оформить кучу бумаг, взяли подробную анкету о местах проживания, учебы, работы, сведениях о ближайших родственниках, выдали документы для прохождения медкомиссии, после чего попросили зайти месяца через два, пояснив, что это время необходимо для специальной проверки кандидата, без которой в милиции работать нельзя. Федор этому даже обрадовался, так как давно не был на малой родине – в небольшом и уютном городке, где проживали родители, бабушка и давно гостила жена с маленькими детьми, убегая от общежитской неустроенности. В тот же день он укатил туда, куда и позже будет неоднократно возвращаться для душевного отдыха и покоя от суеты большого города, даже тогда, когда там останутся только друзья детства...

1994. Мотив убийства

Однажды в теплый летний понедельник старший лейтенант Климов, оперуполномоченный уголовного розыска, как обычно, пришел на работу пораньше в небольшой территориальный отдел городского УВД¹² под номером один, и, нетерпеливо закурив, набросился на бумаги, требующие более или менее срочного разрешения.

Бумажную работу он не любил, предпочитая ей живую – от преступника к преступлению, от преступления к преступнику, как учил Николай Федорович. Или, как было принято говорить, «топтать землю». Зайдет иногда начальник криминальной милиции, увидит, что среди дня бумагами некоторые занимаются, и полусхутом воскликнет:

– А вы что тут делаете? Бегом «на землю»! – что означает «раскрывать преступления».

В этот день начальник криминальной милиции Иван Иванович Лоскутков не очень-то торопился собирать отделение на утреннюю планерку, поэтому Федор успел сделать многое. Показатели у него были неплохие и по раскрываемости, и в остальном, хотя до настоящего профессионала, как он сам считал, ему было далеко.

– Ну что, поговорим о делах наших скорбных, – начал совещание Лоскутков словами известного горбатого криминального авторитета. – Кто чем занимается и кому какая нужна помощь?

Не успел он закончить фразу, как резко зазвонил телефон.

– Иван Иванович, – вещал дежурный. – У нас убийство!

– Где? – расстроился Лоскутков, а с ним погрузнело и все отделение УР.

Дежурный назвал адрес.

– Так это мой дом... – растерялся Иван Иванович, – и где труп? На техническом этаже? Понял. Сейчас выезжаем.

– Ничего себе! – продолжал удивляться Иван Иванович. – А я утром иду – на ступеньках кровь. Ну, думаю, кто-то в выходной из деревни, как всегда, мясо свежее привез... Короче, выезжаем: Велиев, Климов, Воронов, Переверзев, Лопотко. А лучше все скопом. Там разберемся.

Лоскутков стал начальником криминальной милиции не так давно. До этого работал бок о бок со многими из отделения. Начинал, как водится, опером, затем старшим опером, начальником отделения уголовного розыска. Может, поэтому ему удалось сбить нормальный и дружный коллектив, который трудился без нытья и усталости, а отдыхал еще дружнее. На планерках всегда старался выслушать мнения сотрудников, с дельными предложениями соглашался, мог дополнить советом, если что не так – тактично объяснял, почему того или этого нельзя делать. Старался обходиться без неоправданного риска, но послушавшихся в случае успеха прощал. Звали опера его просто «Иванычем». Если и были у него недостатки, так разве что один, как у всех руководителей в погонах, – боязнь вышестоящего руководства, а отсюда некоторая нерешительность в принятии срочных решений. За его профессионализм, спокойный и рассудительный характер, неброский юмор и человеческое отношение к людям все сотрудники отделения уголовного розыска Лоскуткова любили. Соответственно, и он переживал за каждого всем сердцем. Часто в прямом смысле этого слова, потому что сердце у Иваныча иногда пошаливало.

Однажды Виталик Воронов, работающий по линии преступников, находящихся в розыске, а также без вести пропавших граждан, получил на исполнение дело о найденном неопознанном теле пожилого человека, внезапно умершего на улице от сердечного приступа. Так и лежал дедушка, как называл его Виталик, в морге среди других неопознанных

¹² УВД – управление внутренних дел.

тел довольно долгое время. А тут наступила зима, в морге судмедэкспертизы таковых накопилось больше обычного, и их сложили на улице – благо зима. И добавляли периодически новых, в основном местных бомжей, не перенесших лютых морозов. Так бы и закопали через годик бесхозного дедушку, если бы не появилась его супруга – бабушка из районного центра, разыскивающая своего пропавшего мужа через райотдел по месту жительства.

Виталик, конечно, обрадовался такому повороту событий, тем более что сомнений в идентификации тела быть не могло – совпадало все: от одежды до основной приметы – отсутствия трех пальцев на правой ноге. Виталик настолько воодушевился, что повадился каждое утро посещать морг с целью отыскать этого дедушку во что бы то ни стало, чтобы супруга смогла его хотя бы похоронить по-христиански. Каждое утро он ехал на другой конец города, заходил к уже хорошо знакомым санитаркам, выпивал предложенных грамм 50—100 халявного спирта, после чего брал ломик и начинал в буквальном смысле выкорчевывать задубевшие на морозе тела, внимательно осматривая нижние конечности. При этом никто толком не мог ему ответить – цел ли предмет его поиска или уже нет. И так продолжалось не одно утро, но после обеда он возвращался к своим скрывшимся преступникам и другим без вести пропавшим гражданам.

На планерке принято было ежедневно докладывать, кто и по каким причинам отсутствует. Кто-то работал ночью и теперь отсыпался, кто-то с – раннего утра, кто-то банально заболел... Виталик, похоже, и вовсе со своим делом перестал ставить Ивана в известность. Но однажды Лоскутков спросил:

– А Воронов где?

Опера недоуменно переглянулись и пожали плечами. Вроде каждый день видят его на работе, а сейчас нет...

– Где Виталик? – повторил вопрос Иваныч, обращаясь к начальнику уголовного розыска Велиеву, который обязан был знать.

Велиев пообещал разобраться.

Планерка прошла, все разошлись по своим рабочим делам, а Иваныч никак не мог успокоиться – он вдруг вспомнил, что не видел Воронова уже не один день. Позвонил в дежурку. Дежурный сухо доложил – вчера получил пистолет и пошел в какую-то общагу задерживать рецидивиста, находящегося в розыске.

– А пистолет сдал?

– Нет. Но обещал вроде позже...

Иваныч сидел как на иголках. Вызвал Велиева.

– Где Воронов?

– В морге... – последовал неосторожный ответ.

Тут Велиев и сам понял, какую оплошность допустил. Иваныч резко подскочил с кресла, потом как-то неестественно обмяк, схватился рукой за левый бок и, резко побледнев, каким-то чужим безжизненным голосом прохрипел:

– Как в морге?!

– Ну, дедушку этого ищет, помните? – как можно скорее пояснил Велиев, – того, что без пальцев на ноге. Он же говорил вам!

Иваныч тяжело упал в кресло и почувствовал, что на этот раз, кажется, пронесло. Он еще некоторое время тяжело дышал, собираясь с мыслями, после чего укорительно произнес:

– Доведете вы меня когда-нибудь до...

– Забыл я, Иваныч, – оправдывался Велиев, в душе ругая и себя, и Виталика последними словами. – Каждый день туда ходит – скажу, чтобы показался.

– Ладно, – успокоился Лоскутков, – лишь бы толк был. А то, наверное, санитарочку какую-нибудь уже подцепил...

– Да нет, – успокаивал его Велиев. – Хотя про себя подумал: «Все может быть...» И тут же с сожалением одумался: «Нет, Виталик не ходок...»

На место добирались пешком – дом находился на соседней улице. Двенадцатизэтажка. Кто-то поехал на лифте, Климов и Велиев – по лестнице. Искали улики. Кроме кровавого следа, начинающегося с 8-го этажа, ничего не нашли. На площадке последнего этажа – лужа крови. Поднялись на технический этаж, в углу глубокой ниши – тело пожилого человека. Одет прилично, в костюме, хоть и поношенном, даже галстук. На груди – орден «Отечественной войны». Похоже, ветеран...

– Личность установили? – спросил Велиев.

– Соседи сказали, лифтером работал. Да и Иван Иванович его опознал... Паспорт при нем. Живет недалеко отсюда. Ждем судмедэксперта, следователя, криминалиста и кинолога.

Обычно до приезда судмедэксперта тело трогать было не принято, но Велиев и Климов, переглянувшись, подошли и слегка приподняли. На голове зияла рваная неглубокая рана, вокруг которой запеклась кровь.

– Не надо, – попытался остановить их Лоскутков.

– Да мы немного, не наследим, – успокоил его Велиев. – Проверить кое-что нужно. Лужа крови на лестничной площадке последнего этажа большая...

Под трупом крови не было.

– Да, понял, – согласился Иваныч, – тело перетащили недавно. А до этого лежал он, видимо, на площадке. Нужно искать оружие убийства.

Велиев и Климов начали осматривать технический этаж, а Воронов пошел искать ключи от мусоропровода, чтобы обшарить бачок. Остальные опера уже делали поквартирный обход. Все понимали, что убийство нужно раскрыть максимум за день, потому что, по всем признакам, оно не носило заказной или иной характер, требующий тщательного заметания следов. Очень похоже на бытовуху¹³ или из хулиганских побуждений, в крайнем случае – с целью грабежа. Подобные убийства в девяностые были далеко не редкостью.

Пока Климов и Велиев ползали в пыли, Лоскутков нагнулся к убитому и принюхался.

– Алкоголем не пахнет, – констатировал он, – может, и не бытовуха... Карманы бы проверить получше, да криминалист будет недоволен. Кто-нибудь к родственникам пошел?

– Сейчас отправлю кого-нибудь, – отозвался Велиев. – Федя, может, ты?

– Что, помоложе нет никого, что ли? – обиделся Климов. Первому сообщать родственникам о трагедии, а потом их еще и опрашивать в шоковом состоянии – сегодня это было выше его сил. – Тут любой справится...

– Хорошо, – согласился Глеб, – сейчас сниму кого-нибудь с поквартирного. Только оружие нужно найти....

– Здесь оно, – сообщил Виталик.

– В бачке? – спросили все одновременно.

– Нет, за мусоропроводом на двенадцатом этаже.

– И что?

– Просто половинка белого силикатного кирпича. В крови вся и волосы седые...

– Уже легче, – вздохнул Лоскутков. – Кто же эта сволочь?

Этот вопрос сейчас мучил всех. Чтобы убить старика, ветерана войны действительно нужно быть редкой сволочью... А главное – за что? Каков мотив? Все понимали, что, не зная мотива убийства, найти преступника будет непросто.

Наконец-то приехала опергруппа. Судмедэксперт начал осматривать тело, криминалист сразу же с Виталиком отправился к обломку кирпича, Велиев пошел искать поквартирников,

¹³ Бытовуха (разг.) – преступление, совершенное на бытовой почве.

а заодно понятых, Лоскутков убежал звонить – докладывать руководству УВД, а Климов помогал следователю составлять протокол осмотра.

Судмедэксперт предварительно предположил, что смерть наступила не сразу, удар нанес неоднократно не только по голове, но и по другим частям тела, в основном по спине. Человек умер несколько часов спустя от потери крови.

– А потом его перетащили сюда, правда? – спросил Климов.

– Да, когда он уже умер.

Через некоторое время вернулся Виталик с криминалистом. Орудие убийства было изъято и упаковано, четких следов обуви в подъезде не обнаружено, других улик тоже. С ними пришли испуганные соседи-понятые, а через минуту и Лоскутков. Молодой крепкий парень и пожилая женщина просто потеряли дар речи, когда увидели труп, а в процессе составления протокола осмотра старались на него не смотреть, затем расписались и с простительной поспешностью покинули злополучный чердак.

– Что сказала начальство? – иронически спросил Климов.

– Ясно что, – с досадой в голосе пробурчал Иваныч, – копать, обрабатывать ранее судимых, расспрашивать родственников, соседей, жильцов, одним словом, все, что хотим, но немедленно раскрыть!

Пришел Велиев и доложил, что собака конкретный след не взяла – покрутилась на лестнице и даже на технический этаж не захотела идти. Впрочем, на нее никто и не рассчитывал. Родственники предупреждены, опрашиваются, скоро могут прийти сюда, так что пора отправлять тело в морг на вскрытие. Будут крики, слезы – соберется толпа любопытных прохожих...

– А машина за покойным приехала? – спросил Лоскутков.

– Да, внизу.

– Тогда, ребята, понесли.

У эксперта нашлось несколько тканевых перчаток для такого случая, а вот какого-нибудь покрывала, как обычно, не оказалось.

– Сейчас скажу, чтобы носилки принесли, – Велиев достал из-за пояса носимую радиостанцию.

– Да давайте на лифте, – взмолился Виталик, – тяжелый ведь он.

– Ладно, – согласился Лоскутков и первым взялся за окоченевшую ногу убитого.

Его примеру последовали Велиев, Воронов и Климов. Тело действительно тяжело было спускать по крутой лестнице, ведущей на технический этаж – еле дотащили до лифта. «Скорее всего, преступник был не один, – размышлял Климов, – или очень здоровая детина... Конечно, мы несем, а его тащили волоком, а это легче... Вот и лестница, как будто ее кто тканью протер. Конечно, волоком!» Несли опера тело молча, с напряженными лицами, ясно, что думали о том же... Кто же эта сволочь и где ее искать?

В лифт тело засунули с трудом и везли, поддерживая в стоячем положении, а когда дверь открылась на первом этаже – столкнулись нос к носу с родственниками, которые с криками бросились к кабине лифта и практически вырвали тело из рук оперов, упрекая их в бездушном отношении к покойному.

– Все, уходим в отдел, – приказал Иваныч, выбрасывая перчатки в мусорный бак, – подбивать бабки.

1992. Без меня меня женили

Ровно через два месяца Федор снова вернулся в общагу и сразу же отправился в райотдел. Игнат был в отпуске и отдыхал где-то в деревне у родителей, поэтому он зашел к начальнику самостоятельно.

– А, молодец, не передумал, – радостно сказал тот, – обожди минутку.

Он позвонил, и через некоторое время начальнику РОВД занесли какую-то папку, явно касающуюся проверки личности Климова. Начальник бегло полистал ее, как-то хитровато ухмыльнулся, внимательно посмотрел на парня и резюмировал:

– Ну что ж, вы нам вполне подходите. Можете оформляться и приступать к работе.

– Я готов! – радостно согласился Климов, которому надоело уже бездельничать, и он думал как бы побыстрее надеть погоны и приступить к новым обязанностям.

– Ну и славненько. Нам нужны позарез такие ребята! – как-то неестественно продолжал льстить начальник. – Только вот небольшая загвоздочка появилась, но, думаю, что мы с вами найдем компромисс в этой ситуации. Дело в том, что место ваше за это время заняли – долго вы думали... – пытался выкрутиться начальник (Федор хотел возмутиться, но начальник РОВД делал энергичные отмашки рукой, мол, дай закончить). – Но мы вас все равно берем на работу... в уголовный розыск.

– Куда??? – не только удивился, но и испугался Климов.

– В уголовный розыск, – уже твердым голосом повторил начальник РОВД.

Во время минутного замешательства, в течение которого Федор лихорадочно пытался оценить сложившуюся непредвиденную ситуацию, начальник РОВД снова позвонил куда-то по внутреннему телефону – и в его кабинете появился небольшого роста крепыш, которого он представил как начальника уголовного розыска Беленко Виктора Станиславовича. В глазах последнего играли веселые и лукавые огоньки, когда он здоровался за руку с Климовым. Взяв у начальника папку с документами и делая вид, что видит ее впервые, бегло пролистал страницы.

– Вижу, что парень достойный, – наконец изрек начальник уголовного розыска, – я его беру.

«Без меня меня женили», – обреченно подумал Федор, а вслух попытался урезонить свое будущее руководство:

– Позвольте, я ведь инженер, а не сыщик!

– Научим! – уверенно парировал Беленко. – Лишь бы человек нормальный попался. Закончил столичный вуз, успешно работал в народном хозяйстве, спортом занимался...

– Не занимался... – пытался как-то противиться Федор.

– Значит, займешься, – спокойно реагировал Беленко. – Спорт – полезная штука! Физически подготовленный человек чувствует себя уверенно во всем. (Климов с завистью оценил его накаченный торс.) Так что вопрос решен.

– Я так не могу, – сопротивлялся Федор, – хотя бы подумать надо.

– Это конечно, – согласился Беленко, – пару дней... Но документы твои останутся у меня. Расскажи жене, родителям, какое доверие тебе оказывают, – уверен, они наставят тебя на верный путь.

«Ну уж нет, – размышлял Федор, – решение тут придется принимать самому – отец может согласиться, он всегда мечтал, чтобы я носил погоны, а мама, жена... Да и какой из меня сыщик! Это люди особенные, одаренные, „избранные“, и образование должно быть соответствующее хотя бы...»

Выходил из РОВД Климов с намерением прийти через пару дней и забрать свои документы, держа обиду на то, что обещанное место инженера по связи заняли, хотя предназначалось оно ему, – иначе зачем он проходил медкомиссию, два месяца ожидал окончания какой-то специальной проверки, и вообще...

– Покурим? – услышал он неожиданное предложение у входа в РОВД и оглянулся.

Николай Федорович протягивал ему мятую пачку «Беломора».

– Извините, не заметил вас, – растерялся Федор и зачем-то взял папиросу, хотя в этот момент у него были свои.

– Ну что, устраиваешься? – спросил старый сыщик.

– Нет, – вздохнул Федор, – место заняли.

– Это бывает, – почему-то не удивился Николай Федорович.

– Так в нормальных конторах не поступают, – горячился Климов, который подсознательно искал любого собеседника, чтобы как-то облегчить душу, – через два месяца сказали приходить, а потом – до свидания...

– Так и сказали – до свидания? – в одном тоне спрашивал Николай Федорович.

– Еще хуже – другую работу предложили. Не по специальности.

– И какую?

– В уголовный розыск!

– Ну а ты? – без эмоций продолжал опрос Николай Федорович.

– Сказал, что подумаю.

– А что тут думать – приходи, будем работать.

– Я? – удивился в очередной раз Федор, – какой же из меня опер? Я ведь никогда...

Он посмотрел в глаза Николая Федоровича, но не увидел в них ни капли фальши. Старый сыщик действительно считал, что думать тут нечего.

– А я справлюсь? – уже с надеждой в голосе спросил Федор.

– Научим, – уверенно и без пафоса подтвердил Николай Федорович. – Ребята у нас хорошие, грамотные, и я чем смогу – помогу.

Неожиданно Климов понял, что решение им подсознательно уже принято. Желание, при ненавязчивом участии авторитетного человека, поборол неуверенность в своих силах. Неужели так легко и быстро можно изменить жизнь коренным образом? Почему бы и нет? На то она и жизнь, чтобы жить, радоваться, страдать, думать, принимать решения, осуществлять их, изменяться, расти, падать, ошибаться, вставать, бороться, уступать, смеяться, плакать и в итоге оставаться человеком! Жизнь без всего этого – существование. Стабильность – это потом, когда жизнь заканчивается. А еще хуже – когда она заканчивается при жизни...

Нет, Федор не вернулся тут же в РОВД, чтобы немедленно доложить о своем решении, хотя знал, что его уже не поменяет. Это случится на следующий день. Переполняемый возбуждением, в ожидании чего-то нового и неизведанного, он решил просто побродить по улицам города, посмотреть на людей, здания, подышать жарким августовским воздухом, посидеть у реки на городской набережной, выкурить несколько сигарет и просто подумать.

Приятно осознавать, что скоро, уже завтра или послезавтра, ты окажешься среди людей, о работе рядом с которыми раньше мог только мечтать. В то время с престижностью службы сотрудников милиции конкурировать могли разве что военные летчики, космонавты, врачи и ученые. Климов вдруг вспомнил свое первое реальное знакомство с работой правоохранительных органов, правда, сам он выступал тогда в качестве потерпевшего...

1989. Потерпевший

Молодой инженер, начальник отдела управления бытового обслуживания, Федор Климов вез на поезде в столицу годовой отчет о проделанной родной организацией работе, участие в создании которого он также принимал, и далеко не последнее. По пути предполагалась недолгая остановка в славном городе Орле с посещением ведомственного конструкторского бюро, где необходимо было согласовать кое-какие проекты.

Довольно быстро справившись с заданием, Климов решил, что четыре оставшихся до отправления поезда часа не обязательно проводить бесцельно сидя на вокзальных деревянных скамейках, а можно навестить кого-то из институтских друзей или тетку жены, которая проживала неподалеку от конструкторского бюро. Климов выбрал последнее, ибо при встрече с однокурсниками пьянки вряд ли удалось бы избежать, а тетка отличалась гостеприимством и всегда была ему рада. И не ошибся – тетя Аня с мужем Иваном встретили Федора с распростертыми объятиями. Она, как всегда, накрыла царский стол, обо всем расспросила, рассказала, обсудила, накормила, напоила, а когда время незаметно пролетело – собралась провожать на поезд.

Федор и так чувствовал себя неловко от чрезмерного внимания, потому стал возражать, мол, дорогу знает хорошо, вполне доберется самостоятельно.

– Шапки у нас тут снимают, – объяснила свои страхи тетя Аня, – а у тебя просто шикарная, боюсь, до поезда не донесешь...

Шапка и вправду у Климова была модная: большая и пушистая, из куницы, сшитая по знакомству (все-таки в бытовом обслуживании работал!).

– Пряма так непременно на мою шапку и позарятся, – возразил Федор, – по теории вероятности...

– Все равно с Иваном проводим, – суетилась тетка, – не спорь. А то приехал в гости...

Федор упирался до последнего и победил.

– Ладно, помнишь хоть, как от троллейбуса до вокзала идти?

– Конечно! Выходишь, а там – через дворы, самый короткий путь.

– А вот и нет! Во дворе как раз темно, там бандиты тебя и подкараулят! Ты иди по улице, по светлому, пусть дальше, но безопасней. Ночь на дворе!

– Хорошо, – поклялся Федор, но до троллейбуса его все-таки проводили.

На остановке Федор увидел, как вся толпа отъезжающих с вещами, выйдя из троллейбуса, направилась к вокзалу через двор, а он один, зомбированный теткой, пошел дальним путем по светлой улице, в столь поздний час по которой никто уже не прогуливался. Ему удалось пройти метров сто, когда наконец-то появились первые прохожие. Это были четверо парней, прогуливающиеся парами на расстоянии метров пяти друг от друга. Первые прошли мимо Климова и, судя по отсутствию звука шагов за спиной, остановились. Еще двое преградили ему дорогу спереди. Федор почувствовал резкий запах перегара и понял, что попал в своеобразные клещи.

– Куда идешь? – грубо спросил один из них.

Не успел Климов что-либо сообразить, как самый крепкий, что стоял перед ним, ударил его кулаком в лицо, другой же сорвал шапку и бросил ее задним. Те побежали в сторону остановки. По всему получалось, что на этом все бы и закончилось, Федор даже успел подумать: «А, черт с ней, с шапкой... Что я сделаю?» Но один из нападавших рванул сумку, которая висела на ремне у Климова через плечо. В ней ничего ценного, кроме отчета, не было, но это только для грабителей, а для Федора это была величайшая ценность, которой лишиться он даже

под страхом смерти не собирался! Парень рванул еще раз – ремень оборвался, и они побежали в ту же сторону, что и первые.

Федору ничего не оставалось делать, как припустить за грабителями, – он видел спины тех, кто с сумкой, и старался догнать любой ценой. Двоих с шапкой в поле видимости не наблюдалось.

– Эй, стойте! – кричал Климов вслед грабителям, но они только ускоряли бег.

Очень скоро Климов понял, что сейчас они свернут куда-нибудь в дворы, и он их уже не догонит.

– Эй, подождите, – в отчаянии кричал Федор, – а деньги, вы забыли деньги!

Глупее, конечно, придумать было ничего нельзя: потерпевший бежит за грабителями, чтобы еще отдать им деньги, которые они забыли взять. Но ребята, к счастью, оказались недалеко и остановились.

– Деньги? – спросил тот, самый крепкий, который минуту назад ударил Климова по лицу. – Где деньги?

Федор остановился, отдышался, собрался с мыслями и спокойно, даже убедительно, как ему показалось, предложил:

– В сумке ничего ценного нет, можете проверить. Шапку, ладно, забирайте. И расстанемся с миром.

– А деньги? – зверел грабитель.

– Ладно, на бутылку еще дам, опохмелиться.

– Ах ты сволочь! – вышел из себя парень и снова набросился с кулаками.

Федор ловко отскочил, прижался спиной к дереву, чтобы не ударили сзади, и приготовился защищаться. Озверевшие грабители набросились на него, стараясь достать ногами и кулаками. Иногда им это удавалось, но не настолько сильно, чтобы он потерял контроль. «Нужно как можно дольше продержаться, – думал Федор, – все-таки кто-то должен увидеть происходящее. Машины проезжают – мы у них как на ладони...» Кричать о помощи он почему-то стеснялся.

И действительно, через некоторое время послышался характерный звук тормозящего уазика, из которого выскочили не менее трех милиционеров и бросились к дерущимся. Грабители в панике побежали в темноту, подальше от трассы, пытаясь скрыться за деревьями.

– Меня ограбили, – крикнул милиционерам Федор и бросился вслед за убегающими, но споткнулся и обессиленный сел на траву.

Подъехали еще две милицейские машины, из которых выскакивали люди в форме и бросались прочесывать темноту. Уже через минуту к Федору подошел один из милиционеров с сумкой в руках.

– Ваша?

– Да, – обрадовался Климов.

– Она пока побудет у нас, – пояснил милиционер, – в качестве вещественного доказательства, а что еще забрали?

– Шапку сняли.

Милиционер помог Климову подняться и усадил его в одну из машин. Через некоторое время к Федору начали подводить для опознания множество незнакомых мужчин, многих из которых, с их слов, вытащили из гаражей, где они мирно употребляли спиртные напитки, и спрашивали: «Этот? Не этот?» Федор внимательно смотрел и отрицательно качал головой. Наконец подвели того, крепкого. Климов кивнул – и его закрыли в специальном заднем отсеке уазика для задержанных. Оттуда он сразу же жалостливо заскулил:

– Это не я, мужики! За что?

Привели еще одного парня, возможно, соучастника, но Федор не очень хорошо запомнил его лицо, поэтому сказал неуверенно:

– Вроде похож.

Пользуясь неуверенностью Климова, тот с надеждой запричитал:

– Парень, посмотри внимательно! Я тебя первый раз вижу. Ну, скажи, ведь это не я...

– Давай до кучи! – распорядился старшина с большими усами, и второго парня поместили в другую машину.

Еще минут через пять Климова доставили в линейный отдел милиции, расположенный возле вокзала. Один из сотрудников в штатском, как потом понял Климов – оперативник, привел его к себе в кабинет, предложил кресло и начал расспрашивать о произошедшем. Федор возбужденно рассказывал все по порядку, а сотрудник его внимательно слушал, иногда уточняя детали. Когда Климов захотел посмотреть на часы, чтобы уточнить время, то вдруг обнаружил, что их нет.

– Кажется, я часы обронил во время драки, – сказал он оперативнику, – может, сходить поискать?

– Это мы сделаем сами, – последовал ответ.

Только многим позже Федор понял, что это была не обычная любезность, а соби́рание доказательств на месте происшествия. Вещдоки¹⁴ – со временем этот новый термин, как и многие другие, связанные с работой в органах, войдет в его обиход навсегда.

– Меня все-таки мучают сомнения, – сказал он оперативнику, когда закончил рассказ, а тот начал излагать его на бумагу, – я ведь второго не помню почти, может, вы непричастного задержали?

– Не волнуйтесь, – успокоил он, – невиновных только в кино сажают – разберемся. Они уже пошли на контакт, скоро и остальных задержим – с шапкой... А сейчас вам нужно привести себя в порядок и определиться с жильем.

– А разве я не смогу сегодня уехать? – расстроился Климов.

– Извините нас, пожалуйста, но вы нам нужны хотя бы еще на денек... В городе есть где остановиться? Или решить вопрос с гостиницей?

– Можно у родственников, – смирился Федор, – у тетки, от которой я шел.

– Тогда мы отвезем вас через несколько минут, а пока идемте, я покажу, где можно умыться.

Увидев себя в стареньком зеркале возле умывальника, Федор обомлел – лицо в крови, бровь рассечена, под глазом огромный синяк! Ничего себе попал в историю! Отмыв грязь и кровь, Климов с облегчением заметил, что серьезных травм все-таки нет, только синяки и ссадины, которые зажить должны быстро, а пока вид, конечно, все равно далеко неприглядный – показаться в министерстве с таким лицом – опозорить родное управление, как минимум...

К тетке отвезли на милицейском уазике и даже проводили до квартиры, словно остерегаясь, что потерпевший скроется. Еще бы! Такой грабеж раскрыт, а, может, по цепи – и не один. Реакция родственницы была шоковая – «накаркала»! Федор как мог пытался успокоить, мол, бывает и не такое, но она клятвенно обещала: «Убью засранцев!» И ведь почти сдержала слово! Месяца через три в коридоре здания суда в перерыве судебного заседания она, как кошка, подкралась к одному из подсудимых и так ему врезала, несмотря на конвой, что он открыл головой дверь, за которой проходило другое заседание, создав легкую панику внутри. К счастью, все ограничилось шутками присутствовавших в зале, легким испугом конвоя и небольшой шишкой на лбу подсудимого.

¹⁴ Вещдоки (разг.) – вещественные доказательства.

На следующее утро родственники отвезли Климова на машине в линейный отдел, где ему представили следователя, занимающегося его делом. Им оказался полный приветливый мужчина лет сорока, который начал разговор с извинений за неудобства в связи с невозможностью быстро покинуть столь «гостеприимный» город, после чего Федору как потерпевшему пришлось поучаствовать в ряде следственных действий: допрос, опознание вещей, включая злополучную шапку, лиц и многих других. В коридоре он пообщался со вчерашними злоумышленниками, которые уже не казались такими грозными, а вызывали лишь жалость и сочувствие, постоянно пуская слезы и униженно прося простить их за содеянное. Так как Климов по характеру отличался редким великодушием, на него это подействовало. Он спросил у следователя, нельзя ли как-то простить заблудших овец, но последний сослался на Уголовный кодекс, который определял это дело как преступление публичного обвинения, то есть ходатайства Климова в данной ситуации носили чисто субъективный характер, могли смягчить обвинение в какой-то мере, но никоим образом не освободить от ответственности. Впрочем, на всякий случай Федор под диктовку следователя написал заявление о том, что претензий к задержанным не имеет.

К концу дня снова приехали родственники и, к счастью, следователь пообещал, что вечерним поездом Климов уже сможет отбыть в родной Белгород. Тогда тетка всучила Федору пакет с едой и литровую банку вкусного домашнего вина на дорожку. О том, что оно вкусное, Климов и следователь убедились тут же, хотя Федор вначале побаивался предложить сотруднику ужин на двоих чем бог послал. Но позже не пожалел об этом. До самого поезда они душевно беседовали, после чего следователь проводил потерпевшего до вагона. Убаюкивающе раскачиваясь на верхней полке под стук колес, Федор все же еще долго не мог уснуть, рассуждая мысленно о том, какие все-таки удивительно добрые люди работают в милиции и как хорошо, что он, хоть и в результате не очень приятного для себя происшествия и совсем недолго, но все-таки оказался с ними по одну сторону фронта в борьбе с преступностью.

1994. Мотив убийства (продолжение)

– Ну, у кого какие мысли? – задал свой обычный вопрос в подобной ситуации Лоскутков, когда опера расположились в его не очень просторном кабинете на первом этаже, и привычно посмотрел в зарешеченное окно, выходящее на кооперативное кафе «Мотылек», из которого частенько вечером выходили стройные и модно одетые дивы. Поэтому, сидя на вечерней планерке, весь личный состав, да и сам Лоскутков, периодически поглядывали в окно, не теряя при этом темы разговора, и только при появлении какой-нибудь совсем неотразимой девицы кто-то мог обратить внимание остальных восторженным восклицанием. При этом Иваныч одобрительно соглашался:

– Да, ничего себе... – и тут же возвращался к делам.

А однажды вечером, когда на улице стемнело, во время планерки какие-то две симпатичные девицы нарисовались за решеткой и плаксивым голосом спросили:

– Вань, ну скоро ты?

Иваныч густо покраснел, хотя ничего в этом постыдного никто из присутствующих не заметил, и сердито стал задерживать занавеску.

– Скоро, скоро, отойдите от окна!

Однако вопросов было много, прошло минут двадцать, после чего за окном из темноты снова послышались жалостливые голоса:

– Вань, ну скоро ты?

– Да скоро, скоро! – отчаянно закричал Иваныч, – уйдите отсюда! Не видите – у меня планерка! – и, словно оправдываясь перед всеми, шепотом добавил, – достали, вертихвостки.

Был далеко еще не вечер, но все понимали, что к сумеркам преступление должно быть раскрыто. Климов, как и все остальные, продолжал ломать голову над мотивом убийства, который хоть как-то мог пролить свет на это темное дело.

– Будем отрабатывать возможные версии, – прервал размышления Лоскутков, – и начнем с самых вероятных. Могли старика убить из хулиганских побуждений? Могли. Вот одна из версий, которую нужно отрабатывать в первую очередь. Могло убийство произойти на бытовой почве? Может, выпивал с кем, чего-то не поделили. Вполне возможно. С целью грабежа? Тоже надо проверить, были ли у него деньги. Сейчас и за бутылку прибить могут. Ну, на почве каких-либо родственных отношений или с работой что-то – вряд ли...

– Фашистов местных вчера видели в округе, – сказал кто-то из оперов, делавших поквартирный обход.

– Так, уже интересно, – зацепился Лоскутков, – дед – ветеран войны, может, с этим что-то связано...

«Фашисты», то есть члены РНЕ¹⁵, или баркашовцы, как их тогда называли по фамилии лидера, существовали совершенно легально. Их база находилась в кемпинге, относительно недалеко от места совершения преступления. Администрация гостиницы арендовала им один из домиков с условием, что они заодно будут следить за порядком на территории, с чем они успешно справлялись. До их появления в кемпинге имели место грабежи, драки и даже вымогательства денег у парочек, которые снимали на ночь номер для аморальных любовных утех и под страхом огласки, естественно, старались откупиться по-хорошему. Баркашовцы, одетые на военный лад в стильную черную форму, внушали страх преступному элементу,

¹⁵ РНЕ – «Русское национальное единство» (Общероссийское общественное патриотическое движение ООПД РНЕ) – русская ультраправая националистическая организация, основанная группой бывших активистов НПФ «Память» во главе с Александром Баркашовым. Идеология характеризуется рядом политологов как фашистская и нацистская.

бывало, задерживали нарушителей и передавали в милицию. Сами же организовывали собрания, на которых вели себя тихо и пристойно, раздавали по понятиям девяностых безобидные листовки, привлекая в свои ряды молодежь под лозунгом «Россия для русских», в криминальных поступках замечены не были, но все равно находились под постоянным пристальным вниманием органов внутренних дел как потенциальные антиобщественные элементы чуждой идеологии.

– Может, ветеран войны наехал на них, стыдить стал или еще чего, а они и решили вломить ему... А много ли старику надо... – развивал версию дальше Иваныч. – Короче, начинать надо с баркашовцев, тем более что других зацепок пока нет... Или кто еще чего накопал?

Тягостное молчание красноречиво свидетельствовало о том, что больше никто ничего не накопал.

– Иван Иванович, а вы сами ничего ночью не слышали? – попробовал пошутить Воронов.

– Нет, – обиделся Лоскутков, – я, в отличие от некоторых, по подъездам ночами не шатаюсь. Давайте отправим двоих человек в кемпинг, а остальные вместе со – мной на место происшествия. Нужно все тщательно проверить...

– На обед приглашаете? – не унимался Виталик.

– Всех, кроме тебя, бездельника! – почти разозлился Иваныч. – Дуй в кемпинг вместе с Лопотко. И чтобы без подробных рапортов об отработке подозреваемых не возвращались!

По пути к дому Иваныча Федор с Глебом Велиевым попытались снова смоделировать картину произошедшего.

– Следы крови на лестнице начинаются со второго этажа и все обильнее и обильнее проявляются вверх по лестнице. На последнем этаже – лужа крови, где, возможно, человек и умер от ее потери, – рассуждал Климов. – Видимо, рано утром преступник или преступники вернулись на место происшествия, чтобы спрятать труп...

– Или проверить, есть ли труп, – добавил Глеб. – Может, они не хотели вовсе убивать, пьяные были, а потом протрезвели, вспомнили об инциденте, ужаснулись и пошли посмотреть.

– Ну да! А тут труп... Что делать? Вот и решили перетащить на верхний этаж, чтобы скрыть убийство хотя бы на время, а потом собирались, может, и вовсе избавиться от него. И повис на Виталике бы еще один глухарь о без вести пропавшем, если бы кровь с лестницы убрать догадались... Выходит, не очень умные ребята?

– Почему же, – возразил Велиев, – просто поздно было лестницу мыть – люди начали просыпаться и на работу идти. Может, понадеялись, что так быстро на чердак никто не заглянет. Ведь даже Иваныч не обратил внимания – подумал, кровь от поросенка, привезенного кем-то из деревни!

– Логично. Вот бы побыстрее узнать, есть ли алкоголь в крови, мог ведь с кем-нибудь выпивать, а потом подрались...

– В любом случае окружение теревить надо и местных алкашей. Кто его видел в последний раз, где и при каких обстоятельствах, – резюмировал Велиев. – От родственников еще не вернулись?

– Сказали, что трезвый был, вечером на работу пошел ненадолго, – присоединился Иваныч, – должен был скоро прийти домой, но не вернулся... Дед, с их слов, мог встретить какого-нибудь старого друга или соседа, выпить немного, задержаться, поэтому ждать не стали – легли спать, а утром хватились...

– Значит, правильно, – подытожил Велиев, – будем опрашивать окружение.

Когда снова зашли в подъезд и уперлись в лифт – место работы погибшего, решили снова внимательно обследовать лестницу на предмет дополнительных улик.

– Если снизу пойдем – значит, пешком, а сверху – поднимемся на лифте – спускаться легче будет... – рассуждал вслух Климов.

Решили поехать на лифте. Попутно еще раз осмотрели и сам лифт, что, впрочем, ничего нового не дало. Снова площадка верхнего этажа, засыхающая лужа крови...

– Он один тут у вас лифтером работал? – спросил на всякий случай Федор у Лепесткова.

– Ну да – других я не видел. А утром пришел лифтер из соседнего дома с ключами и запустил лифт.

– То есть как запустил? – удивился Климов. – Лифт не работал, что ли?

– Ну да, на ночь ведь лифты у нас отключают из экономии электроэнергии. Вот вчера вечером лифтер и пошел его отключать. А потом...

– И в котором часу его отключают? – продолжал допрос своего начальника Климов, и по всему было видно, что его осенила спасительная догадка.

– В одиннадцать вечера.

– А иногда и немного раньше, не правда ли?

– Ну да. А ты откуда знаешь?

– Мужики, мне кажется, что я понял мотив, а потому и примерное место поиска убийцы. Могу даже утверждать, что он наверняка молод, силен, любит выпить, отчего часто «течет крыша», поэтому становится буйным и непредсказуемым. Иваныч, живет ли у вас подобный индивид на верхних этажах?

Лоскутков задумался.

– Вроде есть такой с одиннадцатого этажа. Да ты его видел – он ведь понатым присутствовал при осмотре трупа!

...Парень почти не отпирался, тем более что при посещении квартиры его жена была застукана за стиркой окровавленной одежды. Климов зашел туда позже, когда Иваныч соседски уже расколол убийцу, ему надели наручники и повезли в отдел. Лоскутков, Климов и Велиев снова пешком отправились обратно.

– Как ты догадался? – наконец спросил Лоскутков у Федора.

– Вспомнил один аналогичный случай из жизни, – пояснил Климов, – еще когда в общепитии жил на 12 этаже. У нас ведь тоже лифт до одиннадцати вечера только работал. Так же лифтер приходил, отключал – в шесть утра включал... Мелкий такой мужичок в возрасте. Естественно, все старались до двадцати трех ноль-ноль домой вернуться, а если не получалось – ничего не поделаешь, пешком. Привыкли. Все бы хорошо, но лифтер иногда старался пораньше домой уйти, лифт выключал минут за десять, а то и за пятнадцать! Поднимется на нем до 12 этажа, зайдет в специальную кабинку, отключит – а вниз пешком. Вот так однажды возвращаюсь я без десяти одиннадцать, и радуюсь, что успел. А внизу сосед пьяный с пакетами продуктов стоит и безнадежно жмет на кнопку лифта. Матерится на весь коридор! «Что, – спрашиваю, – лифт уже отключили?» Вместо ответа – брань четырехэтажная. «Пешком пошли», – говорю и предлагаю помочь с пакетами. И тут как раз лифтер по лестнице спускается. Увидел его сосед, схватил из пакета майонезную банку – и к нему. «Убью!» – орет. Лифтер вверх по лестнице, а сосед его норовит со всей силы банкой по голове ударить. Хорошо, что я вмешался – сумел остановить его. А он злой, безумный прямо какой-то, чуть на меня не кинулся – короче, невменяемый полностью! Вот я и подумал...

– Так оно и было, – подтвердил Лоскутков, – дед по лестнице вверх пытался убежать, а этот догонял его и бил куском кирпича, которым дверь иногда подпирали... Наверху и добил... А утром проснулся, вспоминать что-то начал, решил пойти посмотреть. И – ужас! На площадке труп. Испугался, затащил наверх, как мог следы заметал. Жене признался, а той деваться некуда – один ребенок растет, другим беременна. Тридцать лет мужику всего, жалко. А ветеран и вовсе войну прошел – ничего. Теперь по глупости от руки пьяного дурака смерть принял.

– Пьянка до хорошего никогда не доводит, – нравоучительно добавил Велиев.

- Если крышу рвет, нечего пить! – согласился Климов, а Лепестков в тон ему добавил:
- Но вечером все же по пять капель нужно впрыснуть, как-никак убийство раскрыли.

Помянем дедушку.

- Это само собой.

Когда зашли в здание отдела, сразу же встретили Воронова, который поспешил доложить:

- Иван Иванович, на «фашистов» совсем немного надавить осталось – и поплывут.

Лопотко с одним сейчас работает в кабинете. Да двое в клетке еще.

- Отпускай! – махнул рукой Лепестков.
- Как так? – удивился Виталик.
- Пойдем лучше по пять капель... – подмигнул ему Федор.
- Как скажете, – согласился радостно Воронов и побежал к дежурному.

2011. Обратная сторона реформы

Первого августа реформирование МВД завершилось, по крайней мере об этом протрубили все средства массовой информации. Слово «полиция» сильно резало уши, но привыкшее ко всему население страны уже начинало забывать об этом. Только не сотрудники, которых повсеместно упрекали в заоблачных зарплатах и ехидно обзывали господами. А реально зарплата у многих упала – местный бюджет свои субсидии прекратил, а федеральный обещал новые оклады только с 2012 года. Многие, кто мог уйти на пенсию, так и сделали, мало доверяя многочисленным последним реформам, и только оптимисты вроде Климова продолжали трудиться на благо Отечества. Кого-то сократили, к сожалению, часто не самых худших. Лес рубят – щепки летят – любимый советский принцип никто пока не отменял. Для искоренения недостойных подняли даже административные дела за последние два года: кто в ДТП поучаствовал, кто просто правила дорожного движения нарушил, кто напился в быту – так и чистили ряды.

Специально для полиции выпустили Кодекс профессиональной этики, в котором, как для первоклассников, были прописаны элементарные нормы поведения полицейского. Эти нормы ничем не отличались от общепринятых в обществе, и любой человек, будь он олигархом, рабочим или милиционером, если он считает себя достаточно культурным и воспитанным, обязан придерживаться их как на работе, так и в быту. Сотрудники, чтобы называться полицейскими, спешно сдавали зачеты по знанию различных нормативных актов, многие из которых видели впервые, так как они не были связаны с их конкретной работой, тестировались у психологов, проходили медицинские комиссии, сдавали нормативы по физической подготовке, в основном успешно, ибо пройденная до этого милицейская школа жизни научила выживать в любых условиях.

А необходимость реформирования ведомства, безусловно, назрела давно. Еще с 2000 года, когда бесшабашная организованная преступность с характерным бандитским уклоном была почти побеждена, показав свою нецелесообразность с точки зрения живучести в преступной среде, появились более грамотные и изощренные способы ее существования. Стал все заметнее проявляться уклон к экономической направленности, которая набирала обороты с удвоенной силой – деньги рекой текли в бандитские кошельки, останавливаясь ненадолго в спешно создаваемых легальных отмывочных фирмах и даже банках, чтобы вновь и вновь пускаться в преступный бизнес, удваиваясь, утраиваясь и даже удесятеряться – все зависело, в какой сфере их использовать: контрабанда, оружие или наркотики. А позже и вовсе выяснилось, что, если ты при власти, можешь просто воровать, почти не рискуя! Поэтому те некоторые бывшие беспредельщики, что выжили и не сели, сумели подняться порой довольно высоко по крутой и путаной лестнице властных структур, набивая карманы самым циничным образом, публично выставляя себя благодетелями и народными слугами, по сути, являясь господами жизни. Другие «добропорядочные» чиновники, не воровавшие до этого только из страха, сильно завидовали первым и тоже начинали понемногу подворовывать или просто решать вопросы за мзду, быстро ощутив рост материального благополучия. Спрут коррупции под девизом «всем можно, а мне нельзя?» начал обволакивать практически все сферы деятельности, включая медицину и образование. Не остались поэтому в стороне и правоохранительные органы.

О сотрудниках ГАИ, которые «пьют не за свои» во все времена, рассуждать – только время тратить. За короткий период нечистые на руку люди проникли даже в оперативные подразделения! В том же 2000 году, когда Климов переводился в институт, на его место пришел сотрудник из другого региона, который начал свою службу с продажи изъятых наркотиков! Когда Федор узнал об этом из уст наркоманов, пользующихся доверием, то хотел сразу же

бежать в ОСБ¹⁶, однако в последний момент сжалился, решив лично переговорить с последним. При этом его постигло крайнее разочарование и возмущение, так как удивленный сотрудник пояснил: «А у нас это нормальное явление – все так делают...». Но пообещал, что больше подобного не повторится... Вновь присланный также из другого региона сотрудник, возглавивший подразделение по борьбе с экономическими преступлениями обложил предпринимателей данью и превратился чуть ли не в местного олигарха. Рассказывали, что на первой планерке с личным составом он обратился с таким воззванием: «Кто будет работать на свой карман – тех мы будем наказывать. Кто будет активно раскрывать преступления – хвалить. А кто будет совмещать и первое, и второе – поощрять!»

Многие честные сотрудники были до крайности возмущены происходящим, однако страх увольнения отбивал всякую охоту искать правду. Руководство страны, несомненно, понимало, что реформирование назрело и старалось принимать все разумные меры, чтобы провести его последовательно и успешно, но, как всегда, та пропасть, что вечно пролегалла между людьми и властью, безболезненно это сделать не позволила.

Однако так или иначе реформа проходила достаточно либерально, без кровопускания, как при Сталине, тихо и мирно, о чем вечно недовольный русский народ посудачил... и забыл. Только переаттестованные полицейские еще долго не могли войти в колею новых требований.

Климов однажды стоял возле поликлиники УВД в форме, мимо проходил дедушка лет под восемьдесят, судя по всему, бывший сотрудник, глянул на полковничьи погоны и спросил:

– Ну что, сынок, вы теперь полицаи?

– Что-то вроде того, – осторожно ответил Климов.

– Тьфу! – смачно плюнул дед. – Для полной картины теперь только партизан не хватает...

– Привет! – тут же вышел заместитель начальника следствия УВД Леша Романов, старый знакомый Федора по розыску. – Ты зачем здесь? Заболел?

– Да нет, шефа на машине подвез в стационар, жду, когда вещи вынесет. А ты?

– ВВК¹⁷ прохожу, на пенсию собрался...

– Как так? Тебе ведь и сорока нет еще?

– Ротация, мать ее... Мне места не нашлось пока...

– То есть как?

– Ну, обещали вообще-то начальником МОБ¹⁸ куда-то отправить, а зачем мне это, если я следователем всю жизнь проработал? Здесь я все знаю, умею... А там? Мог бы, конечно, и на своем месте остаться, если побороться, но ведь все опытные следователи ушли, а у нас дела-то по организованной преступности, то финансовые, то еще круче – в отношении чиновников из администрации! Кто их расследовать будет? Девчонки с бантиками, которых насовали? Нет уж, выслуга впритык есть – надо сваливать... И еще спрашивают, тебя кто сюда тянул на эту должность, – проверяют тылы. А кто нас тянул в девяностые? Только своим горбом и вылазили... А сейчас, выходит, тянут?... Так что толку все равно не жди... Пока еще молодой, нужно валить, а то потом и вовсе никому на гражданке не нужен будешь...

Климов в очередной раз задумался об уходе. Может, правда валить пора? Да вроде как нужен еще – ведь на руководящую должность назначили, полковника получил, но не пора ли тоже о будущем подумать? Вдруг изменят сроки выслуги, дающие право выхода на пенсию? Да и действительно ли значительно вырастут зарплаты? Как оно будет с 2012 года? Ничего заранее предугадать нельзя! Стабильность и предсказуемость, увы, закончились в 1986 году.

¹⁶ ОСБ – отдел собственной безопасности.

¹⁷ ВВК – военно-врачебная комиссия.

¹⁸ МОБ – милиция общественной безопасности.

До этого каждый мог спланировать чуть ли не всю свою жизнь на много лет вперед, а сейчас не знаешь, что завтра ждать...

Климов тут вдруг поймал себя на мысли, что не неизвестность в будущем его беспокоит, а настоящее – как работал всю жизнь за идею, не думая о деньгах, таким и остался! А вот нынешнее положение в качестве руководителя его угнетало. Как-то привык видеть результаты своего труда: когда опером был – раскрытие конкретного преступления, когда преподавал – знания и явно выраженная любовь к предмету у курсантов. Многому научился, многое освоил, а теперь руководит кучкой сомнительных преподавателей, из которых многие ни в милиции, ни в армии не служили, защитили диссертации в большинстве за деньги и судят о работе в милиции исключительно по учебникам. Они неплохие ребята, но далекие от дисциплины, ответственности за порученное дело, – лишь бы день прошел да платили получше. А перевоспитывать в таком возрасте тяжело. Хотя, скорее всего, можно и нужно, но как-то не получается у Климова – то ли добрый чрезмерно, то ли опыта маловато. Не кричит, как другие, не наказывает – только методом убеждения что-то изменить пытается. И заметно, что слушают его, уважают, – работа идет, а результатов он не видит... Или специфика работы такая, или не его это... Ну нет удовлетворения! Не то, что раньше...

1992. О некоторых методах допросов

Вновь назначенного на должность оперуполномоченного уголовного розыска Климова определили сначала в специальную группу, занимающуюся раскрытием преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Считалось, что особых навыков работы по этой линии иметь было необязательно. Ему определили место в кабинете, где уже находилось трое сотрудников, одного из которых, Сашу Липатова, довольно опытного, прикрепили в качестве наставника к молодому оперу. Липатов был немного старше Климова, имел педагогическое образование и, как заметил Федор, казался не по годам серьезным и рассудительным. Они сразу нашли общий язык и, как это обычно бывает в оперской среде, по-настоящему подружились и впоследствии проводили вместе не только рабочее, но и свободное время.

Липатов вводил в курс дела Климова обстоятельно и последовательно, как это умеют грамотные педагоги, а Климов с интересом вникал. Он участвовал в раскрытии преступлений, которыми занимался Липатов, ходил с ним в опергруппы¹⁹, учился оформлять процессуальные документы, старательно переписывая образцы себе в тетрадь, посещал всевозможные ночные рейды, в которых был задействован Липатов, – одним словом, оказался старательным учеником, а последний никогда не скупился на похвалу, чем заставлял Федора трудиться еще настойчивей.

Саша был крайне вежлив и обходителен с потерпевшими, никогда не позволял себе распускать руки в отношении задержанных – он как-то по-особенному умел расположить их к себе, наладить тонкий внутренний контакт, после чего получал полную картину произошедшего. Иногда преступники, даже самые матерые, и сами не успевали понять, как у них развязывался язык, укорачивающий время нахождения на свободе. Дилетант Климов не раз удивлялся, как эти умудренные криминальным опытом и достаточно потрепанные отсидками люди (а заниматься приходилось не только несовершеннолетними), пусть не сразу, но в конце концов вынуждены были признаваться Липатову в содеянном, выдавать подельников, указывать места хранения вещдоков и, как говорил Саша, отправлялись с очищенной душой в тюрьму!

Так получилось, что в первую неделю стажировки Климова Липатов раскрывал убийство, совершенное уголовником, который заманил валютчика к себе в квартиру с целью завладеть массивной золотой цепью, которую тот хотел продать. Валютчик долго числился без вести пропавшим, пока его тело, порезанное на части, не всплыло в реке. Убийцу долго искали всем отделением, но наконец, вычислили и задержали. Из-за отсутствия прямых улик он долго отпирался, пока разговаривать с ним не начал Липатов. Минут через тридцать Климов зашел в кабинет, где Саша беседовал с убийцей, и стал невольным свидетелем такого разговора:

– А топорик где?

– Не знаю... выбросил куда-то...

– Вспоминай!

– А, ну да, – как будто осенило парня, – я же его в пакет завернул, пошел на ЖД – вокзал, стал на воздушном переходе, дождался проходящего товарного поезда и бросил на платформу.

– Зачем?

– Чтобы не нашли никогда.

– Да, действительно, где этот поезд теперь ловить?.. – разводит руками Липатов.

Убийца с сожалением пожимает плечами. А Саша как ни в чем не бывало продолжает:

– Поезд мы искать не будем, ты лучше вспомни!

¹⁹ Опергруппа (оперативная группа) – ежесуточная группа дежурных сотрудников под руководством оперативного дежурного работающая по преступлениям, совершаемым в течение суток. Опергруппа включает в себя следователя, дознавателя, оперуполномоченного уголовного розыска, участкового, эксперта-криминалиста, эксперта-медика, инспектора по делам несовершеннолетних, кинолога, иногда и других специалистов.

Парень снова чешет затылок, исподлобья посматривая на опера:

– А, ну да! В речку забросил, куда и тело...

– Я тебе не водолаз, – спокойно возражает Липатов, – лучше вспоминай!

– В мусорный бак возле дома бросил...

– Его уже давно увезли на свалку – ты что, думаешь, я в мусоре копать стану?!

– А вот вроде...

– Ты так вспомни, чтобы мне искать было не тяжело!

Через секунду выясняется, что орудие убийства находится у клиента под ванной.

– Сань, а как все было? – не терпится узнать подробности преступления Климову, когда преступника увели.

– Да пригласил он валютчика домой, стукнул топориком для рубки мяса по голове, а труп положил в ванну и не знает, как от него избавиться. Три дня он там в воде лежал, пока запах не пошел. А потом разрезал по частям и вынес в мешках на речку ночью. Представляешь, когда еще труп у него дома был. участковый приходил на предмет отработки причастности к преступлению, а зайти осмотреть квартиру поленился! Так что на будущее имей в виду – проверять тщательно нужно даже самые невероятные вещи! В этой жизни все бывает, и можно не заметить слона, пытаясь найти муху!

– Но как тебе удалось так быстро раскрутить его? – удивлялся Климов.

– Преступник, даже если он и самый отъявленный негодяй, тоже человек, поэтому надо с ним по-человечески: посочувствовать, если что, войти в его положение – попробуй носить на себе такой камень, как убийство! Только психически больной может равнодушно переживать подобное! А наша задача – прежде всего, разобраться в человеке, что он из себя представляет: если адекватен, значит, и работать с ним нужно адекватно, то есть по-человечески честно, без обмана. Он ведь тоже чувствует, когда с ним фальшивишь.

Конечно, Липатов все идеализировал – Климов успел насмотреться в райотделе и других, прямо противоположных методов, которые также имели успех. Например, Игнат Андрейченко, который слыл непревзойденным выдумщиком и комбинатором, раскалывал преступников, хоть порой и грубо, но довольно изобретательно. Еще бы! Его подопечными были квартирные воры – своего рода элита преступного мира.

Сидит у него, бывало, домушник – и хоть убивай: я не я, и лошадь не моя! Не рецидивист еще, правда, но несознанке уже достаточно обучен. Игнат и два опера крутят его как могут – бесполезно! Тогда Андрейченко без предупреждения переходит к спектаклю:

– Так, мужики, – обращается к операм, – тут без доктора не обойтись. Сходи, Вася, за Петровичем, если он на месте. А впрочем, я сам, а то он, как всегда, упрется...

Забегает Игнат в соседний кабинет, быстро объясняет здорovenному оперу суть дела. Тот надевает белый халат, берет шприцы, изъятые у наркоманов, какую-то ампулу, после чего важно заходит в кабинет, где сидит домушник.

– Что тут у вас? – спрашивает у оперов. – Человеку плохо?

– Нет, человеку хорошо... Петрович, войди в положение, – умоляет его Иван, – ну последний раз, очень прошу!

– Что, опять? – возмущается «Петрович».

– Ну последний раз, дело магарычевое! Не хочет подельников выдавать.

– Я-то при чем? – как бы не понимает «Петрович», – это ваше дело...

– Петрович, кончай прикидываться, сделай, как в прошлый раз, помнишь? Одну ампулку всего...

Домушник, хоть и делает вид, что его этим не проймешь, а в глазах уже зарождается страх – ведь по его душу за чем-то позвали этого добродушного громилу в белом халате. О чем они его просят?

– Не могу, – упирается «Петрович», – это для организма не совсем, мягко говоря, безвредно...

– Но никто же не помер пока! – не сдаётся Игнат. – Так было разве что один раз, но откачали же... в реанимации... Да и тот хилый был совсем, а этот парень крепкий. И без твоей сыворотки правды совсем разговаривать не хочет!

– Ладно, – наконец соглашается «Петрович» и раскладывает на столе все, что принес.

Парень с опаской косится, но пока молчит.

– Ну что, – победно обращается к нему Игнат, – так расскажешь или сыворотку правды на тебя тратить? Ампулки эти на вес золота!

– Не буду я ничего говорить – делайте что хотите!

– Расскажешь, как миленький – вещь проверенная! – радуется Игнат.

И цирк продолжается.

– Пусть расписку пишет, – требует «Петрович».

Игнат кладет перед домушником лист бумаги и диктует:

– Пиши: «В целях следственного эксперимента согласен на инъекцию...». Петрович, все время забываю, как эта твоя хрень называется?

«Петровича» врасплох поймать тяжело:

– Нитробензолотриулол!

– Запомнил? – чешет затылок Игнат, злясь, что не может повторить диковинное слово.

– Ничего я писать не буду! – упирается парень, в котором просыпается надежда, что без расписки доктор колоть не станет.

– Пиши, – советует Игнат, – если под нитробен... Тьфу! Если под сывороткой правды показания не поменяются, никто тебя больше мучить не станет.

– Не буду я ничего писать, – уперся домушник.

– Ну и черт с тобой! – разозлился Игнат. – Петрович, коли так – под мою ответственность. В крайнем случае скажу, что я сам...

«Петрович» пожимает плечами и равнодушно откупоривает ампулу.

– Ну смотрите, – невнятно при этом бухтит, заходит за спину домушнику и набирает жидкость в грязный шприц, – рубаху с него снимите.

Один из оперов задирает на парне рубаху, оголяя татуированную лопатку. Все замечают, что задержанного начинает колотить предательская дрожь. Значит осталось надавить самую малость.

– А ты сегодня не выпивал, случаем? – интересуется «Петрович».

– Нет, – по инерции отвечает тот срывающимся голосом.

– Это хорошо, – пристраиваясь поудобнее, вещает «Петрович», – если с алкоголем в крови вводить – мементо мори...

– Какое море? – пищит домушник.

– Моментальная смерть! – чуть ли не в открытую смеется у него за спиной «Петрович», а парень, цепляясь за соломинку, получив новую надежду, срывается со стула в заботливые руки оперов и во весь голос кричит:

– Выпивал! Выпивал! Утром выпивал! Почти целую бутылку водки выпил!

– Не гони! – осаживает его Игнат. – Ты всю ночь в обезьяннике²⁰ просидел.

– Я не вру, – падая на колени перед «Петровичем», умоляет домушник, – мне передали, век воли не видать!

– Кто тебе передал, – издевается Игнат, – если у тебя подельников нет? Мама, что ли, принесла в лукошке? Эту брехню ты для фраеров побереги.

– Сожительница принесла, – не сдаётся домушник.

²⁰ Обезьянник (разг.) – комната временно задержанных или другое помещение для ограничения свободы.

– Проверить бы надо, – как бы в растерянности предлагает «Петрович», но Игнат непреклонен:

– И проверять нечего! Лепит горбатого, как будто мы лохи какие... Коли, док, только время теряем.

– Ааааа! – раздирается парень. – Почему у вас шприц использованный?

– Какой есть! – продолжает издеваться Игнат.

Опера поднимают бьющегося в истерике домушника, усаживают на прежнее место, оголяют спину, а «доктор» делает вид, что сейчас запустит иглу в ход, смачивая влажной салфеткой лопатку. Игла слегка прикасается к телу...

– Нет, не надо! – визжит домушник. – Я так все скажу!!! Не надо, прошу!

– Да все равно уже ампулу потратили, – добивает его Игнат, – коли, Петрович!

Боясь не успеть, парень скороговоркой перечисляет клички, имена, фамилии. Вопросы сыплются один за другим, так, что он едва успеваешь отвечать. Все это время «Петрович» держит шприц наготове, а когда все замолкают, как бы удрученно замечает:

– А ты спрашиваешь, почему шприц использованный, – с вами, правдолюбцами, разве когда до дела доходит...

Выйдя покурить с одним из молодых оперов, Климов восхищенно замечает:

– Лихо вы его!

– Это что, – усмехается опер, – малый этот еще не шибко крепкий попался! Однажды уголовного авторитета-грузина раскалывали – ни в какую! До ночи досиделись, из сил выбились, а он хоть бы что! Позвали Игната. Тот прикинулся пьяным, в кабинет вбежал злой и с ходу начал орать:

– Что вы с ним возитесь?! Сейчас я его опущу!

Схватил задержанного, положил на стол лицом вниз и начал штаны снимать. Мы подыгрываем, конечно:

– Не надо, иди просппись лучше, вдруг зайдет кто?

А он на нас пьяным голосом орет:

– Не мешайте! Подержите лучше, чтобы не вырвался! – и сует ему в одно место конец резиновой дубинки. – Всем потом на зоне расскажем, что он опущенный! Так из грузина этого в таком положении показания, как из рога изобилия, потекли! Говорил и плакал, говорил и плакал.

Наблюдал иногда Федор, конечно, и другие методы, связанные с побоями. Но сразу понял – это не для него. Не потому, что боялся ответственности, а просто так был воспитан – считал ниже своего достоинства бить того, кто не может ответить. И вообще думал, что таким образом человек признается в интеллектуальном бессилии. Из-за этого в первые дни своего стажерства даже был слегка осмеян.

Однажды на планерке начальник ОУР²¹ Беленко, который поразительно умел каждому на долгие годы приклеить меткое прозвище, заметил:

– С людьми надо работать настойчивей! Вот Климов, например, молодец – разыскал малолетнего преступника по материалу об угоне, а расколоть его не смог! А я это сделал за десять минут!

– Конечно, – обиделся Климов, – вы же его резиновой дубинкой избивали.

Начальник ОУР густо покраснел, на секунду задохнулся от неожиданной дерзости стажера, а потом, обращаясь ко всем ехидно заметил:

– Братцы, прокурор в наших рядах объявился!

²¹ ОУР – отдел (отделение) уголовного розыска.

Опера, конечно, засмеялись, но кличка не приклеилась.

1992. Полезные прогулки с Николаем Федоровичем

Во время стажировки Климов старался набираться опыта не только у Липатова. Иногда он работал вместе с Игнатом Андрейченко, ходил в опергруппы с Лоскутковым, который тогда был еще старшим опером, но больше всего ему нравилось учиться у Николая Федоровича, тем более что Дед, как его называли опера, и сам частенько любил привлекать Федора. Видимо, ему импонировала безотказность парня и желание работать хоть круглосуточно. Стоит, бывало, Климов возле райотдела, к нему подходит Дед, достает «Беломор», закуривает и спрашивает:

- Федя, пистолет у тебя с собой?
- С собой, – отвечает Федор.
- Пройдемся по притонам?
- Пройдемся.

Николай Федорович оружия никогда не носил, а Климов для солидности приобрел себе газовый пистолет, так как боевой стажеру не положен. Конечно, Дед, спрашивая про пистолет, незаметно для Федора подшучивал над ним – молодые сотрудники без оружия операми себя не ощущали. И только с годами понимали, что чаще всего это лишняя тяжесть, ибо настоящий оперативник должен как можно меньше пользоваться этим опасным предметом, а лучше не таскать его без необходимости вообще. Это только в фильмах показывают бесконечные перестрелки и погони, чтобы сюжет захватывал, а в реальной работе, если дело дошло до стрельбы, тем более если есть жертвы, можно лишь сделать вывод о плохо подготовленной операции. Поэтому Николай Федорович, как правило, оружия не носил, впрочем, своего мнения никогда никому не навязывал, передавая опыт как-то ненавязчиво, без назидательных поучений. С ним было надежно и комфортно, будто с отцом или старшим братом, и Федор невольно тянулся к нему, что также впоследствии повлияло на его мировоззрение и любовь к новой профессии. Кстати, в отношении оружия: своим газовым пистолетом Климов тоже внес полезное новшество – вроде как вооружен, но не очень опасен. Чаще всего бывает достаточно выстрелить в воздух холостым патроном, чтобы задержать преступника, – откуда он знает, что пистолет ненастоящий, или струей газа остановить обычного хулигана. Пользу газового оружия как психологического многие вскоре испытали на практике – отписываться не надошний раз, не боевой ведь, зато бахает впечатляюще! А голова в любом случае должна соображать, когда его можно применять, а когда нет.

По притонам Николай Федорович прогуливался и в одиночку, ибо был невероятно известен и уважаем в криминальных кругах, однако, пообещав однажды Климову, что примет самое активное участие в его становлении как сыщика слово свое держал. И позже в течение многих лет их пути постоянно пересекались, они совместно раскрывали запутанные преступления, чем Федор очень гордился, чувствуя, что Дед прикипел к нему, а значит, видит определенную перспективу. Климов в свою очередь ловил каждое его слово, каждый взгляд, хотя все равно до конца не понимал, почему этот обаятельный, добрый и умный человек имел такой авторитет практически по обе стороны окопов. Понятно, что руководство его ценило за результативность работы и уступчивый характер, а антиобщественные элементы? Ясно, что не только из страха перед его опытом – боялись они многих, а вот уважения заслуживал далеко не каждый! Тут было кое-что еще...

– О, Николай Федорович! – радостно встретил его на улице не совсем свежий тип, когда Федор и Дед в очередной раз решили прогуляться по притонам.

- Привет, Василий! Вышел уже?
- Да, от звонка до звонка.
- Молодец.
- Отметить бы надо...

– Не сейчас. Дела у меня. Я зайду как-нибудь... Живешь так же у Вальки?
– Не... Валька теперь с Боцманом, помните?
– Каким Боцманом? Который с Крейды?
– Нет, с Сокола²². Барыга чертов...
– Ты уж сразу его в барыги записал из-за сожительницы...
– Да хрен на нее... Баб, что ли, мало?! А Боцман, натурально, барыга!
– И чем торгует? Водкой паленой?
– Какой водкой! Вещичками с хат.
– Да с чего ты взял? Он вроде с домушниками никак...
– А теперь как – Валька до денег жадная. Если бы не она, разве бы я влетел так поглупому... Все мало было! Теперь у них там и Каленый, и Боров, и братья Гусевы ошиваются...
Короче, мне там ловить нечего.

– А где ночуешь?
– У матери, где же еще?! На Фрунзе.
– Ну, зайду как-нибудь...
– Что же он так легко своих сдает? – удивился Климов, когда мужик отошел на приличное расстояние. – Из-за бабы что ли?

– И из-за бабы тоже, – пояснил Николай Федорович. – А вообще, барыг никто не любит. Сдать барыгу не зазорно... Этот Боцман, похоже, несудимый.

– А вы его что, не знаете?
– Теперь придется познакомиться, тем более что с Каленым, Боровом и Гусями дружбу водит.

– Квартирники?
– Ну, сейчас так, по мелочи, что плохо лежит. А в молодости грабежами занимались.

В притонах Николая Федоровича тоже встречают все радушно, как старого знакомого, а раз Федор с ним – тоже уважительно. Дед участливо беседует с каждым, иногда журит за что-нибудь, а Федор уже начинает понимать, что это не просто прогулка – это сбор информации, казалось бы, незначительной, но проанализировав которую узнать можно довольно много о том, что творится в преступном мире. И рушится в глазах Климова стереотип, что блатные друг друга не сдают – нужно только не лениться ходить и беседовать с ними, а главное – заслужить уважение и авторитет настоящего сыщика. Каким образом? На это и Николай Федорович – скромный трудяга и профессионал, видимо, не ответил бы, спроси его. А ведь знает какой-то секрет... Секрет этот приходит с годами работы и, увы, не ко всем: нужно чужую боль воспринимать как свою – тогда отдашь все свои силы, умения, и успех придет! Нужно быть честным с любым человеком, неважно, друг он или враг. Сегодня ты победишь врага обманом, а завтра не победишь никого! И, конечно, жить работой, любить ее, сознавая, что приносишь пользу людям.

Николай Федорович не просто любил свою работу – он жил ею. Ему не нужны были ни должности, ни звания, хотя был полковником, – только бы на пенсию не отправляли. А когда это случилось, он продолжал работать по собственной инициативе до того печального момента, когда его вдруг не стало... Эта грустная новость моментально облетела весь город – на похоронах легендарного опера собралась огромная толпа его соратников. Многие из них не видели друг друга несколько лет, и потому, несмотря на тяжесть момента, имели место и радостные встречи друзей, разбросанных житейской суетой в пространстве и времени. Климов, тогда уже полковник, тоже прибыл на похороны своего учителя и друга и со слезами на глазах вспоминал то время, когда имел счастье работать рядом с этим замечательным человеком.

²² Крейда, Сокол – названия микрорайонов города.

1994. День розыска

Сравнительно высокий процент раскрытия убийств, как, впрочем, и других особо тяжких преступлений, обуславливается целым рядом причин и условий, одним из которых является, конечно же, большой общественный резонанс, и потому максимально возможна мобилизация сил и средств для скорейшего раскрытия, а часто и предупреждения последующих аналогичных преступлений. Имеются, конечно, и субъективные причины – огромное желание оперативных сотрудников вывести на чистую воду особо дерзкого и опасного преступника, переиграть, обезвредить его, добиться торжества справедливости. Особый азарт у сыщиков возникает, если имеешь дело с умным и опытным врагом, а иногда они встречаются не обязательно среди профессиональных киллеров и маньяков. Но бывают и такие убийства, когда в голове не укладывается их мотив, настолько он примитивен и утопичен. Самое страшное, что таких преступлений уголовному розыску приходилось раскрывать довольно много, и все они, как ни печально, лишний раз повествуют о загадочной русской душе. К счастью, раскрываются они, как правило, в кратчайшие сроки, ибо сами убийцы примитивны так же, как и мотивы их преступлений.

Одно из таких убийств произошло 5 октября, в профессиональный праздник – День работников уголовного розыска, который у оперов считается более значимым, чем День милиции – 10 ноября. Существует что-то вроде поверья, что в этот день серьезные преступления не совершаются, дабы хоть раз в году позволить разыскникам расслабиться на полную катушку и забыть о работе. Матерые уголовники, может, и соблюдают это неписанное соглашение, то ли боясь последующего беспредела, то ли по привычке, а вот что делать с начинающей шушерой?

Обычно опера выезжали в лес мужским коллективом или собирались в недорогом кафе, приглашали пенсионеров, сотрудников других подразделений, долго и много выпивали, беседовали, шутили, вспоминали курьезные случаи из практики, амурные дела – одним словом, культурно отдыхали. А тот знаменательный день, 5 октября 1995 года, разыскники ОМ-1²³ решили отметить с небывалым размахом! Традиционный сценарий начал ломаться дня за три, когда утром на очередной планерке Серега Лопотко, молодой и предприимчивый опер, вдруг предложил:

– Мужики, батя мой сказал, что их институтская база отдыха осенью простаивает и, если сторожу пузырь поставить, на ней можно неплохо отдохнуть на День розыска.

– А что за база? – сразу же посыпались вопросы.

– Ну, НИИшная, отец мой где работает. Километров двадцать от города. Домики там, столовая, природа, речка... Я подумал, что мы в лесу каждый раз мерзнем. А тут с ночевкой даже можно.

– Я вам дам с ночевкой! – сразу же загудел Иваныч. – Утром должны на работе быть все, как...

– Понятное дело! – загалдели опера. – Впервые, что ль? Хоть упейся, а на работу, будь добр, как огурчик! Главное правило помним.

– А не далековато?

– Так часть на оперативной машине, часть на дежурке²⁴ – откажут, что ли ребята?! Я на своей четверых привезу. Можно и пару ходок сделать... – продолжал агитацию Лопотко.

– На базе и русалки не помешали бы, – пошутил Виталик, а Серега сразу же подхватил:

– Девочек я сколько угодно организую!

²³ ОМ-1 – сокращенное наименование отдела милиции №1.

²⁴ Дежурка – имеется в виду дежурный оперативный автомобиль.

По части женского пола никто не сомневался, что Лопотко был мастак. Обладая на редкость смазливой внешностью и соответствующей манерой поведения с дамами, не обремененный браком и имеющий в наличии старенькие «жигули», что по тем временам для милиционера считалось верхом благосостояния, девок он имел целый гарем, с тем только отличием, что они не были по известным причинам знакомы между собой, а некоторые просто не догадывались, что Серега имеет их по графику. Очень многие вопросы в то тяжелое время дефицита решались с помощью Лопотко. Нужно что-то купить в магазине из-под прилавка – Сереге достаточно было разок улыбнуться и пригласить продавщицу на свидание. Или выбить что-либо для отдела у хозяйственников через смазливую секретаршу. А однажды на АЗС две сорокалетние тетki наотрез отказывались заправить оперативную машину, ссылаясь на отсутствие бензина. Климов чуть на колени не падал – бесполезно! Тогда вышел Лопотко, как обычно в черном стильном костюме, при галстукe. Уже на подходе он расплылся в смазливой улыбке, пригвоздив жадных заправокщиц к своей персоне, словно они воочию увидели самого Эроса! Климов, конечно, сразу же отошел, чтобы не мешать беседе, а когда по знаку подбежал с талоном на бензин, то не без удивления услышал слащаво-томную речь бензиновых дев:

– Вы всегда к нам приезжайте, если что понадобится!

– Обязательно заеду... – многозначительно обещал Лопотко.

Хотя обычно на День розыска женщин не приглашали (разве что женщина работала опером), идею все поддержали, даже Иваныч. Лопотко пообещал поставить этого добра ровно столько, сколько понадобится, но тут появились новые проблемы:

– А поить мы их водкой будем с колбасой? Или хлебом с майонезом?

– Можно и вина купить...

– Да дело не в напитках! Стыдно будет закуску примитивную на стол выставлять, как мы обычно привыкли... Или, может, жен организуем на стол накрыть, а потом, извините, у нас мальчишник?..

– Да, это прокол... Может, из дома салатов каких-нибудь прихватить, а женам объяснить, что решили закусывать наконец-то нормально?

– Может, у кого жена и дура, а моя сразу вычислит, что я на блуд собрался!

– Да при чем тут блуд! Просто нормально посидеть в нормальном месте и пообщаться с дамами без сквернословия, на светские темы, о театре там, кино, о природе, наконец...

– Да, сначала непременно о природе, – поучал Лопотко.

– Исключительно о природе! – словно успокаивал себя Воронов.

– Придумал! – обрадовался Велиев. – У меня человек есть – повар. Узбек по национальности. Плов готовит лучше всех в городе, его даже администрация области на пикники готовить зовет.

– А поедет он с нами?

– Еще как поедет! Он ментов не иначе как братьями всегда называет! У него на рынке кафе...

– Тогда, конечно, поедет.

Тут же на планерке было расписано меню, непременно с восточным уклоном, посчитано количество присутствующих, приглашенных гостей, включая женский пол, брошен жребий на предмет неvezучего, – кому придется дежурить в опергруппе на праздник, обсуждены время отъезда и другие незначительные мелочи.

Такого Дня розыска опера ОМ-1 не устраивали раньше себе никогда.

Утром 5 октября Климов готовился смениться с опергруппы, мечтая недурно выспаться, чтобы вечером со свежей головой, как водится, принять активное участие в предстоящих торжествах. «Повезло мне, – думал он, – все придут усталые, а я высплюсь днем по-человечески, тем более что за сутки ни разу прикорнуть не удалось...» Но не тут-то было! В 6:30 в дежурную

часть поступило сообщение о том, что возле одной из пятиэтажек по улице 5-го Августа находится абсолютно голый труп мужчины. «Вот тебе и праздник! – расстроился Федор. – Кому-то наплевать на традиции...» Кроме него, оперов в отделе в это время еще не было, а опергруппу Климов решил ожидать на месте, поэтому, не откладывая, выдвинулся один.

Каково же было его удивление, когда возле трупа он обнаружил начальника ОМ-1 Анатолия Васильевича Корзуна, который по радиостанции услышал о происшествии по дороге на работу в дежурной машине. Возле трупа также находились два милиционера патрульно-постовой службы на уазике. Мужчина действительно был полностью голый, а самое страшное, что у него не было головы, на месте которой по асфальту расплывалась кровавая каша.

Несмотря на страшное и неприятное зрелище, стали собираться обделенные в повседневной жизни подобными зрелищами прохожие. Увидев труп, все (да и Климов с Корзуном тоже) непроизвольно поднимали глаза вверх, проверяя навязчивую версию о несчастном любовнике, выпавшем из окна головой вниз, когда неожиданно пожаловал законный супруг. К сожалению, она тут же с треском проваливалась – в торце дома, со стороны которого находился труп, стена была глухая. Может, по крыше убежал? А может, незадачливый любовник нашел свою смерть в чужой квартире, а сюда его перенес убийца – оскорбленный муж, на собственность которого он позарился? А голову зачем так старательно измочалил тупым тяжелым предметом? Чтобы уже точно больше его никогда не увидеть?

Но, главное, по всему становилось ясно – праздник безнадежно испорчен, ибо предстоял долгий и кропотливый труд по розыску опасного преступника, так как на самоубийство произошедшее даже отдаленно не походило.

Из подъехавшей и ставшей на приличном расстоянии автомашины скорой помощи на полторса высунулся водитель и, не выходя, безошибочно констатировал смерть, облегченно пояснив медперсоналу в салоне: «Нам тут делать нечего». Скорая тут же умчалась, а Климов продолжал вежливо разгонять прохожих, досадуя, что их прибывает все больше и больше, словно никому никуда в этот час не надо спешить.

Шеф по рации торопил оперативную группу, Климов в голове набрасывал план оперативно-разыскных мероприятий, и в этот момент подошел молодой человек лет тридцати, который и вогнал всех своим видом в хоть и недолгое, но оцепенение. Тем, что в сей ранний час он уже находился в изрядном подпитии, в России никого не удивишь, но то, что при этом от пояса и ниже его одежда обильно пропиталась кровью, на секунду привело всех в некоторую растерянность, тем более он подошел к пэпээсникам, которые были одеты по форме, и деловито осведомился:

– Мужики, а что здесь произошло?

Последние, потеряв от неожиданности дар речи, растерянно обратили взор на Климова с Корзуном. Естественно, они также заподозрили странного вида гражданина в причастности к преступлению, но не решались в присутствии работников, на которых лежит прямая обязанность раскрывать преступления, что-либо предпринимать. Медленно, как к котенку, которого боишься спугнуть, не сговариваясь, Климов с Корзуном приблизились к парню и начали осторожно подталкивать его к услужливо открытой водителем задней двери уазика, вежливо предлагая «недалеко прокатиться». Как ни странно, он проявил подозрительную покладистость и, только когда дверь в узкой «зечке» за ним захлопнулась, поняв свою оплошность, закричал оттуда:

– Мужики, выпустите! Клянусь, это не я!

– Успокойся, братан, мы знаем, что не ты, – как мог успокаивал его водитель, закрывая дверь на замок, – просто надо заехать в одно место...

Корзун вместе с задержанным убыл в отдел, а Федор с радиостанцией в руке остался на месте происшествия и уже через полчаса водил следователя по территории, показывая, где

нужно изъять одежду погибшего, где документы и т. п. Все это в прямом эфире передавал Анатолий Васильевич по радиостанции, наскоро разговорив подозреваемого, помня о дефиците времени в этот знаменательный день.

Покончив с делами на месте происшествия, опергруппа прибыла в отдел, где Климов и узнал подробности трагедии.

Оказалось, что этот молодой субъект, рабочий теплотрассы, строящейся неподалеку, вместе с пожилым сторожем накануне вечером после работы решили «положить на грудь» немного спиртного в виде продаваемого неподалеку в частном секторе самогона. В свою на вид весьма безобидную компанию при помощи ставшей сакраментальной фразы «третьим будешь?» они вовлекли еще одного легкомысленного мужчину, одетого в дефицитный и модный по тем временам камуфляж, и безо всякого дела слоняющегося вдоль стройки по улице 5 Августа. Мужчину дважды уговаривать не пришлось, и он охотно присоединился к незнакомой, но щедрой компании.

Впрочем, щедрость их ограничилась всего одной бутылкой, которой, естественно, оказалось маловато – собрались ведь взрослые мужики, а не пацаны какие-нибудь желторотые! Тут, как и следовало ожидать, выяснилось, что пригласили гражданина небескорыстно, предложив и ему пожертвовать копеечкой для продолжения столь душевного банкета.

Против устоявшегося этикета мужик, разумеется, возражать не рискнул – уж на бутылку самогона деньги у него водились, поэтому потребление сомнительного спиртного, купленного неподалеку, продолжилось. Но так уж видимо, устроен русский человек, почитающий троицу: новые друзья стали ломать голову, где бы раздобыть денег на третью бутылку. По словам задержанного, думали они долго, пока у кого-то из пригласивших не появилась гениальная мысль продать весьма модный, как уже упоминалось, в то время камуфляж гостя. Идея, конечно, была хорошая, но вот беда – одному из присутствующих она в корне не понравилась, и он, хоть и робко, но вполне настойчиво возразил, постепенно начиная сожалеть о том, что поддался кажущейся халяве.

Только не подумайте, что обидчивые собутыльники сразу же вцепились ему в глотку, требуя раздеться! Ничего подобного. Не такими они уж и были зверями и потому применяли сначала методы убеждения, спрашивая вкрадчиво, уважает ли он их. Вне всякого сомнения, никакого уважения к незнакомцам мужчина не испытывал ни сейчас, ни вначале, а присоединился к ним лишь потому, что уважал крепкие напитки. Однако, учитывая щекотливую ситуацию, он все же тщетно надеялся успокоить их наивными заверениями, что уважает, но костюм не отдаст. Вот тут уже терпение обидевшихся на неслыханную бестактность выпивох закончилось. Всего один удар по голове тупым твердым предметом – и несчастный обладатель пятнистого костюма враз лишился не только его, но и жизни. Впрочем, трудно судить, в какой момент он скончался, сразу же на месте или после того, как горе-коммерсанты вернулись в «вагончик-ресторан», так и не сумев обменять злосчастный камуфляж даже на стакан живительного напитка.

Тут бы им и раскаяться в содеянном, тем более что потрудились они напрасно, но нет! Досаду свою они почему-то решили выместить на трупе (а может, еще живом человеке!), зачем-то раздев его полностью, вытащив на улицу и положив возле торца дома, начав топтаться по голове тяжелыми кирзовыми сапогами, пока она не превратилась в кровавую кашу.

Трудно представить нормальному человеку, что они испытывали в этот момент, как и то, почему молодой убийца утром подошел опять к трупу, хотя видел возле него сотрудников милиции. Скорее всего, дурную шутку с ним сыграла все та же водка, ибо поведение его и лицо не отягощала даже тень раскаяния, а ее место занимало лишь банальное любопытство. Возможно также, что это был один из тех типичных случаев, не раз описанных криминалистами, когда преступника постоянно тянет на место преступления, просто реализовал он эту сомнительную потребность слишком рано, трагически для себя.

Сотрудники отдела, видя, что преступление практически раскрыто и остается только задержать пожилого сторожа, приготовления к празднику не прекратили. В связи с непредвиденной задержкой решено было отправить на базу повара и всех гостей женского пола для подготовки стола. Этим занялся, конечно, Лопотко на своем личном автотранспорте. Погрузили огромный казан для плова и такую же объемную кастрюлю для приготовления шурпы, а также спиртное и массу продуктов. Невыспавшемуся и голодному Климову было предложено ехать, но он стойко отказался, решив до конца довести начатое.

А радоваться было еще рано – доставленный Климовым в отдел мужчина оказался на редкость стойким и рассудительным. Более того, когда Федор забирал его из дома, предложив, как всегда, проехать с целью пообщаться, мужик не проявил никакого беспокойства.

– Сейчас, только туфли надену, – согласился он и вышел с Климовым в прихожую.

Мужчина был в домашних тапочках и почему-то очень долго искал более серьезную обувь, хотя вокруг ее было немало. Климов, пользуясь случаем, беглым взглядом высматривал кирзовые сапоги, которыми, по словам задержанного, топтались по голове потерпевшего, но не замечал их. Зато, когда старик наконец-то нагнулся за осенними туфлями, Федор увидел валявшийся возле них молоток. Мужчина явно не спешил обуваться, искоса поглядывая то на Климова, то на открытую дверь, словно хотел удостовериться, нет ли там еще кого-нибудь. Возле дома стоял «Жигуль», который прислали в усиление с пожилым водителем, не соизволившим зайти в дом ввиду того, что в розыске не работал и потому не знал, что водителю принято страховать оперативника в таких ситуациях, а Федор постеснялся ему сказать об этом. «Сторож старый, – рассудил Климов, – сам справлюсь, если что...» Он был наготове, когда старик медленно потянулся к ручке молотка, но тут же вскрикнул от боли, так как Федор наступил ему на кисть.

– В чем дело? – возмутился сторож.

– В тапках поедешь, – резюмировал Климов. – Сколько можно ждать?

Схватив старика за шиворот, он без дальнейших церемоний выволок его на улицу и усадил в машину. Невозмутимый водитель покати́л в отдел.

В кабинете сторож, пристегнутый к батарее и припертый непровержимыми уликами и письменными показаниями подельника, достаточно убедительно пожимал плечами, показывая всем своим видом, что подобного факта в его биографии отродясь не было. Уже привезли с обыска наспех отмытые сапоги, провели очную ставку, но ранее не судимый старик отказывался признаваться в содеянном. Напрасно Лопотко без конца звонил с базы, угрожая не только выпить все спиртное, поесть плов и удовлетворить всех женщин, – следовательно, который получил это дело, требовал признательных показаний или еще каких-то улик.

– Что тебе еще надо?! – возмущались опера. – Свидетелей, разве что, привести, которые советы давали, как нужно скакать по трупу? Ты понимаешь, что у нас праздник сегодня? Арестовывай! Завтра он в убийстве Кеннеди признается! Да и зачем тебе его признания, для облегчения совести этого изверга?

Только когда вмешался Лоскутков, следователь согласился довольствоваться помощью опера, дежурившего в опергруппе.

– По коням! – скомандовал тогда Иваныч, и вся толпа радостно высыпала на улицу.

Праздник удался

Как и ожидали разыскники, на базе их встретили радостно, хотя без возмущений тоже не обошлось. В основном они исходили от Лопотко и повара по имени Данет Обиджанович. Первый устал развлекать многочисленных гостей преимущественно женского пола, а второй расстраивался, что плов, шурпу и другие восточные блюда придется разогревать, отчего они потеряют во вкусе. Только старик-сторож счастливо улыбался и без конца пожимал всем приезжим руки, из чего стало ясно, что только он из присутствующих продегустировал горячительные напитки и отведал экзотических блюд. Остальные, глотая слюну, не смогли начать торжество без товарищей, хотя Лепестков по телефону без конца приказывал:

– Начинайте без нас!

База отдыха местного НИИ показалась операм раем после городской суеты с дешевыми кафе и намного уютней лесополосы, как правило, захлавленной бытовым мусором, в обилии разбросанным отдыхающими. Относительно теплая погода для этого времени года, чистота, свежий воздух, отсутствие посторонних глаз, множество полезных строений, включающих крытую столовую, бильярдную и спальные помещения в отдельно стоящих домиках, изобилие вкусной еды, выпивки, присутствие прекрасных дам, а главное, отсутствие значительных вложений – все это настраивало на полноценный культурный отдых с отрывом от жуткой действительности. На столе стояла настоящая фарфоровая посуда, предоставленная сторожем, стеклянные бокалы, рюмки, ложки, вилки и даже ножи. Не успели опера перекурить с дороги, как Данет Обиджанович пригласил всех к столу, после чего началась раздача горячих закусок. Когда бокалы были наполнены, Лоскутков на правах старшего встал и, немного смущаясь, произнес тост:

– Друзья мои, товарищи офицеры и гости! Позвольте вас от всей души поздравить с Днем работников уголовного розыска! К сожалению, нечасто нам удается в такой теплой и торжественной обстановке отдохнуть от трудовой суеты – преступные элементы не дремлют, мешаются нам под ногами...

Говорить он старался пафосно, хотя и с легкой иронией, сбивчиво – лишь бы что-то сказать, как полагается в данной ситуации начальнику, ибо Иваныч как истинный трудяга красноречием не блистал. Добавив еще несколько общих фраз о пользе и важности дел, которые несет на своем горбу уголовный розыск, Лоскутков наконец-то позволил осушить бокалы, после чего с облегчением занял навязанное ему место во главе стола.

Не успели голодные и усталые опера хоть немного закусить, как со своего места подскочил почти никому не знакомый до этого крепкий симпатичный парень с живыми выразительными глазами и задорным лицом.

– Я таки тут впегвые, – комично косил он под еврея, – но уже имею, что сказать... Называйте меня пгосто Лёня. Тружусь на почве борьбы с наркотиками в областном ОБНОНе. Хоть, как и у всех вас, с утра во рту маковой соломки не было, но мне так кажется, что, прежде чем насытить желудок, нам необходимо разрешить кое-какие формальности, касающиеся организации сегодняшнего торжественного вечера. Например, почему все наши прекрасные дамы сгрудились кучей в одной половине стола, хотя напитки и еда распределены уважаемым Данетом Обиджановичем, как-таки нетрудно заметить, вполне равномерно? И почему нам таки не выбрать достойного тамаду, чтобы столь знаменательный праздник не обратился в банальную попойку? Разве я не пгав, дорогие коллеги?

– Конечно, пгав! – послышалось со всех сторон.

– И таки кого же мы выберем тамадой?

– Вас, уважаемый!

– Слушаюсь и повинуюсь, – торжественно приложив руки к груди, согласился Лёня. – А раз так, позвольте для начала внести некоторые изменения в рекогносцировку нашего стола: уважаемые дамы, прошу организованно встать со своих мест, прихватив столовые приборы, и переместиться таким образом, чтобы случайно оказаться между кавалерами, которые вам более-менее симпатичны. Мужики, вы тоже проявляйте инициативу, видите – наши прекрасные феи в растерянности!

Прекрасные феи только притворялись, что были в растерянности, – после недолгой суматохи с перемещениями наметанный глаз любого опера без особого труда определил, кто с кем стремился познакомиться поближе. Особым успехом пользовался, конечно, Лопотко, за ним – тамада Лёня, Велиев. Никто обделен симпатичной соседкой не остался, даже Данет Обиджанович, которого силой усадили за стол, уже общался с маленькой пухленькой девушкой, до этого охотно оказывающей ему помощь в раздаче пищи.

– Другое дело, – сделал заключение Лёня, – а то я в таких условиях работать не могу. Наполним наши бокалы и по традиции поднимем за тех, кого сегодня нет с нами в этот светлый праздник. За тех, кто в борьбе с преступностью или по другим причинам безвременно ушел из жизни, но, находясь в лучшем мире, может смотреть и радоваться за нас, живущих, продолжающих общее благородное дело!

Незнакомый большинству обноновец невольно вызывал симпатию за свою то шутивную театральность, то серьезность, когда это было необходимо. Его выразительные голубые глаза, мимика и жесты выдавали не только способность управлять застольем, но и, возможно, руководить серьезным коллективом. «Наверное, какой-нибудь начальничек», – подумал Климов.

Третий тост, отличающийся шутивной витиеватостью, Лёня предложил выпить за прекрасных дам. Разумеется – офицеры стоя. И только потом дал немного перекусить. Во время предоставленной паузы мужики поближе познакомились с соседками, похвалив восточную кухню, поговорив об удачно сложившейся погоде, хорошем вечере и о том, «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались».

– И таки не пора ли перекурить? – предложил Лёня. – По многочисленным просьбам товарищей.

Снова загремели стулья – все как по команде, вышли из-за стола и направились к выходу, доставая сигареты. Возле разогреваемого казана стали кружком, с удовольствием вдыхая аромат костра, и закурили. Разумеется, не все. Лепестков, Велиев, Воронов и некоторые другие опера не имели этой дурной привычки. Соседка Климова, представившаяся за столом Валец, тоже подошла и попросила сигарету.

– Я вообще-то не курю, – виновато пояснила она, – так, только когда выпью.

– Бывает, – согласился Федор, вежливо щелкнув зажигалкой.

– Я слышала, ваш отдел сегодня убийство раскрыл?

– Да так, бытовуха.

– А что там было?

– Ну, двое алкашей третьего завалили, – неохотно пояснил Федор по причине близости стола, не желая раскрывать подробностей.

– У вас такая интересная работа!

– А вы где работаете? – постарался Климов сменить тему.

– Да я так... В библиотеке.

– У вас тоже интересная работа. Наверное, много книг прочитали...

– Да, и в основном детективы. Как мне всегда хотелось стать сыщиком! Расскажите что-нибудь о своей работе, например, как вы раскрыли сегодняшнее убийство.

– Это только в книгах все интересно, – возразил Федор, вспоминая истерзанный труп и никчемный мотив преступления, – на самом деле все гораздо обыденнее. И не так запутано, как в детективах.

– Вы, наверное, тоже детективы любите, – предположила Валя.
– Как ни странно, я их не читаю, – честно признался Федор. – Предпочитаю классику или исторические романы.

– Странно, – удивилась она, хотя и без тени разочарования.

В этот момент к ним подошел тамада Лёня со своей соседкой по столу.

– А мы к вам знакомиться! – весело выпалил Лёня, протягивая руку Федору.

– Федор. Климов Федор.

– А меня вы таки уже знаете – Лёня! Леонид Леонидович. Если нужна фамилия – Трофимов. Будем друзьями.

– А это моя подруга Люся, – пояснила Валя.

– Очень приятно, – искренне ответил Климов. Ему действительно было приятно, что этот веселый усатый богатырь, пожимающий его мелкую ладонь огромной ручищей, абсолютно не теряющийся в чужой компании, явно обладающий здоровым чувством юмора и интеллектом, так просто решил подружиться. Хотя, конечно, это, скорее всего, Люся предложила своему новому знакомому подойти к подруге.

– Здорово вы все организовали, – сказал Лёня, – давно так круто милицейские праздники не отмечал. А День уголовного розыска я и вовсе впервые, у нас ведь свой – День ОБНОНа.

– Да мы тоже, можно сказать, впервые с таким размахом... До этого скромно как-то... Нужно будет на будущее взять на вооружение.

Трофимов рассказал, что работает в ОБНОНе не так давно, а до этого трудился в специальном подразделении, что-то вроде милицейской разведки. Оперативники этой службы были полностью законспирированы, поэтому в лицо их легальные сотрудники почти не знали, хотя работали частенько в тесном взаимодействии. Это знакомство двух таких разных внешне и в большей степени внутренне людей получилось знаковым, ибо с этого момента они в дальнейшем не только тесно взаимодействовали, работали в паре, но и стали близкими друзьями. Ведь в оперативных подразделениях напарниками просто так не становятся – работа требует как тесного и слаженного взаимодействия, понимания друг друга с полуслова, так и максимального доверия. А с Трофимовым Федор в разведку бы пошел. Впрочем, об этом позже.

Вдоволь наевшись и изрядно выпив, присутствующие на вечере постепенно разбрелись по базе, занимая помещения. Многие, правда, не рассчитали своих сил, отчего более трезвые товарищи бережно уложили их спать. Позже Данет Обиджанович упрекал оперов в том, что более стойкие на этот счет дамы в одиночестве сидели у его очага или бесцельно бродили по базе, вынужденные общаться между собой. Самому чудо-повару поэтому пришлось взять на себя роль еще и массовика-затейника, с которой он, как человек восточный, успешно справился.

Утром Климов встал несколько раньше, чтобы успеть приехать вовремя на работу, но сразу же обнаружил, что никто на нее и не торопится. Проснувшийся народ медленно собирался в столовой, где было можно умыться и выпить чаю или кофе.

То, что сторож вновь был навеселе, Климова ничуть не удивило, но опера... Многие из присутствующих уже успели опохмелиться и с аппетитом доедали вчерашний плов. Компания наших друзей так же вчетвером заняла место за столом.

– А где Иваныч? – машинально спросил Климов, зная, что тот бы этого не одобрил.

– Уехали с Велиевым в отдел на разведку, – доложил пьяный и веселый Лопотко. – Позвонят оттуда, как обстановка. Должны же мы хоть раз в году расслабиться!

Климов понимал, что это нарушение традиций – хоть умри от водки, но на работе будь как стекло, однако не мог противиться расслабляющей обстановке.

– Да ладно, выпьем по маленькой! – подлил масла в огонь Лёня.

«Наверное, областные опера приходят на работу, когда им вздумается, – подумал Федор, – а у нас могут быть проблемы... В то же время Иваныч почему-то не стал никого будить, а поехал в райотдел с Велиевым, значит, считает, что ничего страшного в этом нет...»

Противиться коллективу, конечно, Федор не стал. Опера выпили и закусили, почувствовав снова прилив нездоровой энергии. Многие даже перестарались. Впрочем, телефонный звонок Лепесткова на базу быстро отрезвил личный состав уголовного розыска:

– Быстро собирайтесь и в отдел, – ругался Иваныч, – шеф очень злой и собирает всех на планерку. Прослышал, наверное, про наши похождения... Хочет проверить на трезвость. Машины выехали.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – в сердцах воскликнул Воронов.

– А что, начальник сильно у вас строгий? – спросил расстроенный Лёня. – А то у меня созрел один небольшой планчик в отношении нас с тобой... Не нужно идти в райотдел с перегаром...

– А что делать?

– Да срубим пару «палок», пока суть да дело, а потом скажешь, что преступления раскрывал с утра пораньше, вот и не пришел. Логично?

– Логично, но еще пару «палок» срубить ведь надо как-то?

– Это уже моя забота. Главное – в суточную сводку²⁵ попасть, чтобы никто не подкопался. Пойдем по территории, посетим пару притонов, а может, и одного хватит – уж двух наркоманов с поличным как-нибудь надыбаем! Будет ли твой шеф после этого принохиваться, пил ты или нет?

– Думаю, что нет, – согласился Климов.

²⁵ Суточная сводка – краткая отчетная справка о совершенных за сутки происшествиях.

На притоне

Характеризуя Корзуна, следует заметить, что Анатолия Васильевича назначили начальником строящегося нового отдела милиции, беря во внимание прежде всего его способности в хозяйственной деятельности, в чем он в очередной раз преуспел – в короткий срок отдел был выстроен, облагорожен и начал функционировать всего через полгода. Будучи до этого участковым, Корзун достаточно неплохо разбирался в милицейской работе, но в основном старался не вмешиваться в дела уголовного розыска, переложив все на плечи зама. Сам же он продолжал решать чисто хозяйственные вопросы и только по крайней необходимости или из спортивного интереса мог иногда в чем-то лично и поучаствовать, как, например, в раскрытии убийства на улице 5 Августа.

В отделе его любили за простоту, доступность, человечность – нужно было совершить что-то сверхъестественно – порочащее, чтобы Анатолий Васильевич наказал или уволил своего сотрудника. В этом отношении показателен один случай с участковым Зайцевым, которого разбирали однажды на суде офицерской чести за то, что он «...будучи в нетрезвом состоянии, вышел во двор девятиэтажного дома по улице Мокроусова и, громко крича, начал вызывать свою любовницу М. Вместо нее из подъезда вышел гражданин К., являющийся ее мужем. В результате внезапно возникших неприязненных взаимоотношений между ними произошла ссора...».

– Короче, – оторвался от текста Корзун, – Зайцев начистил морду невинному человеку, и спасибо, что тот написал на него заявление не в прокуратуру, а мне... Какие будут предложения?

Красный как рак и реально расстроенный Зайцев стоял перед коллективом, смущенно опустив глаза, словно первоклассник, а в это время по залу с разных сторон пробивались то тут, то там приглушенные смешки.

– Я серьезно спрашиваю! – привел всех в чувство Анатолий Васильевич. – Понимаю, что Зайцев отличный участковый, но его поступок никак не вяжется с офицерской честью! Какие будут предложения?

Никто не решался выступить в качестве судьи своему, хоть и оступившемуся, но товарищу. И только когда все поняли, что без предложений собрание будет длиться бесконечно долго, кто-то робко с задних рядов предложил:

– Объявить замечание...

– Замечание? – возмутился Корзун. – Кто сказал, «замечание»? Да за это минимум – служебное несоответствие! А по-хорошему – гнать надо из органов в шею! Посерьезней, товарищи.

Прошло еще несколько минут тягостного молчания, из которого стало ясно, что больше никаких предложений от коллектива не поступит даже через час.

Корзун, хоть и неуверенно, но все же еще раз попытался призвать коллектив к сознательности, а когда понял, что бесполезно, неожиданно смягчившись, произнес:

– Ладно, пусть будет замечание. А ты, Зайцев, запомни, что судят тебя сейчас не за то, что напился, не за то, что имеешь любовницу при наличии жены, не за то, что избил ее мужа, а за то, что ты... ЗАСВЕТИЛСЯ! Засветился как последний простофиля, а не офицер милиции!

Трофимов привел Федора в дом, расположенный рядом с отделом милиции («Чтобы далеко не ходить, – пояснил он, – а то времени мало...»), бесшумно зашел в подъезд и принюхался возле квартиры на первом этаже. Затем знаками приказал Климову тихо подняться на второй этаж, еще раз глубоко затянулся воздухом, многозначительно поднял вверх указательный палец и так же тихо взошел по ступенькам.

– Варят! – радостно констатировал он.

Федор, конечно, понял, что варят вытяжку из маковой соломы²⁶, но что делать дальше, он не знал. Часто в отдел поступали звонки от анонимных и не анонимных граждан, требовавших унять наркоманов, которые готовят в квартире наркотики, удушая соседей специфическим запахом растворителя, являющегося неперменным ингредиентом этого непростого процесса, и в таких случаях дежурный посылал по указанному адресу опергруппу. Естественно, сотрудники, у которых в дежурные сутки и без того хватало забот, просто – напроосто звонили в дверь и заходили в квартиру, когда все улики были уже уничтожены. В крайнем случае забирали присутствующих на освидетельствование и редко пытались доказать наличие преступления, не имея в этом достаточного опыта, хотя от оперов уголовного розыска и требовали «наркопалки». И вот сейчас у Федора появилась реальная возможность приблизиться с помощью профессионального обнювца к тактике раскрытия таких преступлений.

– Заходим «на плечах», – шепотом инструктировал Лёня.

– Как это?

– Видишь ли, – терпеливо объяснял Трофимов, – сейчас хозяин квартиры варит солому. Скорее всего, делает это он не только для себя – так удобнее. А когда вытяжка будет готова, к нему и придут остальные. У них свои условные стуки. Он им откроет – а мы следом: «Стоять, не двигаться!» Вещдоки целы – что и требовалось доказать! Только пошустрее.

Ожидать долго не пришлось – минут через десять квартиру посетили двое изможденных молодых людей, которые сначала осмотрелись, затем прислушались, после чего начали выстукивать несложную мелодию «Спартак – чемпион» по двери притона.

– Кто? – раздался оттуда осторожный голос.

– Воробей.

Послышался скрежет замков, во время которого Лёня и Федор напряглись, приготовившись к рывку, а когда наркоманы стали заходить, то быстро и почти бесшумно ворвались в квартиру. В нос ударил резкий специфический запах растворителя.

– Стоять! – скомандовал Трофимов. – Руки в гору!

Растерянные и испуганные наркоманы прижались к стене в коридоре, а Лёня бросился на кухню.

– Присмотри за ними! – прозвучала оттуда его запоздавшая реплика – Климов и так понимал, что его задача вспомогательная.

На кухне все загремело, посыпалось, потом упало что-то тяжелое, после чего послышался сдавленный стон.

– Заводи их сюда, – снова приказал Лёня.

В грязной, обшарпанной кухне на плите горела пустая газовая конфорка, а металлическая миска с желтым налетом по краям, по всем признакам до этого подогреваемая пламенем, валялась на полу. Возле батареи у окна, держась за худосочный голый живот двумя руками, с обиженной гримасой на лице лежал, по-видимому, хозяин квартиры.

– Что, Зеленый, – бережно поднимая миску с пола, констатировал Лёня, – не пропали твои труды даром – зелье на месте!

Наркоман жалобно посмотрел на оперов и поник.

– Выплеснуть хотел, стервец! – не то оправдываясь за применение силы, а скорее таким образом инструктируя Федора, как нужно действовать в подобной ситуации, театрально возмутился Лёня.

Наркоманы стояли у стены, боясь не то что шелохнуться – вздохнуть.

²⁶ Вытяжка из маковой соломы – ацелированный опий, полученный в домашних условиях из сухих головок, иногда и стеблей мака.

– А вы понятыми будете, – безапелляционно приказал Трофимов (Федор подумал, что это шутка), – если, конечно, с собой чего не принесли... Федя, обыщи их повнимательней! Да не только в карманах – трусы пусть снимают, носки...

Испуганные наркоманы начали выворачивать карманы, задирали рубахи, показывая интимные места. Федор тщательно прощупал их одежду, после чего доложил, что ничего, кроме сигарет, зажигалок и нескольких мелких монет, им не обнаружено. Климов не так часто имел дело с наркоманами, и после воров, грабителей и убийц, на которых он успел за короткий период службы насмотреться вдоволь, они ему показались скорее потерпевшими.

– Хватит притворяться! Вставай и показывай, что у тебя еще припрятано, – предложил Трофимов хозяину квартиры по кличке Зеленый.

– Нет у меня больше ничего... – поднимаясь с пола, жалобно доложил тот.

– Верю, – согласился Лёня. – А знаешь почему? Сам брехун... Лучше выдай добровольно. А впрочем, на уголовное дело и этого хватит. Федя, пригласи-ка понятых. Только соседей справа не зови, там алкаши живут – потом на суд замучаемся вытаскивать. Сверху кого-нибудь. Он им уже изрядно надоел.

Федор поспешил к выходу, но в темном узком коридоре случайно пнул ногой какой-то шелестящий пакетик. Оказалось, что это сухая маковая солома.

– А говорил – больше нет ничего! – обрадовался Лёня. – Да тут стакана два будет! Попал ты парень на полную катушку.

– Не мое это! – искренне возмутился Зеленый.

– А что, мое, что ли? – усмехнулся Лёня.

– Это они принесли! – указывая на гостей, догадался Зеленый.

– Где это лежало? – спросил Трофимов у Федора.

– В коридоре на полу.

– Ну, тогда вполне возможно, – согласился Лёня. – Скинули, значит. И таки кто будет грузиться на солому?

Наркоманы отчаянно посмотрели друг на друга, потом как по команде, опустили глаза в пол, из чего следовало, что добровольно никто на себя такую ответственность брать не станет.

– Я спрашиваю, кто будет грузиться?! – грозно повторил Лёня. – Пока я не начал грузить...

– Зеленый, – жалобно обратился один из них к хозяину квартиры, – тебе все равно грузиться. Возьми на себя...

– Еще чего! – возмутился Зеленый. – «Зеленка», может, и не потянет на дело, а пара стаканов выше крыши будет! Сами грузитесь...

– Зеленый прав, – миролюбиво согласился Лёня, – торг здесь не уместен. Так что решайте меж собой.

– Я не собираюсь – это не мое, – неожиданно осмелел один из наркоманов и с вызовом посмотрел на своего товарища. – У меня и так «условно»...

– А мне что, легче от этого? Закроют сейчас – и сиди сутки на кумаре.

– А меня не закроют, что ли?!

– Так ведь ты покупал!

– А нес кто?!

– Все, хватит торговаться! – остудил страсти Лёня. – Минута на решение, а то оба загрузитесь! Вы меня знаете. Получите групповуху как миленькие. Если все мирно будет, обещаю не закрывать до суда. Идет?

– Идет, – хоть и без энтузиазма, но как-то сразу согласились наркоманы.

– Ну, побыстрее только, а то мы с напарником еще не пообедали.

Когда Федор привел понятых, солома уже находилась в кармане у наркомана по кличке Бармен. И Зеленый, и Бармен охотно рассказали понятным, где и при каких обстоятельствах у них оказался наркотик. Лёня составлял протокол осмотра, а Федор записывал их показания на бумагу. Бармен даже упомянул, что купил злосчастный мак у Ботвинника, но Трофимов вовремя шепнул другу, чтобы он этого пока не записывал. «А то придется сейчас и к сбытчику ехать... А будет там что или нет – неизвестно... Если что, потом дополнительно опросим».

Быстро записав показания понятых и третьего наркомана как свидетеля Трофимов тепло попрощался со всеми, предупредив, чтобы по первому зову бежали к следователю («А то закрою!»), после чего опера с изъятыми вещдоками покинули вонючую квартиру.

– А что, – спросил сразу на улице Федор, – «зеленка» в миске и вправду может не потянуть на уголовное дело?

– Потянет однозначно, – пояснил Лёня.

– А почему же ты заставил этих грузиться, ведь Зеленому и так...

– Во-первых, в нашем деле всегда должна торжествовать справедливость, – перебил Лёня, – а во-вторых, «палки», дружище... Мы срубили две «палки», как и хотели. А по твоему сценарию у нас была бы только одна... Теперь главное, чтобы наши фамилии фигурировали в сводке происшествий за сутки – и ни у какого Корзуна не поднимется рука, вернее язык, корить нас за напрасно прожитое время.

И действительно, когда Анатолий Васильевич встретил Климова и Трофимова в райотделе, то на вопрос, почему утром Федор не явился на планерку, Лёня за него небрежно ответил:

– Да так, пару наркоманов накрыли... Сейчас оформим материал и на экспертизу наркоту повезем. За вашим отделом пойдет.

Корзун благодарно пожал операм руки, не скрывая радости, – по наркотикам ОМ-1 «палок» недобирал.

– Молодцы! Отвезете на экспертизу и отдохайте!

– Ну, что я говорил?! – хитро улыбался Лёня, когда они поехали в ЭКУ²⁷. – Теперь быстренько сбавим эти гнусные мешочки и отметим! А то что-то опять во рту пересохло... Все-таки плов острым был.

²⁷ ЭКУ – экспертно – криминалистическое управление.

1993. Первое внедрение

Как-то летом 1994 года по какому-то делу Климов заехал в отдел милиции №1 на Харьковской горе. Он открылся всего полгода назад, и туда перевелись некоторые его коллеги по Октябрьскому РОВД. Территория из-за обилия многоэтажек считалась довольно криминальной – квартирные кражи, бытовухи, грабежи, угоны автомашин, пьянство и наркотики. Возле дежурной части ему встретился Лоскутков, который перевелся сюда из РОВД на повышение – начальником криминальной милиции.

– Зайдем ко мне в кабинет, – предложил тот, – чаем угощу.

Не успел электрочайник заурчать пузырями, как Иваныч напрямую предложил:

– Переводись к нам. Ты ведь живешь неподалеку, да и большинство ребят знаешь. Коллектив у нас хороший, хоть и молодой, да и перспектив побольше – есть где себя проявить. Не успеешь оглянуться, как старшим опером станешь!

– У нас тоже работы хватает, – несколько растерялся Федор, – да и рано мне еще на повышение.

– Понятно, – иронично хмыкнул Лоскутков, – от учителей отрываться не хочешь... Сколько можно в подмастерьях ходить?

– А там как посмотрят?

– Это я беру на себя.

– Надо подумать, – почти согласился Климов.

– На учебу в юридический отправим на заочку, ты ведь хотел.

– Да, это аргумент, у нас приоритет для следователей.

– Вот видишь! Так что пиши рапорт, а я все порешаю.

Уже через пару недель Климов пришел на работу в отдел милиции №1, где без проблем вписался в коллектив, и сразу же приступил к работе.

На очередной утренней планерке отделение уголовного розыска ломало голову по поводу обнаружения трупа мужчины возле пивного заведения на открытом воздухе с детским названием «Грибок» по улице Щорса. Мужчина лежал на бордюрном камне с пробитой головой, и было непонятно, сам он упал на него или его толкнули в результате потасовки, которые постоянно возникали в этом проклятом месте. Информация поступала противоречивая: из одних источников следовало, что мужчина упал сам, не рассчитав объема выпитого, из других – последствия банальной драки. Но официальных свидетелей этого происшествия найти не удалось.

– Достал уже этот «Грибок»! – в сердцах возмущался Лоскутков. – Как бы закрыть этот притон? Хоть бы какого очевидца найти и доставить, а тут бы мы его раскололи! Никто ничего не нарыл?

– Бесполезно, – докладывал Велиев, – я не я и лошадь не моя – таков общий ответ.

– И что будем делать?

– Искать.

Зашел Корзун.

– Что у вас там с трупом? Мне уже всю душу вытрясли звонками из УВД. Если это несчастный случай, так пишите отказной, но определяйтесь быстрее, ради всего святого!

– Свидетелей, как всегда, нет, – вздохнул Лепестков.

– Как это нет?! – возмутился Анатолий Васильевич. – Да там толпа круглосуточно не рассасывается! Даже когда пива нет.

– Свидетели наверняка были, – пояснял Лепестков, – да кто же теперь признается...

– Пивка зашлите кого-нибудь попить, – посоветовал Корзун, – может, что и услышать получится...

– А ведь верно! – подхватил Велиев. – Пошлем кого-нибудь из наших в проклятый «Грибок», пусть потусует, пива попьет, в разговоры вступит, может, кто и ляпнет что-нибудь.

– Да они наших знают всех как облупленных, – возразил Лоскутков.

– Климов у нас новенький, – тут же сообразил Велиев.

– Федор, ты пиво употребляешь? – полушутя спросил Лоскутков.

– Для дела я готов на любые жертвы! – согласился Климов.

– Хорошо, а если никто не станет обсуждать этот случай?

– Значит, нужно побудить как-то, освежить память...

– Я придумал, – снова осенило Велиева, – Климов будет пить пиво за столиками, а мы снова придем и начнем искать свидетелей. Как обычно, ничего не узнаем, а когда уйдем, тут уж Федору и нужно уши напрягать. Наверняка начнутся обсуждения! Нам бы только узнать, кто хоть что-то видел или просто знает тех, кто мог видеть.

– Ну вот! – обрадовался Корзун, – без моих подсказок ничего придумать не можете! А еще лучше, чтобы Климов алкашей пивом угощал – тогда ему и черта продадут! У алкашей там ведь вечно денег нет.

– А у меня есть? – испугался Федор. – До зарплаты пять дней еще!

– Денег я дам, – согласился Корзун, – спишете потом на оперативные расходы.

– Это другое дело, – согласился Лоскутков.

– Везет тебе, Федя, – позавидовал Лопотко, – может, и мне заgrimироваться?

– Двое уже перебор, – остудил его пыл Лоскутков, не пояснив, однако, в чем перебор – в людях или деньгах.

– А как мы узнаем, кого в отдел тащить? Или Климов сам потащит?

– Нужно, чтобы он условные сигналы подавал, а мы издали в бинокль фиксировать будем, – продолжал разрабатывать план операции Велиев, – и брать возле «Грибка» никого не будем – только когда отойдут куда-нибудь. А отойдут они, когда халява закончится, то есть Федор уйдет, не раньше.

– Верно, – согласился Лоскутков.

– Я буду свидетелей похлопыванием по плечу метить, – предложил Климов.

– А в торец не получишь? Вдруг кому такая фамильярность не понравится?

– От спонсора и не то потерпят! – возразил Климов. – Только дайте знать, когда заканчивать, а то туалета там нет...

– Пока свидетелей не найдешь, хоть в штаны справляй... – пошутил Корзун. – За деньгами зайдешь, как соберетесь.

Почти сразу после планерки Климов направился под пристальным наблюдением товарищей к «Грибку», находящемуся неподалеку. Денег Корзун дал немного, но час-другой можно было продержаться.

– Зачем пушку берешь? – спросил Иваныч, когда Федор засунул газовик сзади за брюки под рубашку.

– Да это газовый. Кто его знает, что там за пьяницы? Человека убили. Хоть какая-то защита...

– Не бойся – защитим вовремя! – пообещал Лоскутков, но настаивать на разоружении не стал. – Ты только аккуратней...

– В каком смысле?

– В смысле пива.

У «Грибка» за стоячими столиками находилось человек десять мужиков, при этом далеко не все, как представлял Климов, конченные алкоголики. Среди них были и ровесники Федора,

даже прилично одетые, но на вид интеллектом их лица особо не отличались. Их либо воспаленные, либо уже потухшие глаза выражали у кого – глупую радость, у кого – грусть, иногда агрессию, а чаще безразличие.

Федор подошел к окошку строения по типу киоска, купил кружку светло-желтого напитка, пристроился к столику, где стояли парни помоложе, и сделал глоток. Как ни странно, пиво оказалось свежим и неразбавленным. «Видимо, не успевают», – решил он. К питейному заведению приближались опера. Некоторые мужики вполголоса загалдели:

– Опять...

– Что опять? – спрашивали другие.

– Сейчас узнаешь... Отдохнуть спокойно второй день не дают.

Разыскники деловито подходили от одного столика к другому и ненавязчиво расспрашивали о происшествии. Как правило, все присутствующие пожимали плечами, объясняя, что их здесь уже месяц как не было, а потому ничего не видели и ничего не слышали. Федор тоже пожал плечами, пояснив, что он не местный, и вообще, приехал в Белгород только сегодня утром. Опера потолкались еще недолго и ушли, а Климов был крайне удивлен, что никакого обсуждения после их ухода не началось. «Ничего себе, – подумал он, – либо эта тема уже многократно перетерта завсегдатаями, либо им наплевать на чью-то человеческую жизнь, оборвавшуюся совсем недавно в заведении, в котором они бывают каждый день...» Пришлось побуждать интерес самому.

– А неплохое пиво! – начал он разговор с соседями по столику. – У нас в Перми днем с огнем такого не сыщешь...

– Курское, – равнодушно пояснил мужик лет сорока, но тут же в глазах его проснулось удивление, – в Перми? Ты из Перми, что ли?

Федор специально назвал довольно удаленный город, первый пришедший на ум, чтобы случайно не отыскались «земляки» и не приставали с вопросами, на какой улице жил, в какой школе учился и т. п. Однако радостный возглас мужика заставил его насторожиться. «Может, просто сильно удивился?» – предположил он.

– С самой Перми? – продолжал выспрашивать тот.

– А ты что, земляк, что – ли? – напрямую спросил Федор.

– Да нет, сидел я там...

– Все равно земляк! – облегченно изобразил радость Климов. – А потому давай выпьем!

– Давай!

Они стукнулись остатками пива и осушили посуду до дна.

– Еще по одной? – не давая остыть знакомству, предложил Федор.

– Да я... Да у меня...

– Утощаю, братан! – великодушно предложил Федор.

Мужик изобразил виновато-доброжелательную улыбку и согласился:

– Ну, сегодня ты – завтра я...

– Нет проблем! – громко, чтобы слышали все, воскликнул Федор. – Я же в отпуске.

– А в Белгороде впервые? – поинтересовался мужик, когда Климов принес две полные кружки.

– Почему? Года три назад приезжал. Тетка у меня тут. А тебя как зовут?

– Николай. Коля, короче.

– А меня Федя. Давай за нас! Мне здесь недели две ошиваться, а выпить не с кем...

– Давай! – радовался Коля.

– А остальные?

– Мы тут все с этого района, – пояснил мужик, – это Серега, это Вовчик, а это Митяй!

Поднимайте бокалы, пацаны! Земляка встретил!

– Негоже пустыми бокалами чокаться, – возразил Федор, – наполнить бы надо. Я только отпускные получил, поэтому, без обид, угощаю! В конце отпуска и ваша очередь придет...

Неплохо зная этот контингент страждущих, но гордых, Климов осторожно нащупывал почву для предстоящей беседы, а то мужики могли его в дальнейшем заподозрить в излишней навязчивости.

Впрочем, компания в данный момент сидела на такой мели, что была готова любыми из способов поднять паруса, забыв и о гордости, и о подозрительности.

– Хорошее пиво, – снова заметил совершенно искренне Федор, – буду теперь всегда сюда приходить.

– Конечно, – соглашались мужики, – только час назад машину разгрузили. Из Курска возят. «Пикур» называется, то бишь, «пиво курское» сокращенно. Мы завсегда его только пьем.

– А заведение со скольких работает?

– Ну, часов с одиннадцати, если пиво с вечера завезли, а вот сегодня только недавно открылось – не было пива.

– А закрывается?

– В восемь вечера. Но столики-то на месте – можно вечерком и водочки, и портвешка...

– Неплохо! – радовался Федор. – А то одними достопримечательностями сыт не будешь. Что у вас тут есть интересного?

– Не было бы войны – нечего и показывать, – сострил Митяй, самый молодой из друзей, мужчина лет тридцати. – Диорама «Курская дуга», танки там на улице. Возле парка Победы. Кстати, там тоже пиво хорошее.

– И на 5 Августа забегаловка неплохая, но там дороже. Зато под крышей – зимой хорошо.

– Менты вот только достали, – наконец-то пожаловался Серега, – проходу не дают...

– Выпивших забирают? У нас тоже...

– Да если бы только это, а то позавчера Петрович тут зажмурился²⁸, теперь ходят, ходят...

– Это про которого сейчас спрашивали?

– Ну да! Если бы своей смертью, а то голова пробита...

– На бордюр он упал, – пояснил Коля.

– А ты видел? – спросил у него Серега. – Говорят, с Жоркой Бесом поцапался.

– Ну да, тот его толкнул – он и упал головой...

– С чего ты взял? Тебя же не было!

– Рябой видел. Да и Бес теперь носа не кажет...

– Это поздно ночью было, – пояснял Коля Климову, – а то бы до смерти не дошло... Бес разозлился, что Петрович пузырь расколлот недопитый, а ночью где теперь водки взять? Вот и поцапались... Жалко Петровича, но все равно не вернешь уже.

– Да и Беса, дурака, тоже жалко. Он ведь не хотел. Менты все равно докопаются рано или поздно.

– Может, Беса и закрыли уже...

– А чего же тогда менты шарятся?

– Да свидетелей ищут...

– Нужны им свидетели, Рябого только припугни – вот тебе и свидетель! Вон он пиво хлещет, как ни в чем не бывало! Значит, уже душу облегчил...

Климов осторожно посмотрел на мужика, стоящего неподалеку за столиком, куда был обращен кивок одного из его новых друзей, и тщательно запомнил его внешность, особое внимание уделив одежде. О том, чтобы фамильярно похлопать его по плечу, не могло быть и речи, поэтому Федор начал искать другие пути.

²⁸ Зажмурился (жарг.) – умер, погиб.

– А в туалет вы куда ходите? – спросил он у своих новых друзей, надеясь, что под этим предложением сможет передать нужную информацию коллегам.

– Меня тоже приперло, – пожаловался Митяй, – пойдем вместе.

Пришлось следовать за парнем в редкие кусты возле стены ближайшей двенадцатиэтажки.

– Так тут люди увидят! – возмутился Федор.

– Ну и пусть видят, у кого охота есть, – равнодушно возразил Митяй, – что делать, если приперло! Сюда все ходят.

Пришлось справлять нужду где попало. Плюс ко всему Федор, представляя, как за ним сейчас в бинокль наблюдают товарищи и наверняка отпускают едкие шутки, готов был провалиться сквозь землю. В любом случае информацию нужно было передать как можно быстрее, пока Рябой не ушел.

– Неплохо было бы еще пивка, – возвращаясь обратно из «туалета», предложил Федор.

– Дык а кто ж отказывается! – радостно согласился Митяй.

– Да денег я маловато взял, – сокрушался Климов, – придется к тетке возвращаться...

– А где она живет?

– Да тут, на Костюкова...

– Я с тобой, – по-дружески предложил Митяй.

– А мужики не разойдутся? Лучше иди к ним и предупреди, что я скоро приду с деньгами.

– Да куда они денутся? До вечера никого с пятака не разгонишь, хоть бульдозер вызывай!

– Ну все равно, пойдем и предупредим, чтобы не уходили.

Мужики приняли предложение с энтузиазмом, а пьяный Митяй, проникшийся к Федору доверием и любовью, ни на шаг не хотел с ним больше расставаться.

Климов вел его тупо к отделу милиции – все равно, хоть и косвенный свидетель, а пригодится... По дороге Митяй клялся ему в дружбе и верности до гробовой доски, обещал избить любого, кто только косо в этом районе глянет на приезжего, заверял, что такого хорошего друга в жизни не встречал, пока в порыве чувств не решил обнять Федора. Лицо его при этом за секунду изменилось в трех направлениях: сначала – недоумение, потом – недоверие, и в заключение – ужас. Федор понял, что парень нашупал и без труда идентифицировал у него под рубахой пистолет. До отдела оставалось метров пятьдесят...

Медленно отстраняясь, Митяй тяжело проглотил комок в горле, после чего испуганно пролепетал:

– Я никому не скажу, честное слово... Я ни при чем... Это все Бес... Братан, послушай меня...

В первые секунды Климов подумал, что раскрыт как сотрудник милиции, но чем дальше слушал этот бред, тем больше убеждался в обратном – Митяй принял его то ли за крутого бандита, то ли за наемного убийцу, который желает отомстить за Петровича. Вот так оборот событий! Федор решил осторожно подыграть:

– Точно Бес замочил Петровича?

– Да все говорят... Только я ничего не видел...

– А кто видел? – зловещим шепотом, каким обычно в фильмах говорят убийцы, продолжал допрос Климов.

– Рябой видел, может, еще кто, а я точно ничего...

Митяй дрожал как осиновый лист на ветру, из чего Федор сделал вывод, что он не врет.

– А из мужиков ваших кто видел?

– Это вряд ли, я бы знал. Отпустите, прошу вас, от меня ни слова не выплывет...

– Знаю я вас – сразу в ментуру побежишь, как только с крючка соскочишь...

– Нет! – в отчаянии сопел Митяй. – Меня все знают, я – могила!

– Где Бес живет?

- На Мокроусова где-то... Я могу узнать.
- Да ты меня за лоха держишь! Сквозануть решил?
- Рябой знает... Я у него спрошу и вам передам... Хоть сейчас могу... Бес за хулиганку сидел – год как откинулся...
- Ладно, – успокоил его Климов, – расслабься. Обещаю амнистию. Если, конечно, будешь себя правильно вести...
- Конечно, конечно! – с надеждой в голосе пообещал Митяй.
- Пошли.
- Куда?
- Куда и шли – за деньгами на пиво.
- А мне уже как-то не хочется... Может, я пойду?
- Куда?
- Ну, Беса искать...
- По адресному бюро, что ли?
- Не... Поищу Рябого, а тот скажет, где Бес живет.
- А чего его искать, если он под «Грибком» пиво пьет!
- Ну да... И Бес может туда в любой момент прийти... Вы же не будете его прямо там?..
- Там и будем, – пообещал Федор, – только расслабься уже, я из уголовного розыска. Ксиву²⁹ показать, что ли?
- Правда? – обрадовался Митяй. – А пушка... Ну да, понимаю... Все правильно...
- Пошли!
- Куда?
- Куда и шли – на Костюкова! Если и там будешь такой – же сговорчивый – пиво с меня.

С новыми знакомыми Климов выпил пива в тот же вечер снова, только не у «Грибка», а в своем кабинете. Все, включая и Рябого, и Беса, уже облегчили душу, только пиво досталось не всем... А парни эти частенько еще встречались Федору возле «Грибка», зазывали попить пива за свой счет и даже охотно помогали в сборе оперативной информации на районе.

²⁹ Ксива (жарг.) – удостоверение сотрудника правоохранительных органов, иногда иной документ, удостоверяющий личность.

1993. Новые люди

В декабре 1993 года уголовный розыск первого отдела пополнился новыми сотрудниками-стажерами. Выпускников юридических вузов, видимо, не хватало, а те, кто работали, почти сразу же по достижении окончания призывного возраста уходили на вольные хлеба, то есть в бизнес. В смутные девяностые желающих служить в милиции, бороться с небывалым разгулом преступности особо не наблюдалось. Наверное, поэтому приходили, как когда-то в восемнадцатые, люди разных профессий – от военных до агрономов. Впрочем, их отличало огромное желание бороться с преступностью, кристальная честность и элементарная порядочность. На любого из них можно было смело положиться, поэтому коллективы криминальной милиции в то время были на редкость дружны, спаяны и весьма эффективны в работе. Специальных знаний, конечно, не хватало, но стажеров было кому натаскивать – опытные сотрудники, понимая, что им нужны грамотные и верные помощники, с энтузиазмом подключались к наставнической работе, чтобы получить отдачу как можно быстрее. Кроме этого, в местной высшей школе милиции спешно открылся заочный факультет, на который охотно поступали вновь прибывшие. Приоритет для получения направлений на учебу, конечно, имели следователи, но Климов, как-то сразу втянувшись в работу и добившись неплохих показателей, во многом, конечно, благодаря стараниям наставников, поступил сразу и с удовольствием осваивал специальность юриста. Заканчивал учебу и профессиональный военный-артиллерист Велиев, поступил Лопотко Серега и многие другие – только Воронов Виталик, тоже бывший военный – морской пехотинец, скромно ожидая очереди, так и не дождался своего часа, может, потому, что ушел в отставку довольно рано по здоровью.

Итак, в декабре отдел пополнился пятью новыми сотрудниками: майором Кузьминым Александром Владимировичем, бывшим военным-ракетчиком, до этого просидевшим всю службу на точке, не успевшим даже обзавестись семьей, инженером-механиком Головиным Валерием Ивановичем, выпускником Омской академии МВД лейтенантом Сумохиным Александром, выпускником спортфака Плехановым Игорем и майором Пономаревым Дмитрием Александровичем. Если последний, прибывший из УИНа³⁰ и имеющий за плечами немалую выслугу и опыт службы опером в местах не столь отдаленных, сразу же втянулся в работу, не требуя времени на обучение, то троих других определили стажерами к операм отдела. Правда, Сумохина скорее формально – теоретически он был достаточно подготовлен, а практически схватывал все на лету у Велиева, к которому как-то невзначай привязался. Головин начал учиться у Лопотко по указанию Лоскуткова, а Кузьмин на вопрос, кого он себе желает видеть в наставники, назвал Климова. Лоскутков не знал, что накануне он приходил в отдел и предусмотрительно пообщался со всеми операми, после чего тихонько попросил Климова:

– А можно я с вами буду в паре работать?

– Можно, конечно, – согласился Климов, хотя был сейчас так загружен, что не очень-то хотел отвлекаться на стажера, – а почему со мной?

– Ну, мы почти ровесники, да и, насколько я знаю, у вас есть чему поучиться, – польстил майор, который года на два был старше Климова.

– Я не против, – согласился Федор, – если Иваныч назначит ко мне. И давай будем на ты – у нас так принято. Официально моя линия, которую я веду сейчас, – квартирные кражи, но приходится заниматься и убийствами.

– Последнее меня больше всего устраивает, – согласился Кузьмин. – Хочется заниматься серьезными делами.

³⁰ УИН – управление исполнения наказаний.

– Это хорошо, – про себя усмехнулся Федор, – но и пропавшее белье с сушилок искать придется...

– Согласен искать и белье, – пообещал майор.

Пономарева определили к Воронову с расчетом на то, что в дальнейшем линия без вести пропавших и розыск сбежавших преступников перейдет к нему. Виталику эта работа казалась несколько однообразной и потому скучноватой. Он давно жаждал себе замену.

Работа со стажерами оказалась далеко не в тягость – все они рвались в бой и буквально глотали каждое слово наставников. Пономареву предстояло освоить только специальные дела, которые нужно было вести, а оперскому опыту он мог сам обучить любого. Сумохин, кроме, как уже упоминалось, достаточно хорошей теоретической базы, полученной в Омской академии МВД, имел еще один немаловажный плюс – новый личный автомобиль ВАЗ пятой модели, который использовал на службе, компенсируя острую нехватку транспорта. Сын небедных родителей-предпринимателей, приехавших в Белгород на постоянное место жительства, он отличался при этом простотой, доступностью, щедростью и настоящим чувством товарищества, расположив к себе всех сотрудников отдела. А как человек холостой он, естественно, увлекался еще и женским полом, чем привлек к себе в друзья Лопотко и даже Велиева, и потому вечерами некоторое время они совмещали службу с приятными встречами. Впрочем, молодой опер оказался далеко не бабник – вскоре он нашел свою единственную, и коллективные походы интимного плана для остальных на новой «пятерке» закончились.

Головин проявил себя почти сразу – наскоро ознакамливаясь с делами, находившимися у медлительного Лопотко, среди которых было немало грабежей, опираясь на присущее ему нестандартное мышление и неумную энергию, он вычислял и задерживал преступников целыми группами. Уже месяца через два Лоскутков начал его ставить в пример Лопотко, который не знал, гордиться ли ему своим стажером или злиться, что тот его обскакал. Плюс ко всему, Валера, хотя и был свободен от уз Гименея, совершенно не волочил за женским полом, то есть, кроме работы, общих увлечений с наставником у него не оказалось, что в итоге обернулось полным профессиональным разладом между ними. Именно поэтому, когда однажды Головин обратился к Климову с просьбой забрать к себе, понимающий и добрый Федор пошел к Иванычу и решил этот вопрос положительно. Инициативный, напористый и решительный Головин был ему симпатичен, тем более что, будучи инженером, как и Климов, увлекался техникой.

Плеханов Игорь, высокого роста и крепкого телосложения парень, попал в милицию по воле случая. Однажды сотрудники уголовного розыска областного УВД отдыхали на городском пляже. Недалеко от них расположилась компания подвыпивших молодых людей, которые, как водится часто в подобном состоянии, громко выражались нецензурной бранью, чем, естественно, раздражали остальных отдыхающих. Разумеется, опера решили некоторым образом прекратить творимые безобразия, но так как сами тоже находились в легком подпитии, да еще в рабочее время, то договорились не выдавать своей профессиональной принадлежности, к тому же что у них был значительный перевес в людях. Однако на одного из дебоширов их численное превосходство и достаточно хорошая спортивная форма впечатления не произвели – в отличие от своих товарищей, он не испугался, а послал их... ну, куда обычно посылают слишком назойливых людей. В оскорбленных чувствах опера решили сразу же урезонить наглеца, но не тут-то было! Парень за несколько секунд раскидал их по песку вокруг себя, умудрившись не нанести ни одного видимого телесного повреждения. Но больше всего оперов удивило то, что великан после всего этого неожиданно смутился, подобрел и извинился за недостойное поведение своей компании. Он помог подняться своим противникам и великодушно предложил загладить вину совместной выпивкой. Растерянным сыщикам ничего не оставалось делать, как согласиться, тем более что ребята оказались, в общем-то, не криминальными, а просто

одурманенными жарой и водкой, отчего потеряли способность контролировать свои голосовые связки, думая, что их никто не слышит.

Объединенная компания в связи с этим удалилась подальше в посадки, где употребила ровно столько спиртного, сколько потребовалось не только для примирения, но и зарождения дружеских отношений. А здоровяк оказался на редкость добрым и хорошим человеком, весьма эрудированным и довольно интересным собеседником, хотя от природы сильно заикался. По окончании этой импровизированной вечеринки опера посоветовались и предложили парню работу в милиции. Видимо, ему тоже понравились новые знакомые, а потому согласие тут же было получено. Вот так Плеханов Игорь попал служить в уголовные розыск, а поскольку в областное УВД новичков не брали, он и оказался в первом отделе. Из Игоря получился неплохой сыщик. До самой пенсии Плеханов тянул оперскую лямку, будучи человеком скромным, преданным долгу, не стремящимся к повышению и особым наградам.

Бывший ракетчик майор Кузьмин, хоть и не сразу, но также сумел всех удивить. В отличие от молодого Головина Валеры, он не выделялся наличием электрического заряда энергии, а наоборот, показал себя в меру степенным и рассудительным человеком.

– Хотелось бы поучаствовать в каком-нибудь полезном и серьезном деле, – несколько смущенно, но довольно амбициозно заявил он в первый же рабочий день.

Климов озадаченно почесал затылок. Серьезных дел было невпроворот, но привлекать к ним стажера, которого совсем еще не знаешь, ему показалось несколько преждевременным и даже рискованным. Впрочем, внешне он ничем не проявил своих сомнений, как и положено грамотному наставнику, а вместо этого надавал мелких поручений по разным материалам, объяснив, как их нужно правильно исполнить. Стажер в звании майора, выслушав его очень внимательно и дотошно уточнив детали, отправился исполнять. Занятый раскрытием серии квартирных краж Климов был уверен, что медлительного на вид ракетчика увидит не раньше, чем через четверо суток, но вечером того же дня Кузьмин появился с кипой бумаг, исписанной красивым почерком, и подробно доложил по каждому из поручений. Конечно, в этих объяснениях, справках и рапортах было не все идеально, но явно прослеживались прилежность и старание в выполнении порученного дела, а может, желание просто угодить наставнику, чтобы в конечном итоге получить работу и как-нибудь дослужить до пенсии.

– Неплохо! – не скрывая удивления, похвалил стажера Климов.

– Спасибо, – сдержанно отозвался Кузьмин, – но все-таки хотелось бы что-нибудь посерьезнее...

– Завтра будет посерьезнее, – пообещал Федор, – а пока вот почитай мои конспекты. Я их писал на курсах первоначальной милицейской подготовки. Когда вашу группу отправят учиться – не знаю, а пока в работе очень пригодится. Тут и криминалистика, и уголовное право, и ОРД³¹. Только тетради секретные – читай в кабинете. Соберешься домой – положим в сейф. Я уезжаю по срочному делу, если приеду поздно, отдай Воронову или еще кому-нибудь. Так что, до завтра.

Вернувшись в десятом часу вечера, Климов застал за столом Кузьмина, внимательно изучающего конспекты.

– Что, интересно? – невольно порадовался он такому усердию стажера.

– Весьма, – задумчиво произнес Кузьмин, – только теперь мне кажется, что все не так уж и просто...

– Что непросто?

– Ну, работать здесь гораздо сложнее, чем я думал... Многому предстоит научиться.

– Ничего, – забирая тетради, успокоил его Климов, – чаще всего теория сильно отличается от практики, но без нее тоже никак.

³¹ ОРД – оперативно-разыскная деятельность.

– Это я понимаю... Но мне бы, конечно, хотелось лучше на практике все освоить... Может, вместе как-нибудь походим? При задержании пока могу сгодиться или еще где-нибудь, но вместе.

– Конечно походим! Только немного позже, честное слово, мне в ИВС³² сейчас надо сходить, с людьми конфиденциально пообщаться, словом, нельзя туда вместе, – честно признался Федор. – А пока я тебе один материалчик запутанный подсуну, на мошенничество тянет. Там только потерпевшие фигурируют, а потому, глухарь глухарем! Это из Москвы по входящему пришло, и на исполнение месяц. Неделя прошла – я попытался быстренько исполнить, но не получилось... Почитай внимательно, подумай потом своим свежим умом, глядишь, и рациональное зерно выдашь! Хорошо?

– Хорошо, – неохотно согласился Кузьмин, понимая, что спорить в его положении сейчас было нетактично.

– Ну и конспекты почитывай, конечно...

Федор сам не ожидал, что этим пресным материалом, на который можно было в конце концов отписаться формально, что не установлено, мол, не представилось возможным и т. п., так увлечет стажера, что будет лишь иногда обращать на него внимание в течение целой недели. А потом, конечно, он начал везде таскать его за собой: в засады, на задержания, попутно обучая хитрой оперской азбуке и доверяя опрашивать не только потерпевших, но и подозреваемых. Они ходили в опергруппы, всевозможные рейды и даже раскрыли несколько незначительных краж. А про материал из Москвы Климов больше у Кузьмина не спрашивал, собираясь к концу срока отправить на него формальный ответ, тем более что запросы, которые он сам иногда посылал в Москву, там, казалось и вовсе в упор не видели. Единственное, что он стал замечать – Кузьмин в свободные от их совместного времяпрепровождения минуты все больше стал сидеть за какими-то своими бумагами, потом начал вызывать каких-то людей, куда-то ходил, приходил, вновь садился писать, интересовался законодательством, а вечером непременно просил конспекты. Он словно параллельно вел какую-то свою игру, никого не напрягая, не настораживая, но и не посвящая в нее.

Зато недели через три он достал из стола внушительный томик исписанных листов, по весу тянувший на солидное уголовное дело, положил его перед Климовым и тихонько доложил:

– Вот, исполнил.

– Что исполнил? – не понял Федор.

– Ну, материал по входящему...

Так получилось, что в этот момент в кабинете находились почти все опера отдела, и они не могли не обратить внимания на пачку исписанной бумаги, которую достал стажер.

– Это что? – никак не мог понять Климов, листая папку. – Где ты это взял?

– Нароботал. Ты же сам мне поручил! Вот, всех нашел, опросил... Тут и правда дело непростое оказалось, но я по крупнице... В общем, куда это теперь дальше, в следствие передавать?

Вокруг Климова и стажера моментально образовалась толпа.

– А что за материал, – спрашивали у Климова, – по убийству, что ли?

– Ага, по заказному с расчлененкой, – начинал соображать Федор. – «Входяшка» голая по установлению неустановленных лиц, возможно, проживающих в Белгороде и, возможно, участвующих в разводе жителя столицы гражданина Л. на бабки.

– А что я не так сделал? – начинал обижаться Кузьмин.

– В том-то и дело, что все так, как надо, – не мог уже сдержать смеха Климов, бегло читая написанное. – Надо же, одних только косвенных свидетелей сколько!

³² ИВС – изолятор временного содержания.

- И прямые есть, – не понимая иронии, пояснял стажер, – и признательные показания...
- Как же ты их раскрутил? – удивлялся Климов.
- Тут же видно – неопровержимыми уликами!
- Да, против такого не попрешь, – согласился Воронов, – можно просто этой папкой по балде дать – в чем хочешь сознаешься...
- Да что не так? – не понимал обиженный Кузьмин.
- Так, Саша, даже больше, чем так, – продолжал иронизировать Федор, – в Москву только вместо письма бандероль, похоже, пойдет. И даже не бандероль, а посылка!
- Нужно Иванычу показать! – смеялись опера.
- Не, Саш, ты ничего плохого не подумай, – успокаивал стажера Федор, – наоборот, качественно сработал, никто бы по этому делу так не смог.
- Или не стал бы, – уточнил Лопотко.
- Шерлок Холмс и Пуаро отдыхают...
- Да что Шерлок Холмс – Агата Кристи от зависти бы онемела!
- Молодец, майор! Так бы все работали!
- Если бы у каждого по одному материалу было...

Лоскутков, бегло полистав папку, еле сдерживая смех, искренне похвалил Кузьмина:

– Ну прямо как Остап Бендер на Корейко дело собрал! Дотошно и скрупулезно. Молодец! Хорошим опером будет.

И Иваныч не ошибся – после стажировки Кузьмин занимался только тяжкими и особо тяжкими преступлениями, с которыми достойно справлялся. Его бросали на самые запутанные и, казалось, безнадежные дела, однако Саша, с его усидчивостью, принципиальностью, осторожностью, предусмотрительностью, умением разговаривать с людьми любой социальной группы на их родном языке и понимать человеческие души, успешно справлялся в любой ситуации. Как и у любого живого человека, вскоре и у него обнаружились свои странности и недостатки, но тем, видимо, и отличаются люди творческих профессий или, точнее сказать, имеющие творческий подход к любой профессии, что не могут или не желают жить по строго установленным стандартам. В жизни поэтому у него случалось много различных передраг, взлетов и падений, но тем не менее Кузьмин успешно дослужился до полковника наркополиции и ушел на заслуженный отдых в возрасте всего сорока пяти лет, чтобы выращивать на даче овощи и фрукты в свое удовольствие.

1994. Затянувшееся раскрытие убийства

Февраль 1994 года начался с преступления, раскрытие которого затянулось на целый месяц, хотя по первоначальным признакам особых трудностей в изобличении преступника, казалось, не было.

В слякотный зимний выходной день в квартиру по улице Конева, где находилась молодая женщина и приехавший из деревни в гости ее дедушка, позвонил неизвестный парень лет двадцати – двадцати пяти.

- Вам кого? – спросила ничего не подозревающая женщина.
- Дома еще кто есть? – озадачил ее вопросом парень.
- Муж, – на всякий случай соврала она.
- Посмотрим, – нагло парировал парень и вошел в квартиру.

В туалетной комнате зажурчала вода – там находился дедушка. Не долго думая, парень запер дверь ножкой стула, одной рукой схватил женщину за горло, а другой сорвал золотые сережки. Женщина закричала. Не отпуская горла, преступник втолкнул ее в спальню, достал из кармана шнурок, связал за спиной руки и повалил на кровать. Увидев на шее цепочку с крестиком, сорвал и ее. Через секунду в его руке появился перочинный нож, угрожая которым, преступник приказал женщине замолчать.

В этот момент в комнату ворвался пожилой человек и бросился на непрошеного гостя, однако силы были неравны – ударом правой руки парень отбросил его обратно в коридор. Ножом, который находился в левой руке, он неожиданно нанес резкий удар в шею женщине. Она, застонав, рухнула на кровать. Дедушка оказался не трусливого десятка – сбежав на кухню, он схватил столовый нож и бросился на преступника. В коридоре завязалась потасовка, которая позволила женщине, собрав последние силы, встать, закрыть дверь изнутри на защелку, открыть окно и закричать о помощи. Однако дедушка в этот момент уже лежал на полу, истекая кровью...

Преступник попытался выбить дверь в комнату, но безуспешно. При этом он слышал крики о помощи – в любой момент в квартиру могли прибежать люди, поэтому парню пришлось спешно убираться. И он не ошибся – через некоторое время прибежали прохожие, но преступника, увы, никто не видел – скорее всего, он пережидал где-то наверху, пока женщине оказывали помощь. К сожалению, дедушке помощь была уже не нужна.

На место происшествия прибыла не только оперативная группа и розыскники первого отдела милиции, но и сотрудники областного УВД. Всех поразила неслыханная дерзость грабителя, а его неадекватное поведение сразу же насторожило сыщиков. Что он хотел? Просто завладеть золотыми изделиями? Или, может, что-то еще найти в квартире? Изнасиловать молодую женщину? Убить? Почему он выбрал эту ничем не приметную квартиру? Женщина, которой оказывали помощь медики, рассказала, что пришла только с рынка, находящегося неподалеку, сняла верхнюю одежду – и сразу звонок. Может, это маньяк, который шел за ней по улице до квартиры? Или ждал где-то на лестничной площадке?

Приметы преступника были получены практически сразу – среднего роста, худощавого телосложения, одет в пуховик салатного цвета, синие джинсы и черную вязаную шапочку. Поиск по горячим следам, к сожалению, результатов не дал. А вот весьма интересная информация была получена от соседа, который рассказал, что в этот день примерно в семь часов утра в соседнюю квартиру, находящуюся рядом с той, где произошло преступление, настойчиво пытался постучаться неизвестный мужчина, но ему никто не открыл. Вел он себя крайне агрессивно, а уходя, прокричал в дверь недвусмысленную угрозу:

- Все, сука! Мое терпение лопнуло! Не отдашь деньги – тебя сегодня порешат! Сегодня!!!

– А кто проживает в соседней квартире? – вспотев от волнения, что близок к разгадке, спросил Головин, который делал поквартирный обход.

– Соседка, Валентиной зовут, фамилии не знаю.

– А чем занимается?

– Киоск вроде у нее свой. А может, и магазин – точно не знаю. Она почти ни с кем не общается.

Велиев, Климов и Воронов находились в квартире вместе с опергруппой. Воронов помогал подвыпившему эксперту-медику осматривать труп, Велиев что-то объяснял следователю, а Климов продолжал опрашивать потерпевшую. Зовут Ириной. Учится в Белгородском университете, приехала сюда из районного центра, месяц как вышла замуж и поселилась в квартире мужа. Нападавшего видела впервые. На рынке и по дороге домой никого похожего не заметила. Преступника опознать сможет – запомнила хорошо.

– Вот что, Валера, – обратился Велиев к Головину, – ты отработывай версию с соседкой – может, и вправду убийца квартиры перепутал. Найди ее и установи возможного заказчика. Кто-нибудь еще что видел или слышал?

– Пока не знаю. Лопотко и Сумохин занимаются по подъезду.

– Когда закончите, дуйте в отдел. Федор, потерпевшую госпитализируют или дома остается?

– Во вторую городскую отправляют.

– Жаль, не мешало бы с ней по Харгоре поездить... Может, получится все-таки?

– Исключено. Крови много потеряла. Разве что показать ей задержанных по ориентировке?

– Это само собой. Распорядись. Пусть пэпсы³³ их к подъезду подвезут. Много нахватали?

– Не знаю, но, думаю, немало. Зеленых курток и черных вязаных шапок с джинсами полгорода носит. Но шанс немалый – не мог он далеко уйти.

– Да, на профессионала не тянет, это точно... Ну, а мы в отдел – план ОРМ³⁴ писать...

– А труп я, что ли потащу? – возмутился медик. – Хотя бы этого, в очках оставьте в помощь.

– Виталик, вызови катафалк – и в отдел, – распорядился Велиев. – Там пару человек найдутся. Потерпевшая скоро поедет?

– Ну, только мы и держим...

– Ускорь опознание.

– Минут через десять подвезут, – связавшись по рации, доложил Климов.

– Пусть она в скорую сядет и из окна посмотрит, чтобы потом у следствия претензий не было.

– Ну, что мы имеем? – как всегда в подобной ситуации, обратился к разыскникам Лоскутков, когда большинство сотрудников собралось у него в кабинете.

– Мотив преступления пока до конца не ясен, – докладывал Велиев, – может быть и разбой, и попытка изнасилования, и даже заказуха. По горячим следам задержать преступника не представилось возможным – потерпевшая никого не опознала.

– Может, она плохо запомнила нападавшего?

– Уверена, что среди задержанных по ориентировке его точно нет. Есть надежда, что Головин что-нибудь найдет.

³³ «Пэпсы» (разг.) – сотрудники патрульно-постовой службы.

³⁴ План ОРМ – план оперативно-разыскных мероприятий.

– Заикливаться на одной версии, даже самой вероятной, нельзя. Будем отрабатывать все возможные. Мог преступник напасть с целью грабежа? Мог! Собирался изнасиловать? Тоже возможно. А скорее, и то, и другое... Может он страдать психическими расстройствами? Вполне. А вдруг он ее какой-нибудь старый знакомый, бывший кавалер, к примеру, а она не хочет говорить? Тоже исключать нельзя! Так что, Глеб, бери ручку и составляйте план по всем версиям. И чтобы все были задействованы! А я в УВД поехал руководству докладывать. Что докладывать, только не знаю...

Часам к четырем Головин уже доставил в отдел того типа, который легкомысленно на весь подъезд высказывал угрозы в дверь соседней квартиры, а еще через полчаса версия заказного убийства рухнула так же, как и соседка-бизнесвумен, когда Валера сообщил ей о случившемся.

– Она ему деньги должна была, – пояснял Головин Велиеву, – и пряталась изо всех сил. А он такой, что кошки не обидит. Хозяин магазина животных на рынке... Мы и жену его опросили – нашатырем пришлось отпаивать...

– Понятно, – досадливо чесал затылок Велиев. – А большие деньги?

– Если бы... Наемный убийца или даже просто хулиган для пугала в сто раз дороже стоит.

– Значит, дальше работаем по плану: отрабатываем окружение, ранее судимых, состоящих на учете в психушке. Не сидите, ребята, короче, все «на землю»!

Работа кипела и днем и ночью. Свидетелей в подъезде, как, впрочем, и во всем доме, больше найти не удалось. Негласный аппарат молчал, работа по притонам ничего не дала – преступник как сквозь землю провалился! Ровно через неделю, в следующее воскресенье, потерпевшую разрешили взять на время из больницы, чтобы пройтись с ней по рынку, где ее, возможно, и заметил преступник, но безрезультатно. В то же воскресенье, воспользовавшись случаем, Климов снова посетил место преступления и, к своему великому удивлению, нашел еще одну улику под диваном на полу – оторванную пуговицу зеленого цвета с такого же окраса нитками.

– Вот, Саня, – объяснял он Кузьмину, – так мы халатно работаем. А ведь преступник, если не избавился от одежды, то наверняка отстирал кровь, пришел новую пуговицу, однако любая экспертиза по оставшимся ниткам на этой покажет, что она из одной катушки с теми, что остались. Это весьма значительная улика.

– Экспертиза и замытую кровь покажет, – решил похвастаться своими познаниями стажер.

– В любом случае две улики гораздо весомее, чем одна, так что веди понятых – будем писать еще один протокол осмотра.

Так прошел месяц. Как всегда в таких случаях, совершаются новые преступления, меняются приоритеты, и даже такие значительные дела постепенно, увы, переходят в разряд глухарей. Следует заметить, что раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений довольно высока. Показатель приближается почти к ста процентам. Среди таких дел много раскрытых, но по определенным причинам они лежат на полке и ждут своего часа. То есть оперативным путем как бы раскрыты, все известно, но до суда не доходят: либо доказательства получены с использованием секретных методов, исключающих расшифровку, либо негласный аппарат светить нельзя, либо по другим причинам. Но это не значит, что дело вечно будет храниться на полке – сотрудник должен работать над ним постоянно, стараясь добыть легальные доказательства, используя весь свой опыт, знания, потенциал. Ну и бывает, конечно, по резонансным преступлениям подобного рода когда-нибудь выносят на свет истину из архивов, если она не нанесет вреда людям, причастным к этому, и, конечно, государству.

Но есть дела подобного рода, по которым истина так и остается известна одному богу и, видимо, рассматривается исключительно его высшим судом. Таких дел немного, на памяти Климова – всего одно, но какое! Убийство милиционера-водителя на улице 5 Августа. Раскрыть преступление в отношении сотрудника всегда считалось делом чести у оперов, ибо такое деяние трактовалось как вызов всей системе, как плевок в душу каждому уважающему себя разыскнику! Но, увы, никакие методы и средства не смогли пролить свет на это темное дело. Конечно, обстоятельства складывались так, что преступник, наверное, не знал до совершения убийства, что имеет дело с сотрудником: тот получил зарплату, выпил лишнего, потом оказался на стройке дома, где они пили, скорее всего, уже вместе. Речь о том, что все поголовно милиционеры осторожны и недоверчивы к людям, не более чем миф, иначе они бы не могли адаптироваться в быту, заводить семьи, воспитывать детей, на научном языке это звучит как профессиональная деформация. К тому же излишнее употребление спиртного, как известно, притупляет чувство осторожности. Дальше – убийство с целью грабежа и никаких свидетелей. Если бы убийца имел хоть какое-нибудь отношение к криминалитету, он бы не ушел от возмездия – при той работе, которая была проделана, они бы его сдали рано или поздно, но, увы, преступление так и осталось нераскрытым... Неужели и убийство на улице Конева, такое на первый взгляд непродуманное и спонтанное, а значит, легко раскрываемое, попадет в этот разряд?

Ответ пришел неожиданно, откуда его не ждали. Буквально через месяц после совершения преступления в кабинете Велиева, где находились в это время Головин и Лопотко, зазвонил телефон.

- Это Ирина, потерпевшая, помните, с улицы Конева? – звучал взволнованный голос.
- Конечно помню, – отозвался начальник уголовного розыска.
- Я из автомата звоню. Мы сейчас с мужем находимся на платформе 701 км, возле рынка «Спутник», электричку ждем в Харьков, а на платформе тот парень стоит...
- Это точно он? – заволновался Глеб.
- Конечно! Я его хорошо запомнила. Он тоже, видимо, в Харьков уезжает.
- Он один?
- Нет, с девушкой.
- А через сколько поезд?
- Через десять минут.
- Эх, не успеваем! – невольно обратился к операм Велиев.
- А что случилось? – подскочили оба с мест.
- Да этот, что на Конева тогда... сейчас в Харьков на электричке уезжает...
- А кто звонит?
- Потерпевшая. А с ней муж... Что же делать? Не хочется за поездом гоняться...
- А пусть ее муж с ним зацепится... Ну, типа, закурить дай, потом не так посмотрел, как это обычно бывает... Лишь бы тот не уехал...

– Точно, а тут и мы подскочим! – обрадовался Велиев. – Ирина, дайте трубку вашему мужу. Алло, вас, кажется, Николаем зовут? Послушайте, Николай, а можете вы из себя хулигана разыграть? Ну, пристаньте к нему, закурить попросите или еще что-нибудь – что угодно, лишь бы драку затеять. Было бы неплохо даже, чтобы вас вместе в милицию забрали. Мы минут через двадцать подскочим... Я помню, вы парень крепкий... Справитесь? Что значит «с удовольствием»? Вы там с ним не очень! Он нам живой нужен! Спасибо, выезжаем! Так, быстро в машину!

Вечно где-то прячущийся в райотделе тучный водитель разыскной «семерки» Олег, на счастье, оказался в дежурке.

– Бегом! – громко скомандовал ему никогда не повышающий голоса Велиев, и неповоротливый Олег понял, что сейчас лучше поторопиться.

Уже в машине Велиев наскоро проинструктировал оперов и водителя, кто с какой стороны начинает прочесывание платформы, после чего Лопотко, весело потирая руки, заметил:

– Эх, лучше бы он мне там попался! А здорово Валера придумал – сразу этого кренделя без проблем можно и по мелочи³⁵ прикрыть.

– Ничего хорошего, – хмуро отозвался Велиев, – вдруг он и сейчас ножичек в кармане имеет, да побольше! А мы гражданского человека на такое толкаем... Просто бес меня попутал к советам вашим прислушиваться...

– Но другого же выхода нет, – ничуть не смутившись, заметил Лопотко.

– Давай, Олег, гони! – еще больше разволновался Велиев.

Весть о том, что объявился предполагаемый преступник по убийству на улице Конева и что Велиев за ним уже поехал, моментально облетела весь райотдел. Подозреваемого ждали как дорогого гостя, даже дежурный вышел на крыльцо якобы покурить и до приезда разыскной «семерки» больше не возвращался.

Опера, побросав текущие дела, собрались в самом большом кабинете, где располагались линейщики, и с нетерпением ждали возвращения Велиева, Лопотко и Головина, а точнее, того, за кем они поехали. Даже Лёня Трофимов откуда-то взялся. Ожидать пришлось около часа, после чего в кабинет вошли Лопотко и Головин вместе с потерпевшей Ириной.

– И где он? – нетерпеливо спросил Воронов.

– В клетке, – пояснил Лопотко.

– А чего так долго?

– Мелкое хулиганство оформляли.

– Уже и мелкое оформили? Как так?

– Ну да. Муж Ирины с ним зацепился на платформе, чтобы он в Харьков не уехал, их и задержали пэпсы... Все натурально получилось. Сейчас оба сидят...

– А мужа-то зачем в клетку кинули?

– Для конспирации... А то сейчас сразу пойдет в отказ – хоть по мелочи прикроем.

– Логично.

– Вы садитесь, – предложил потерпевшей стул Лопотко, – и расскажите, это точно он, вы не ошиблись? А то он ведет себя так...

– Да он! Он! – возбужденно дышала Ирина. – Я его сразу узнала! Мы с ним случайно взглядом встретились – меня прямо как прострелило от боли...

– А он вас узнал?

– Мне кажется, что нет. Как-то равнодушно смотрел...

На последней фразе в кабинет вошел Лоскутков.

– Что вы девушку сюда привели? Я же сказал, к Воронову с Пономаревым ведите! Сейчас задержанного сюда приведут!

– Да там закрыто было...

– Конечно, они сюда на шоу пришли посмотреть! Отведите девушку к себе и опросите сразу по сегодняшнему дню.

Когда Виталик с Димой увели потерпевшую, Иваныч нервно заходил по комнате:

– Он, не он... Еще не факт! Эта девочка, может, теперь во всех мало-мальски похожих его видит... А вы обрадовались! Собрались, понимаешь, как на...

На ворчание Лоскуткова никто не обижался – все понимали, что он волнуется больше всех – руководство всю плешь проело, а тут вроде как блеснул лучик надежды...

Впрочем, ждать пришлось недолго. Когда Головин завел задержанного, с первого взгляда сомнений не осталось – ОН. Небольшого роста, хрупкого телосложения, зеленая курточка, чер-

³⁵ Мелочь (разг.) – имеется в виду статья Кодекса об административных нарушениях «Мелкое хулиганство».

ная вязаная шапочка, синие джинсы. И что больше всего поразило Климова – отсутствие второй пуговицы снизу! Неужели он так и не удосужился пришить за месяц? Под глазом у парня красовался свежий синяк, а многие рассмотрели даже еле видимые следы плохо застиранной крови в нижней части куртки. Позже оказалось, что внутри, на подкладке, их и вовсе никто не старался удалить.

– За что меня задержали? – с неподдельным чувством правоты возмутился парень. – Он первый на меня напал! Я стою на платформе с женой, а он...

– Не волнуйся, – мягко осадил его Иваныч, и в этой мягкости чувствовалось, что ничего хорошего парню ожидать теперь не придется, – разберемся.

– Да что тут разбираться – все люди видели!

– Какие люди? – также по-отечески переспросил Иваныч.

– Ну, на платформе которые стояли. Там много людей было. Спросите у них. У жены моей спросите! Стал бы я при ней задираться с незнакомыми! Да он вообще сумасшедший или пьяный, вы проверьте!

– В том-то и дело, что он трезвый, а от тебя пахнет, – вмешался Лопотко.

– Ну, выпил стопку на ярмарке, что из того? Я же ни в одном глазу! Он первый напал! Сами посудите, стал бы я с таким бугаем задираться!

– Кто тебя знает, – хитро продолжал плести лапти³⁶ Иваныч. – Вот у нас два свидетеля показывают, что не так все было...

– Как же не так?! Спросите у тех, кто по форме одеты – они меня вообще попросили задержаться как свидетеля... А когда те, что по гражданке подъехали...

– Да ты не волнуйся, – успокаивал Иваныч, – мы разберемся... Вспомни, может, у тебя с тем парнем неприязненные отношения когда-то сложились...

– Какие отношения? Да я его в первый раз вижу!

– Ну, не может же такого быть, чтобы ни с того ни с сего один трезвый человек бросился на другого!

– Я же и говорю, проверьте его – он сумасшедший! Подошел, руки трясутся, попросил закурить – не успел я руку сунуть за пачкой в карман, а он мне по роже хрясь!

Иваныч поморщился и незаметно глазами отругал Головина.

– Да ты присаживайся, в ногах правды нет, – в словах Лоскуткова начали появляться угрожающие нотки, – посидишь, вспомнишь чего...

В слово «посидишь» Иваныч сумел вложить тонкий зловещий смысл, который поняли все и, как показалось, задержанный тоже.

– Нечего мне вспоминать, – присаживаясь на стул, где только что сидела потерпевшая, с внезапно появившимися нотками наигранного безразличия отрезал парень.

– Ты, наверное, в Харькове живешь? – наконец-то задал Лоскутков вопрос, мучавший всех.

– Ну да, в Харьковской области.

(Вот почему он был столько времени неуловим!)

– А в Белгород часто приезжаешь?

– Не очень...

– А когда последний раз был?

– С полгода где-то...

(Врет! Значит, уже догадывается, по какому поводу!)

– А точнее? Мы же проверить можем.

– Ну, не помню я... А какое это имеет значение? Я же говорю – вижу парня этого в первый раз!

³⁶ Плести лапти (жарг.) – вести замысловатую, путаную беседу (часто – с целью обмануть).

- Имеет, раз спрашиваю. Так когда был последний раз?
- Полгода.
- Точно или не помнишь?
- Точно.
- А жена другое говорит... – блефанул, хотя и беспроницательно, Иваныч.
- А что она может сказать? – без тени волнения возразил парень. – Я когда по б... иду, лучший отмаз – в Белгород поехал.
- У тебя и б... есть? – зачем-то спросил Иваныч.
- А у кого их нет!
- Так, может, этот парень, который, кстати, земляк твой, за какую-нибудь из них тебе и по роже, как ты ее называешь, и заехал?
- Как земляк? – искренне удивился задержанный, и в его глазах вспыхнуло и потухло понятное волнение (может, и вправду его белгородские дела тут ни при чем?). – Так он сказал, что из-за б...?
- А теперь вспоминай, из-за какой! – подытожил Иваныч. – И не пора ли перестать ваньку валять³⁷? И не из – за б... ты получил по своей поганой роже, а за вполне добропорядочную милую женщину! Вижу, что вспомнил, за какую! А это ее муж! Теперь понятно?
- Мать честная! – театрально взмахнул руками задержанный. – Вот это влип! А я-то голову ломаю... То-то смотрю, мужик не в себе... Так что ему за это будет? Начальник, раз я сам виноват – отпускайте его, я претензий, как говорится, не имею... Только адрес мой не говорите ему и дайте вперед хоть уехать, а то он меня точно на платформе добьет...
- Не могу больше смотреть, как эта гнида над нами измывается! – сжав кулаки, рванулся к задержанному Лёня. – Позвольте, я ему второй глаз подрихтую, если черепок выдержит!
- Эй, ты чего? – парень сделал вид, что испугался, – Я что, твою жену обидел, что ли? Ну, мужики, у кого не бывает...
- Если бы мою, ты бы уже на кладбище гнил! – глаза у Трофимова налились кровью, а это был дурной знак.
- Прекратите, Леонид Леонидович! – резко тормознул его Иваныч, хотя в душе и поблагодарил Трофимова, наивно думая, что это всего лишь психологический прием. – У всех тут руки чешутся. Человека ведь выслушать сначала надо, может он сам хочет чистосердечно во всем сознаться!
- Да пора уже, – злобно прошипел Лёня.
- Мужики, ну правда, что вы, – театрально взмолился парень, видимо, решив прикидываться до конца, – я свое уже получил, разве мало? И претензий ни к кому не имею. Можно я поеду? Жена ведь ждет. И не ровен час узнает!
- Узнает, узнает, – начинал и Иваныч беситься, – узнает, с каким гаденьшем живет! А чтобы узнала не всё и дождалась, начинай сейчас себе срок укорачивать! А то, знаешь, бабы долго ждать не могут...
- А что нам его признания? – вмешался Лопотко. – Курточка в крови налицо – экспертиза определит, кому он ее пустил...
- Это я поросенка в деревне резал...
- Потерпевшая его опознает, – продолжал Серега.
- Да и пуговку мы нашли, – не мог смолчать Федор.
- Так что рассказывай, – подвел Лоскутков итог, – а лучше сразу пиши чистосердечное признание, ну, дальше все знают...

³⁷ Валять ваньку (жарг.) – врать, изворачиваться.

– Да не в чем мне сознаваться, – спокойно парировал парень, – вы меня с кем-то перепутали... Бабы были, да... Но при чем здесь кровь? И пуговица какая-то... Вы мне уж сами расскажите, в чем дело, а я поясню, может...

– Если мы тебе начнем рассказывать, поздно будет, – урезонил его Иваныч, – только потом не жалуйся, что не дали явку с повинной написать.

Лоскутков, конечно, насчет явки кривил душой – уже тогда такая мода начинала зарождаться: есть явка с повинной – значит, человека можно было задержать, арестовать и спокойно заниматься дальше. А пока экспертиза покажет, пока опознание... Правда, по сострепанному мелкому хулиганству можно было тоже подержать какое-то время, но где гарантия, что судья понимающий окажется, хорошо, если трое суток даст, а то оштрафует – и все дела! Ищи тогда ветра в Харьковской области...

Зашел Велиев.

– Ну что, опросили жену? – спросил его Иваныч.

– Да.

– Подтверждает?

– Конечно. Мы же ей всю правду рассказали.

Задержанный выражал полное равнодушие.

– А этот как же? – спросил Велиев.

– Не хочет явку с повинной писать. Значит, будем накручивать на полную катушку. Знаешь, что по этому делу грозит? – снова обратился к парню Лоскутков. – Вышак³⁸! А уж мы постараемся, будь уверен: убийство, грабеж, тяжкие телесные повреждения, а если попытку изнасилования привяжем, то баб ты уже никогда не увидишь, хотя секс иметь будешь – сам ею станешь... Ты судим был? Нет? Проверим! Так что готовься к самому худшему... Не надумал писать? Что? Не слышу...

– Я подумаю...

– Глеб, бери, кто тебе нужен, и пусть он быстрее думает, пока я добрый. Если через полчаса явку с повинной не напишет – помогайте следователю проводить следственные действия, и чтобы он уже на свободу никогда не вышел... Уводи его к себе.

– Ух, – перевел дух Иваныч, когда задержанного увели, – вроде сморчок какой, а не колется. Я прямо устал злодея из себя корчить. Что за работа такая – ищешь этих сволочей, ну прямо убить готов, когда попадутся, а когда вот они, у тебя в руках, куда все девается?

– Не имеем права у своих эмоций на поводу идти, – неожиданно сумничал Кузьмин.

– Хм, нахватался уже, замполит, – усмехнулся Иваныч. – Кстати, тоже с Климовым помогайте Велиеву.

– А может, и я на что-нибудь сгожусь? – шутливо сжав кулаки, вставил Лёня.

– Только без рук! – в тон ему ответил Иваныч.

³⁸ Вышак (жарг.) – высшее наказание.

1994. Особые правила

А дни проходили своим чередом. Чем характерна служба в уголовном розыске? Тем, что ты практически почти все время проводишь на работе, но при этом никто тебя не заставляет этого делать – главное, чтобы результат был. А результат как раз и бывает, когда ты, не замечая времени, проводишь его за работой. Ругаешь постоянно и себя, и начальство, и саму службу, что нет у тебя минутки на личную жизнь, но в то же время замечаешь – а как без этого жить? Недаром говорят, что сыщик – это не работа, а призвание! Бывают дни поражений, отчаяния, потом они сменяются победами, от которых получаешь невероятное удовлетворение, поглощающее все предыдущее уныние. И снова работа, работа и работа, порой без права на сон, элементарный отдых, когда этого требует дело, без права расслабиться и забыть, кто ты есть и в чем твое предназначение.

Сотрудник уголовного розыска не имеет календарных выходных, но это не значит, что у него совсем нет возможности решать какие-то свои личные неотложные дела. Как солдат на фронте, в минуты затишья он умудряется и пообщаться с семьей, и навестить родных, и починить кран в квартире, сходить в спортзал, сауну, посидеть с друзьями, хотя заранее спланировать все это удается редко. Чаще всего подобные дела решаются не вечерами после работы, как у обычных людей, а в течение дня, когда выпадает эта минутка. И даже находясь в отпуске, опер остается милиционером, который не имеет права пройти мимо совершаемого преступления, сделать вид, что не узнал преступника, находящегося в розыске, или не оказать помощь людям, терпящим бедствие. Милиционер – это, в общем-то, обычный человек, но его жизнь проходит по особым правилам. И в эти правила включается не только трудолюбие до самоотдачи, но и кристальная честность, порядочность, способность чувствовать чужую боль и, конечно, высокий профессионализм. Сотрудник милиции – это не робкоп, и у него тоже бывают свои слабости, недостатки, а иначе, как он будет понимать других людей, чтобы помочь им?

Преступник – тоже человек, хотя и живет по своим особым правилам. И у него есть свои понятия о справедливости, которые так и называются «понятиями». А так как и преступнику ничто человеческое не чуждо, – милиционер, должен видеть не только плохое, но и хорошее во всех без исключения людях, даже преступивших закон.

Впервые Климов почувствовал, что начал жить по милицеейским правилам в первый свой отпуск после года службы. Точнее, он все это время уже жил по ним, но осознал только теперь, когда солнечным днем стоял на остановке «Улица 3 Интернационала» в ожидании троллейбуса и строил планы на предстоящий беззаботный отдых. Там же на остановке находилось человек десять, двое из которых сразу привлекли его внимание. Это были мужчины среднего возраста, небрежно одетые, но не бомжи, предлагающие на продажу гражданам дорогую электробритву. Краем уха Климов услышал, что просят они за нее всего две бутылки водки. Это была выгодная сделка для потенциального покупателя, но никто на нее не соглашался, тем более что на остановке находились в основном женщины. Исколотые синими перстнями руки красноречиво указывали на мужиков как неоднократно судимых, поэтому Федор сделал вывод, что электробритва наверняка краденая, возможно, даже из квартиры.

Климов непроизвольно почувствовал навязчивое и какое-то естественное желание задержать любыми путями этих зеков с поличным, к тому же на все похищенные вещи опера составляли специальные карточки, на что уходило много времени, но зато потом это значительно облегчало раскрытие квартирных и иных краж. При этом все электроприборы имели свой идентификационный номер, по которому и вовсе легко было найти принадлежность вещи к конкретному преступлению! Но как задержать их одному, ничего не имея в руках, кроме удостоверения? Они ведь сразу убегут или еще хуже, окажут сопротивление, что, конечно,

маловероятно, но все же... В любом случае одному Федору вряд ли удастся их задержать. Эх, был бы хотя бы газовик... Мужики медленно обходили людей на остановке и скоро должны были приблизиться к стоящему несколько в отдалении Климову, который лихорадочно в уме разрабатывал план действий и, когда они приблизились, был, в принципе, уже готов.

– Хорошая бритва, – вертя в руках вещдок, согласился он.

– Ну дак, всего два пузыря водки!

– Надо подумать... А чего так дешево?

– Трубы горят, братан, неужели не видно?

– Может, неисправная?

– Ну что ты, братан, вообще не видишь, что новая? Я за базар отвечаю. Давай бабки на пару пузырей и пользуйся! Где ты такую почти даром купишь?

– В принципе, я бы взял, – согласился Федор, но все же проверить надо.

– Дак где мы ее проверим?

– Дак я тут живу неподалеку. Дома и бутылка имеется, и розетка.

– Эх, братан... Сразу видно, не наш ты человек... Как можно не доверять? Ну да ладно, пошли... Недалеко хоть?

– Угол Богданки и Островского – пять минут ходьбы.

– Ладно...

Климов специально указал эту точку, потому что, идя к ней, просто невозможно было пройти мимо Октябрьского РОВД, а там уж кто-то на помощь наверняка придет – никуда зеки не денутся!

Чтобы и вовсе притупить их подозрения, Федор решил немного поторговаться по дороге.

– А может, и одной бутылки хватит? Я же говорю, у меня дома только одна...

– Ну ты, паря, вообще совесть потерял! За новую бритву, которая в десять раз дороже, пары бутылок водки жалко? Мало того, что еще переться черти куда приходится...

– Ладно, одну бутылку водки, а вместо второй – деньги.

– Другой разговор! Из дома жена хоть не попрег?

– На работе она. Нет никого. Там же и подлечитесь...

– Вот это по-нашему! Заодно и обмоем...

Когда приблизились к райотделу, мужики заметно заволновались и предложили:

– Давай на другую сторону перейдем.

– К чему этот крюк? – сделал вид, что удивился Климов.

– Да место это нам не нравится...

– Да что вы в самом деле, мужики, что за место?

– Мимо мусарни ходить не любим, вернее, нас там не очень любят... Как говорится, береженого...

– Уж не краденую ли вы мне вещь подсунуть пытаетесь? – сделал вид, что испугался, Федор.

– Век воли не видать! Ты что, братан? Дома лежала, не пользовался ни разу! Пошли, черт с тобой, только побыстрее.

Возле входа в Октябрьский никто, как назло, не стоял, но Климов, ощутив стены родного заведения, почувствовал прилив сил и остановился.

– Вот и мой дом родной, заходите!

– Я так и знал! – в сердцах воскликнул один из мужиков, а другой укорительно пробурчал:

– Эх, паря...

Усадив мужиков в кабинете Андрейченко, Климов объяснил им:

– Короче, мужики, пробиваю вашу вещь по картотеке, если в краденых не числится – пойдете домой.

– Ага, знаем мы вас, только сюда зайди – вмиг в клетке окажешься!

– Слово офицера!

– Посмотрим...

Дежурный по просьбе Федора дважды пробивал по базе данных электробритву, но в краденых вещах она не числилась.

– Может, просто кто-то из вас карточку поленился заполнить, – подколот дежурный.

– Может быть, – с досадой согласился Федор, – но ведь приятно все-таки, что мужики эти, возможно, и не крали ее. Нельзя же человека просто за то, что он ранее судим, постоянно в грязь лицом тыкать, мол вор должен сидеть, но с другой стороны, не пойман, не вор!

– Да ты философ, – усмехнулся дежурный. – А может, закрыть их – пусть опера поработают. Наверняка нароют что-то!

– Нет, так тоже нельзя, – решил Федор, – пойду отпущу.

На улице мужики чуть не прослезились, когда Климов вывел их из райотдела и искренне извинился за отнятое у них время.

– Ничего, братан, мы не в обиде. Другие бы мусора... ой, извини! Короче, ты понимаешь... Так что тебе спасибо...

– Ну, прощевай...

Федор на дорожку дал им по сигарете, закурил сам, после чего мужики поспешно покинули неприятное место, но каково же было его удивление, когда они снова вернулись и предложили:

– А может, все-таки купишь? За одну бутылку...

1994. В паре с Трофимовым

Лёня Трофимов проживал непосредственно возле ОМ-1, а потому, подружившись с Климовым, стал частенько пропадать у него. Дружба опытного опера-обновца и подающего надежды разыскника благотворно сказывалась не только на профессиональном становлении последнего, но и на значительном повышении процента раскрываемости отдела. Климову по-прежнему нужен был старший товарищ-наставник, а Трофимов давно искал работающего напарника, готового по первому зову и днем и ночью реализовать вал информации, которую он получал от опытного негласного аппарата.

– Ты давно квартирников задерживал? – спрашивал Лёня у Климова.

– Задержали недавно группу, сейчас в ИВС на другие кражи раскручиваем.

– У меня есть информация, что братья-наркоманы Воронцовы, Вовка и Димка, совершают квартирные кражи. Там еще старший Славка с ними живет – тот вообще уже еле живой, не ворует, но наркота в квартире всегда для него водится.

– А где живут?

– На Ватутина – ваша территория.

– А кто еще в квартире?

– Сестра их младшая, лет восемнадцать. Тоже уже на игле.

– А родители?

– У родителей в деревне дом. Эти сами тут живут ну, и, конечно, притон устроили. Только осторожные очень – посторонние к ним не ходят, соседи не жалуются, квартира на последнем этаже, пятикомнатная, – кумар никого не беспокоит, вот и расслабились...

– И что предлагаешь?

– Часика в 4 утра засаду в подъезде устроить.

– А что, ночами воруют?

– Ну да. Мой человек сказал, что рано утром с вещами приходят, пока соседи спят. Авось повезет этой ночью. Ну, если нет, так в другую обязательно получится... Готов?

– Всегда готов!

Лёня ошибался редко – на следующее утро первый отдел работал с новой группой квартирников, а ОБНОН получил солидную «палку» по наркоте.

Любимой тактикой раскрытия преступлений у Трофимова, как сразу понял Федор, была засада, и это не столько было связано со спецификой работы по наркотикам, сколько являлось отпечатком прежней – скрытое наблюдение. В этом Лёня, несомненно, являлся профессионалом.

– Знаешь, как в случае необходимости совершенно бесшумно передвигаться по лестничному пролету в подъезде? – учил он Федора.

– На цыпочках, что ли?

– Все равно тебя песок на лестнице выдаст.

– Ну и как?

– Берешь ботинки в руки и в носочках...

– Так ведь грязно...

– А ты хочешь опером быть с чистыми ногами? – смеялся Лёня.

В другой раз стоят в засаде в подъезде не один час.

– Лёнь, я в туалет хочу. Схожу, ладно?

– Терпи, а то запалимся!

– Сколько можно терпеть?

- Сколько надо, столько и терпи!
- Я больше не могу!
- Хорошо, иди, только осторожно. Наберут ссыкунов в милицию!

- Как конвоировать одному двух задержанных, знаешь? – спрашивал Лёня.
- В наручниках?
- Допустим, мы вдвоем задержали четверых наркоманов. Их нужно довести хотя бы до машины, чтобы они не убежали. Как нам не тратить время на наручники, связывание и т. п.?
- Ну и как?
- Становишься сзади них и берешь каждого за его брючный ремень в районе поясицы. Потом ведешь впереди себя. Как только кто из них дернется, резко поднимаешь его за ремень вверх – и он, какой бы амбал ни был, падает пузом на живот.
- Не может быть!
- Можешь попробовать на мне... Вот блин! Не на асфальте же...

В работе Трофимову часто помогала его врожденная артистичность. Он умел мгновенно перевоплощаться в кого угодно в зависимости от обстоятельств, особенно если употребит немного. Если доза зашкаливала, мог и переборщить. Часто вечерами, когда Федор дежурил в опергруппе, Лёня приходил к нему в отдел и предлагал свою помощь.

Находясь на дежурстве, оперативник обязан брать заявления у всех потерпевших, принимать оперативные меры по этим заявлениям, задерживать, если необходимо, подозреваемых, выезжать в составе опергруппы на все совершенные преступления на территории, закрепленной за отделом, опрашивать свидетелей, подозреваемых и выполнять круглосуточно много другой работы, связанной с криминалом. Хорошо, если час-другой удастся поспать! Время в такой круговерти пролетало быстро – не успеешь утром заступить, как выезжаешь на угоны и разукomплектования автотранспорта, которые были совершены ночью. До обеда прокрутился – квартирные кражи! Хозяева уходят на работу, а воры уже тут как тут. И свидетелей возле дома минимум, и соседей не наблюдается! Часам к шести, когда у людей кончается рабочий день, они по несрочным делам приходят заявления писать: на соседей, родственников, друзей, просто на неустановленных лиц. Чуть стемнело – вал грабежей пошел: шапки снимают, сумочки вырывают, если с применением оружия – разбой. Не говоря уже, что в течение дня пострадавшие от карманников просто строем в райотдел ходят. Работаешь и молишься, чтобы убийство не произошло – тогда вообще рискуешь утром не смениться!

Часов в двенадцать ночи чаще всего затишье. Именно в это время собирается вся опергруппа на ужин в дежурке: дежурный, помощник дежурного, «клеточный», следователь, участковый, иногда дознаватель и сотрудник ИДН³⁹, ну и водитель, конечно. По крайней мере, в ОМ-1 так заведено было. И за ужином обсуждают события дня – что еще по материалам необходимо сделать, а то и просто анекдоты травят, если все нормально. После этого час-другой удастся поспать в хорошие дни, но часов с трех снова угоны, кражи из автотранспорта, изнасилования и хулиганки... А сколько в течение дня еще и несуразных заявлений поступает! Однако всех необходимо выслушать, опросить, зарегистрировать и принять решение.

Поэтому от Лёниной помощи Климов никогда не отказывался. Особенно в паре им здорово удавалось раскалывать подозреваемых по известному принципу «плохой-хороший». Трофимов мастерски изображал злого сотрудника, а Климов довершал дело по-хорошему. Внушительная фигура, профессиональная способность к перевоплощению, а иногда и огромные кулаки Трофимова оказывали неизгладимое впечатление на преступников любого профиля,

³⁹ ИДН – инспекция по делам несовершеннолетних.

заставляя их в беседе с Климовым быть искренними и сговорчивыми, чтобы снова не оказаться один на один с «этим сумасшедшим».

В этой связи происходили и забавные случаи. Однажды Лёня пришел вечером в отдел, когда Федор в очередной раз загибался от вала преступлений, сел за соседний столик, достал внушительный батон колбасы, небольшую бутылку водки, которую в этих краях называют чекушкой, употребил граммов сто, закусил, после чего деловито осведомился:

– Что у нас на сегодня?

– На сегодня грабеж по улице Мокроусова.

– Что, прямо в нашем районе? Забавно...

– Вроде как пэпээсники задержали по приметам подозреваемого, сейчас привезут.

Не успел Лёня выпить вторую стопку, как трое сотрудников в форме еле затащили в кабинет огромного роста и крепкого телосложения парня, изрядно подвыпившего, который крыл их матом на чем свет стоит и пытался вырваться.

– Что вы меня сюда тащите? – громким басом орал он. – Вы еще не знаете, кто я! Да я вас...

Троим сотрудникам стоило большого труда удерживать его, но тут из-за стола внушительно приподнялся Лёня и тихим, но властным голосом произнес:

– Отпустите его.

Задержанный как-то сразу успокоился, словно Трофимов его загипнотизировал, и Климов понял, что сейчас что-то случится необычное, в отличие от пэаэсников, которые, хоть и отпустили парня, но стояли наготове, опасаясь возобновления у того пьяной истерики.

– Не надо насилия, – продолжал тем же тоном Лёня, обращаясь к конвоирам и давая знак отойти от задержанного подальше.

Парень стоял теперь свободно в центре кабинета и пьяно ухмылялся:

– Вот так-то лучше!

– Ну и кто мы? – вкрадчиво спросил Лёня.

– Да я... да я... да я тут самый главный на районе! – выпалил он, угрожающе выпучив глаза.

Резко и неожиданно Трофимов нанес парню удар кулаком в район лба, отчего тот подлетел, как мешок с тряпьем, и рухнул в угол кабинета. Его широко раскрытые глаза выражали испуг и растерянность, а Лёня как ни в чем не бывало снова сел за стол, допил водку, не спеша закусил, после чего тем же тихим и властным голосом пояснил свои действия:

– Ты ошибаешься, парень. На этом районе самый главный – я.

Как ни странно, задержанный еще больше испугался – его глаза забегали, как бы ища защиты, по пэпээсникам, обратились к Климову, затем на секунду поникли, после чего вновь загорелись спасительной надеждой:

– А можно я тогда буду вашим заместителем?

Какой раздался дружный хохот в кабинете, думаю, описывать нет необходимости. Не смеялись только Лёня и задержанный.

В один из вечеров Климов также сидел за столом и, почти не поднимая головы, едва успевал опрашивать потерпевших, количество которых, казалось, нарастало в геометрической прогрессии. Лёня в своей любимой позе сидел за соседним столом и скучал без живой работы. На улице стоял март, слякоть, мокрый снег лежал вперемешку с грязью – весна вступала в свои права, но выходить на улицу в такую погоду не очень-то хотелось. Какие могут быть преступления – в голове просто не укладывалось!

Очередного потерпевшего в кабинет завели сотрудники ППС, которые пояснили, что нашли его в нетрезвом виде на улице Костюкова, одетого довольно легко для такой погоды,

а когда хотели доставить в вытрезвитель, он пояснил, что подвергся грабежу – с него неизвестные сняли кожаную куртку.

– Фамилия, имя, отчество? – даже не взглянув на потерпевшего и автоматически положив перед собой чистый лист, спросил Климов.

– Ложкин Игорь Олегович, – хмуро сообщил тот, присаживаясь на стул напротив, когда пэпээсники по знаку Климова ушли.

– Место рождения, работы, жительства? – автоматически продолжил Федор, но тут скупающий Лёня почему-то взял инициативу на себя:

– Где это случилось?

– На Костюкова, во дворах.

– Что забрали?

– Кожаную куртку.

– Сколько их было?

– Трое.

– Приметы? Ну, как они выглядели, в чем были одеты?

– В черных кожаных куртках и лисьих шапках.

– Все трое в лисьих шапках?

– Да, все трое.

– И как это произошло?

– Я шел по двору, а тут они навстречу. Один меня ударил – я упал. Потом сняли с меня куртку, еще раз стукнули, я снова упал... Потом они ушли. Я собрался к вам идти, а тут машина милицейская сама подъехала. Вот и все.

– Понятно, – саркастически усмехнулся Лёня.

– Дай я хотя бы данные его запишу, – вмешался Климов, – где проживаете?

– На Костюкова.

– Не спеши, – вмешался Лёня, обращаясь к Федору, – сейчас он нам расскажет, как все на самом деле было.

– Так все и было, – обиделся потерпевший.

– Ты что, – начинал злиться Лёня, – за лохов нас держишь? Нам больше делать нечего, как несуществующих грабителей в лисьих шапках искать? Рассказывай, как на самом деле было, а то сейчас в трезвяк отправим!

Парень растерянно засопел, закрутился на стуле и отрешенно уставился в пол.

– Ну?

– Короче, сидел у знакомой девушки, выпили, конечно... Потом к ней еще трое пришли – я их немного знаю. Ну, снова выпили. Потом...

– Потом поссорились, потому что ты заревновал, – продолжил Лёня, – они тебя выставили. Так? А куртка в квартире осталась...

– Я сам ушел... А тут милиция... Хотели в трезвяк везти, а я сказал, что меня ограбили.

– Я так и думал, – согласился Лёня, – побудь в коридорчике, пока мы с товарищем твою судьбу решим.

Пряча глаза, парень вышел в коридор.

– Как ты догадался? – сразу же спросил Федор.

– Да слякоть на улице, а он чистый, как младенец! Как же он падал?

– Ну да, а я даже не посмотрел...

– Но куртку-то все равно возвращать надо, вдруг он завтра придет потрезвянке заявление снова писать?

– Да двенадцать ночи уже! Кто нас в квартиру пустит?

– А что ты предлагаешь? Вдруг куртка завтра уйдет куда-нибудь!

– Тоже верно...

– Короче, сходим, тут недалеко.

Трофимов снова позвал парня и, насупив брови, сообщил:

– Ты хоть и пьянь подзаборная, но мы с товарищем решили все же помочь... Где эта квартира?

– Ой, – испугался парень, – да мне потом проходу во дворе не будет за то, что я в милицию обратился! Они же мне вроде как знакомые... Лучше я завтра утром схожу и сам найду куртку.

– И в дыню получишь, – резюмировал Лёня. – Так и быть, не будем говорить, что мы из милиции...

– Ну я прошу, не надо, – уперся парень, – я сам...

– Цыц! – осадил его Лёня. – Другой путь только через трезвяк! Так что выбирай... Да не бойся, нам не впервой, никто ничего не узнает!

Климову не очень понравилась Лёнина авантюра, но остановить его было уже невозможно.

– А телефон у девушки есть? – спросил на всякий случай Федор.

– Есть.

– Так позвони ей, скажи, что сейчас за курткой придешь!

Парень без особой охоты набрал номер. Телефон на другом конце долго не брали.

– Лена, – жалобным голосом наконец спросил он, – а ребята ушли? А куртка моя осталась? Забрали? А кто забрал? Мятый? Я тебе потом перезвоню...

– Вот видишь, уходит твоя курточка! Поехали! – подтолкнул потерпевшего Трофимов в спину.

– Куда?

– Ну, к Мятому этому! Знаешь, где живет?

– Знаю.

Климов накинул верхнюю одежду, прихватил ПМ на всякий случай, и все трое вышли на улицу.

Идти пришлось недалеко.

– Здесь, на первом этаже, – пояснил парень, – может, я сам, а вы в подъезде постоите?

– Не пыли! – злился Лёня. – Показывай квартиру. Кто этот Мятый?

– Ну, парень, один из них... Говорят, блатной... Вроде сидел...

– Сейчас этот Мятый будет помятый! – пообещал Лёня и оттеснил от двери Климова, который все же хотел забрать куртку без самостоятельности.

Стучать пришлось долго.

– Может, он еще не пришел? – предположил парень.

– Ну да, куртяк твой пропивает где-нибудь... – констатировал Лёня. – Хотя нет, вроде что-то зашуршало...

– Кто там? – раздался из-за двери недовольный голос.

– Отвечай, – пнул кулаком потерпевшего в бок Лёня.

– Это я, Игорь. Моя куртка у тебя?

– Пошел на... – отозвался хозяин квартиры. – Или снова в торец захотел?

Парень испуганно замолк, и заставить его что-либо еще говорить, было невозможно. Выдавать наличие двух сопровождающих также было легкомысленно, поэтому Лёня ограничился тем, что начал тупо кулаком барабанить в дверь.

– Ну ты достал, гнида! – послышалось за дверью, которая после характерного поворота замка распахнулась.

Из темноты выплыла круглая, небритая, заспанная физиономия, пышущая перегаром. Не успела она толком разглядеть, кто стоит в подъезде, как снова скрылась в темных недрах квартиры, потому что Лёня отправил ее обратно поставленным ударом кулака. Внутри загремела падающая мебель, раздался жалобный стон.

– Не бейте его! – в испуге закричал потерпевший.

– Не мешай работать! – громко, чтобы его слышал и Мятый, прохрипел Лёня, зашел в прихожую и включил свет. Климов рванул следом.

На полу под развалившейся тумбочкой лежал в грязных спортивных штанах и майке непричесанный субъект, испуганно бегая глазами по посетителям.

– Ты, что ли, Мятый? – грозно спросил Лёня.

– Я... – дрожа всем телом, представился хозяин квартиры.

– Дома еще кто есть?

– Не...

– Ты пошто моего друга обидел?

– Я не обижал...

– Не бреш! – Лёня зачем-то достал выкидной нож и демонстративно щелкнул лезвием. –

Разве ты не знаешь, что он находится под моей защитой?

– Не, не знал... Не бейте только...

– Где куртка?

– Ее, ее... Конь забрал...

– Какой Конь?

– Конев Пашка... Ну, друг его... Чтобы завтра отдать...

– А живет он где?

– Я знаю, я знаю, где живет! – стремясь поскорее уйти из квартиры, лепетал потерпевший. – Это мой друг.

– Повезло тебе, Мятый! – с деланной досадой сообщил Лёня, а то сидеть бы тебе на пере...

– Не надо, прошу вас... – испуганно блеял Мятый. – Я больше не буду...

– И всем скажи, – торжественно вещал Лёня, – кто моего друга хоть мизинцем тронет, будет иметь дело со мной! Понял?

– Понял... Понял...

На всякий случай Лёня пнул Мятого слегка ногой, скорее для закрепления эффекта, а не чтобы причинить боль, после чего троица вышла на улицу.

– Теперь тебя никто не тронет, – пообещал Лёня.

– Спасибо... – явно не очень-то довольный такой защитой, благодарил парень.

– Пойдем к Коню!

– Не надо! Не надо к Коню! Это ведь мой друг, я у него завтра заберу! У него мама большая дома...

– Мама, говоришь? – остепенился Лёня. – Тогда ладно, убедил... Но сейчас на всякий случай в отделе бумагу напишешь.

– Какую бумагу?

– Что претензий не имеешь. А лучше завтра с утра, когда куртку заберешь... Понял?

А то мы с товарищем переживать будем...

– Понял, спасибо!

– Ну, прощай. И с бабами своими разберись обязательно!

– Разберусь! – пообещал парень и радостно побежал домой.

– Ну вот, доброе дело человеку сделали, – чтобы снять напряжение, в котором все это время находился Федор, подытожил Лёня.

– Ты бы кулаками пореже махал, – упрекнул его Климов.

– А как с ними, сволочами, иначе? – удивился Лёня.

По поводу излишней несдержанности Трофимова, которую Федор выделял как единственный его недостаток, показателен еще один курьезный случай.

Однажды друзья находились в засаде на шестом этаже многоквартирного дома – здесь на пятом проживал наркоман и сбытчик наркотиков по кличке Сёсик. Засада, видимо, сразу не удалась, потому что осторожный сбытчик на условные стуки дверь никому из приходивших наркоманов не открывал, хотя точно находился дома. Трофимову и Климову ничего не оставалось делать, как чисто статистически фиксировать посетителей, которых хорошо знали, что, впрочем, впоследствии могло пригодиться. В конце концов им надоело торчать в подъезде, и друзья собрались уходить, но тут из лифта вышел незнакомый крепкий парень, не похожий на наркомана, и осторожно постучал в квартиру условной комбинацией.

– Новенький, – прошептал Федор. – Давай хотя бы на учет поставим!

– Давай, – согласился Лёня, спускаясь по лестнице. – Эй, пацан, не спеши уходить! Дядьки с тобой поговорить желают.

Наркоман послушно прижался к стене и испуганно забегал глазами, что безошибочно выдало в нем обноновского клиента.

– Зачем сюда приходил?

– Кассеты отдать, – робко протянул он Трофимову пакет с двумя засаленными видеокассетами.

– Ну, как обычно, – рассуждал Лёня, – то кассеты, то книги! Вы же у нас самые читающие люди! Засвети-ка карманы!

Наркоман безропотно позволил себя обыскать, но, кроме сигарет, зажигалки и паспорта, у него ничего не оказалось.

– Как фамилия? – спросил Лёня.

– Мазыкин.

Климов испуганно посмотрел на Лёнин кулак, который действительно непроизвольно сжался. Это была фамилия известного в городе наркомана, которого друзья, естественно, знали как облупленного.

– А зовут тебя как? – пытаюсь исправить положение, поспешил спросить Федор.

– Юра.

Увы, имя тоже соответствовало. Климов хотел предотвратить мордобой, но не успел – последовал короткий и точный удар, сваливший парня с ног.

– Что же ты врешь, гаденыш?! Я что, Мазыкина не знаю? – попробовал уличить его Лёня.

– Да вы паспорт посмотрите, – утирая сопли, протянул документ наркоман.

– Хм, – растерянно прочитал Трофимов, – действительно, Мазыкин Юрий Петрович. Однофамилец, однако... Тогда извиняй...

Работая в паре с Трофимовым, Федор многому научился, особенно в раскрытии преступлений, связанных с наркотиками. В то же время Лёня, словно прописавшись в ОМ-1, сам получал немалый опыт в раскрытии преступлений общеуголовной направленности, в чем сотрудники специальных подразделений, таких как ОБНОН, были, как правило, не очень успешны. А ведь за наркоманами тянулся шлейф очень многих попутных преступлений – кражи, грабежи, разбои... Поэтому, работая с Лёней по наркотикам, Федор быстро понял эту взаимосвязь и умудрялся раскрывать массу общеуголовных преступлений. Кроме этого, многие наркоманы, как выяснилось, обладая немалой оперативной информацией о криминалитете города, охотно делились ею. И не надо было, вопреки бытующему у обывателей мнению, подкармливать их наркотиками (хотя, чего греха таить, и такое бывало) – достаточно было относиться к ним по-человечески, не беспредельничать, то есть выглядеть в их глазах порядочным и в то же время принципиальным ментом, которого, с одной стороны, нужно опасаться за эту принципиальность, но с другой – уважать за честность. А порядочным человеком сколько ни прикидывайся, все равно когда-нибудь проколешься! Поэтому им нужно просто быть изначально.

Лёня и Федор так и поступали с наркоманами, да и с другими антиобщественными лицами – сегодня я тебе друг, а если завтра попадешься – будешь сидеть, в этом моя работа и мой долг!

Однажды Лёня получил информацию, что трое авторитетных наркоманов – Коляба, Ботвинник и Щётик – освоили приготовление наркотического средства эфедрина в домашних условиях из безобидного копеечного лекарства от кашля «Солутан». Мизерного количества этого наркотика было достаточно для получения необходимого эффекта, а последствия употребления являлись просто убийственными – мало того что он вызывает быстрое привыкание, но и, действуя напрямую на сосуды головного мозга, он наравне с депрессией мог побудить человека к неуправляемым агрессивным действиям. Опасность распространения в связи с простотой и дешевизной этого наркотика была налицо, а как с ним бороться, никто тогда не знал.

– Нужно для начала выяснить технологию изготовления, – рассуждал Трофимов, – а уж потом думать, как пресечь эту заразу.

– Запретить продажу «Солутана» без рецепта?

– Это не в нашей власти, да и роль у нас другая, – логично возразил Лёня. – Когда компетентные органы до этого додумаются, мы со своей стороны должны солутанщиков выявить, изготовителей – пересажать, а главное – разработать тактику задержания их с поличным. Ведь за «Солутан» их не привлечешь? Нет. Только при наличии чистого эфедрина. Как узнать, что эфедрин уже готов? Это не маковая солома, завоняло растворителем – можешь быть уверен, что пора брать! Или со стаканом задержал – «палка» налицо. А тут изготовили, вмазались и пошли себе как ни в чем не бывало...

– Ну, методом проб и ошибок надо действовать, а как иначе? Уж Коляба с компанией точно не расколятся! У кого они собираются?

– У Щётиков на 5 Августа. Марину помнишь? Это жена Щётика, тоже колется. Сами супруги вроде как ничего, на контакт пойдут, если что, не конченные еще, но главные там Коляба и Ботвинник. Скорее всего, Коляба технологию разработал, Ботвинник банковать будет, а Щётики – это так, квартира у них считается непаленой, вот и все...

– И когда они мутят⁴⁰ обычно?

– Где-то в обед. Попробуем?

– Попробуем.

В подъезде решили не сидеть.

– Квартира не паленая – можно и на дурака попробовать, – решил Лёня.

Подошли тихонько, послушали. Вроде кто-то ходит.

– Похоже, они внутри уже, – предположил Лёня.

Постучали тихонько условным стуком (знали заранее).

– Олег, ты? – отозвалась Марина и, не дожидаясь ответа, открыла дверь.

– Ой, Леонид Леонидович...

– А мы в гости! Можно?

«Рановато пришли», – понял Федор.

Разумеется, не дождавшись ответа, Лёня закрыл входную дверь и моментально обшарил всю квартиру.

– Ты одна, что ли?

– А кто ж еще будет?

– Мы посидим, если не возражаешь. Тебе же скучно, небось...

– А с вами кто?

– Знакомься – старший лейтенант милиции Климов, – нарочито торжественно представил Лёня Федора.

⁴⁰ Мутить (жарг.) – изготавливать наркотик.

- А я слышала уже о нем.
- Тем более приятно воочию увидеть!
- Я Марина Щетинина.
- А я Федор.
- Чаю не хотите?
- Спасибо, чаем душу не обманешь, – шутил Лёня.
- А больше мне и предложить нечего...
- Да мы не за этим, собственно, зашли. Олег скоро будет?
- Не знаю. К матери в деревню собирался... Может, сегодня и не придет вовсе...
- А может, и придет... – уверенно предположил Лёня и как бы от скуки, заглянул в шкаф для посуды.
- Да нет ничего, Леонид Леонидович, – усмехнулась Марина.
- Знаю, что соломы нет – воздух свежий, – согласился Лёня, – но чем-то вы все равно должны раскумариваться⁴¹...
- Да бросили мы давно.
- Верю, сам брехун, – парировал своей дежурной фразой Лёня.
- Ну, как знаете...
- В дверь постучали условным стуком.
- А вот и Олег пожаловал, а ты говоришь... – осадил Лёня женщину. – Мы сами откроем. Заходите, гости дорогие!
- Опера резко втянули ожидаемую троицу в квартиру и закрыли дверь.
- О, Леонид Леонидович пожаловал! – без тени испуга воскликнул Коляба, небольшого роста мужчина плотного телосложения.
- Называй меня Лёней, – огрызнулся Трофимов, – все же в одном дворе выросли.
- Выросли-то в одном дворе, а тропинки наши разбежались... – ухмыльнулся Коляба.
- Не юродствуй – сам себе тропинку выбрал.
- Куда уж нам...
- Другой парень, высокий и щедушный, имеющий вид типичного наркомана со стажем, боязливо улыбнулся и, потупив глаза, жалостливо пояснил:
- Мы, Леонид Леонидович, чаю зашли попить. А вы что подумали?
- Мы, Ботвинник, правильно подумали, не сомневайся! Доставай заварку из карманов! И ты, Щётик, тоже! Накрывайте, как говорится, на стол!
- Федор хотел обыскать Колябу, но Лёня тут же его осадил:
- Этот никогда ничего с собой не носит, будь уверен! Птица другого полета!
- Наркоманы выложили на стол сигареты, зажигалки, какую-то записную книжку, несколько пузырьков «Солутана».
- А это что? – спросил Лёня, указывая на лекарство.
- Болею я, начальник, – пояснил Олег, чернявый симпатичный парень, у которого в карманах оказался «Солутан», – вот и купил лекарство.
- И помогает? – иронично спросил Лёня, намекая на другую болезнь.
- Ну, ежели у кого астма или бронхит, – делая вид, что не понял намека, серьезно объяснил хозяин квартиры.
- А мы вот сейчас изыдем это лекарство! – начинал злиться Лёня. – Запру вас в клетке и посмотрю, сколько без него продержитесь!
- Не имеешь права, начальник! – холодно парировал Коляба. – В аптеке продается без рецепта.

⁴¹ Раскумариваться (жарг.) – употребить наркотик «на кумаре», то есть во время «ломок», наркотического похмелья с целью избавления от болезненного состояния.

- Ладно, открываем карты, – согласился Лёня. – На эфедринчик перешли?
- Какой такой эфедринчик? – пояснил Коляба, в то время как остальные наркоманы, трясясь от страха, умоляли его глазами не перегибать палку.
- Сам знаешь, какой! Ты что, Коляба, страх потерял? Давно бы посадил, да дочь твою жалко...
- Доченька у меня молодец, – как бы обращаясь к Климову, с теплотой в голосе согласился Коляба. – Один воспитываю, пропадет без меня! Спасибо, хоть не в папку пошла...
- Да уж, действительно, слава богу! – согласился Лёня.
- Но и вправду, Лёня, ведь не за что меня сейчас на кичу⁴² сватать!
- Не за что, а потому есть деловое предложение.
- Какое?
- Вы сейчас из ваших пузырьков эфедрин изготовите! А мы с товарищем посмотрим.
- Что? – растерялся Коляба. – При вас мульку⁴³ мутить?! А потом в клеть?
- Когда нужно будет вас в клеть сажать, тут ты прав, нам с товарищем решать! А раз сегодня обещаем амнистию, делай, что тебе говорят! Или моего слова не знаешь?
- Слову я твоему доверяю, но как-то стремно все это... А вмазаться⁴⁴ потом дадите?
- Вмазываться будете без нас. Я хоть и заканчивал медучилище когда-то, но на подобные пакости спокойно смотреть не могу. Давай, не тяни кота за хвост, быстрее начнете – быстрее вмажетесь!

Всю дорогу до отдела Лёня и Федор не переставали удивляться простоте изготовления эфедрина с помощью пустого пузырька, хлебного мякиша, граненого стакана и горелки на сухом спирте всего за пятнадцать минут!

- Да, не стоит на месте криминалитет, совершенствуется, – причитал Лёня.
- От бедности все это, – рассуждал Климов, – были бы бабки, на героине сидел бы. Ну, хоть теперь технологию знаем – можно продумать уже и тактику задержания!
- И, главное, какие предметы в квартире говорят о приготовлении эфедрина! А то видно, что вмазанные, а с чего – кто его знает!

Через много лет Климов, будучи преподавателем оперативно-разыскной деятельности в вузе, пригласил на одно из факультативных занятий известного в городе адвоката Трофимова, чтобы тот со своей точки зрения поведал об ошибках, допускаемых оперативными сотрудниками при документировании действий лиц, занимающихся незаконным оборотом наркотиков. Леонид Леонидович любезно согласился и прибыл в юридический институт в назначенный час.

– У меня только две просьбы, – обратился к нему перед этим Федор, – во-первых, не пой мне дифирамбы, как ты обычно любишь, а во-вторых, ни слова о применении физической силы, даже при задержании.

– Это почему же? – искренне удивился Трофимов.

– Потому что имеются определенные педагогические нюансы, кроме того, мы учим, что в нашей работе на первом месте стоит законность и лишь на втором – желание раскрыть преступление.

– Законность прежде всего! – с адвокатской важностью согласился Леонид Леонидович, поглаживая седую бородку, однако надолго, как и следовало ожидать, его не хватило. Выйдя минут через десять из кабинета, чтобы принести лектору минеральной воды, Федор, отчаянно краснея, услышал вкрадчиво-театральный голос Трофимова за дверью. – Меня, правда, попро-

⁴² Кича (жарг.) – место заключения, исправительно-трудовая колония, лагерь, зона.

⁴³ Мулька (жарг.) – наркотик. Мульку мутить – изготавливать наркотик.

⁴⁴ Вмазаться (жарг.) – сделать себе инъекцию наркотика.

силы об этом не рассказывать... Но вы хоть знаете, какой заслуженный оперативник ваш преподаватель? Уж мы с ним в свое время наворотили дел...

Федор безошибочно представил поднятый Трофимовым к небу кулачище и от смущения не возвращался в аудиторию еще минут десять.

1994. Загадочное убийство

В мае 1994 года город потрясло страшное по своей жестокости и циничности убийство, на раскрытие которого были брошены все силы милиции, а так как оно произошло на территории ОМ-1, то основная работа по его раскрытию легла на плечи сыщиков этого отдела.

В двенадцать часов ночи в дежурную часть позвонила взволнованная женщина и сообщила, что ее двадцатилетняя племянница не пришла ночевать домой.

– Вот невидаль, – расстроился дежурный следователь. – В это время только гульки у молодежи начинаются! Хоть бы до утра подождали заявлять...

Подобных звонков в отдел поступало немало. Как правило, пропадали дети из неблагополучных семей. Некоторых сразу же находили, другие, которые постарше, если их не удавалось оперативно разыскать, под утро сами возвращались домой, иногда убегали в другие города, часто по причине конфликта с родителями, а также из-за несчастной любви. Пропавших маленьких детей искали тщательно, привлекая все силы и средства, а перепивших где-то мужей и загулявших совершеннолетних девушек – спустя рукава, лишь бы отчитаться, так как криминалом чаще всего здесь и не пахло.

Уже с порога следователь начал успокаивать хозяйку квартиры, что волноваться не стоит, подобное случается сплошь и рядом, а узнав, что девушка ушла со своим молодым человеком, и вовсе начал намекать на ложный вызов, чтобы не принимать заявление. Подобный настрой присутствовал у всего состава опергруппы, изрядно уставшей за день. Ведь в данной ситуации пришлось бы осматривать комнату пропавшей, изымать вещи, которые могли способствовать розыску (записные книжки, тетради и т. п.), обзванивать родственников, друзей, выясняя, кто последний ее видел, объезжать места возможного местонахождения, то есть проводить все необходимые первоначальные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.